

БЕЗУМИЕ ВЫДУМКА

Джейс

Кэмерон

После схватки с Чеширским Котом, Алиса Уандер едва отличает реальность от фантазии. Но когда детям начинают отрубать головы и начинять ими арбузы по всему городу, становится ясно, что появился еще один Монстр из Страны Чудес; возможно еще страшнее Чешира. Алисе вместе с Профессором Пилларом придется разгадать загадку убийцы, прежде чем ужасное происшествие станет угрожать смертью миллионам. Джек Даймондс появится снова. На этот раз, Алиса узнает кто он такой на самом деле.

Кэмерон Джейс

Безумие 2. Выдумка

Серия: Безумная в Стране Чудес — 2

Переводчики: Надежда Добшикова и Олексій Ткачев

Редактор: NDobshikoVa

Обложка: Мария Ивахнова

Оформление: NDobshikoVa

Находясь в психиатрической лечебнице после убийства своих одноклассников в автобусной аварии, Алиса Уандер убеждена загадочным пациентом, Профессором Картером Пилларом, что ей необходимо спасти жизни людей от Монстров Страны Чудес. Профессор Пиллар, также известный как Пиллар — Киллер, утверждает, что онс — Настоящая Алиса из книг Льюиса Кэрролла. Он рассказывает ей, что прочие персонажи из книг переродились людьми и живут среди нас. И что надвигается Война Страны Чудес.

Алисе удастся решить загадки убийцы Чеширского Кота, который похищал девушек и вышивал на их лице улыбки. Она спасает девочку, по имени Констанция, которая оказывается потомком одной из девочек, что Льюис Кэрролл фотографировал два века назад.

В сумасшедшем приключении, Алиса узнает секреты Оксфордского Университета, после знакомится с Герцогиней из книг, которая теперь выступает в роли Маргарет Кент, бесчестной женичины из Парламента, которая использует Монстров Страны Чудес в качестве наемников, чтобы обслуживать политиков высокого калибра.

Алиса и Пиллар отправляются в Ватикан, чтобы встретиться с Белой Королевой, которая воплотилась в женичине по имени Фабиола, одной из самых уважаемых монахинь в мире, пытающейся изо всех сил помочь людям. Фабиола наводит Алису на финальную подсказку, чтобы поймать Чешира, который разыскивает свою усмешку, ту, что Льюис украл у него. Усмешка Чешира дарует ему невообразимые силы, в попытках объединить Монстров Страны Чудес и использовать их в загадочной Войне Страны Чудес.

Алиса и Пиллар противостоят Чеширу в решающей битве в Ипре, Бельгии, где проводится безумный фестиваль Каттенстут. После того, как с неба начинают падать тигры, Алисе удастся спасти Констанцию с помощью Джэка Даймондса, загадочного парня, от которого пахнет игральными картами и которому она безумно нравится.

Пиллар показывает Алисе, как встретиться с Льюисом Кэрролом через потайную дверь в Том Тауэр, Университет Оксфорда. Льюис дает Алисе ключ и просит ее сохранить его. Алиса вынуждена отдать Чеширу его улыбку обратно в обмен на очередное спасение Констанции. Улыбка дарует Чеширу силу вселиться в любого, кого он только пожелает.

В заключительной сцене, понимает, что Джэк Даймондс на самом деле ее парень Адам; один из тех, кого она убила в автобусной аварии, которой она не помнит. После Чешир навещает ее в лечебнице и говорит ей, что она безумна и все приключения произошли лишь в ее голове. Все это было лишь выдумкой ее больного воображения.

Футбольный матч, Стадион Стэнфорд Бридж, Фулем, Лондон, Наши дни

Игроки стадиона Стэнфорд Бридж понятия не имели, какие кровавые ужасы поджидают их.

Две соревнующиеся команды: Манчестер Юнайтед и Челси ФС, сражались за титул в финальной игре сезона. Победителя ожидал приз в виде огромной серебряной чаши с необычайно большими ручками, которые торчали с обеих сторон, словно кроличьи уши. Не смотря ни на то, что это был далеко не святой грааль, он должен был быть вручен наряду с медалями самой Королевой Англии.

К несчастью, Ее Величество не смогла прийти. Одна из ее Уэльских собачек приболела. Бедняжка по имени Бешеный Пес проглотил огромную порцию Королевских Бразильских орехов прошлым вечером, видимо это и привело к ужасному приступу хронического запора. Королева настаивала на том, что не появится на игре до тех пор, пока Бешеный Пес не сходит по-большому, что, очевидно не произойдет никогда.

От имени Королевы был прислан весьма известный член Парламента — Маргарет Кент, кому так не терпелось увидеть игру.

Зрителям, однако, было плевать и на Королеву, и на ее собаку и на претенциозную женщину из Парламента. Публика была сосредоточена лишь на долгожданной игре. Они были похожи на восторженных кроликов из Страны Чудес, которые то и дело поглядывали на часы, щелкали пальцами да и вообще были полностью готовы к непревзойденному дневному футбольному матчу, или попросту, футболу, если вы — Американец.

После трудной рабочей недели, облизывания пыли с ботинок начальников и оплаты налогов, все жаждали безупречно — безумной игры. Зрители наблюдали, как игроки разминаются на поле перед матчем, неистово гоняясь за беззащитным мячом, словно от этого зависели их жизни. Некоторые удивятся, зачем пинать мяч, если его так сильно любят, но это был весьма бессмысленный аргумент.

— Мне ничего не видно, Мамочка, — среди зрителей был круглолицый мальчонка, который дергал свою маму за пальто. На самом деле, мальчику футбол не очень нравился. Он был здесь только потому, что мамочка пообещала ему безумный сюрприз.

— Шшш, — произнесла мать. На женщине было надето абсурдное красное шерстяное пальто и большие черные очки. — Терпение, дорогой мой, — ответила она. — Безумие приходит к тем, кто умеет ждать.

Мальчонка потер глаза пухлыми ручками, а затем вздохнул. Он порылся в своей коробке для завтраков в поисках того, что бы ему съесть: один из батончиков Сникер Снэкерс, или, может быть, газировку Там-там. Он остановил свой выбор на разноцветном леденце на палочке, ожидая своего безумного сюрприза.

Тем временем, на поле игрок так сильно пнул мяч, что тот приземлился на скамьи фанатов команды оппонента. Мужчина с передним серебряным зубом обхватил мяч, словно новорожденное дитя. Остальные фанаты не растерялись, и начали пинать его, чтобы он отдал мяч назад, дабы продолжить игру.

Круглолицему мальчугану рассказывали, что в таких случаях выдавали другой мяч, чтобы игра продолжилась. Так и произошло.

Одному из игроков Манчестера дали запасной мяч, который тут же пнули и погнались за ним вдогонку. Вот тогда-то и началось безумие Страны Чудес...

После пары пасов, игроки почувствовали, что новый мяч весьма необычен. Игра была приостановлена, когда судья приблизился убедиться в этом лично.

— Мне кажется, он немного тяжеловат, — сказал игрок под номером четырнадцать.

— Так и есть, — согласился другой. — Это странно.

- Что такое с этим проклятым мячом? — нетерпеливо спросил вспотевший игрок.

Судья положил мяч на руку. Он определенно был тяжелее стандартного мяча. Что было просто невероятно.

Все мячи предварительно осматривались FIFA, международной федерацией футбола. Каждый мяч создавался по общепринятым стандартам правил производства.

— Думаю, внутри мяча кто-то есть, — Судья приложил к нему ухо. — Прислушайтесь.

Игроки передавали мяч друг другу, как только слышали, что внутри что-то бултыхается.

— Да он полон, — хихикнул один из игроков, прежде чем у него выхватили мяч.

— Дайте-ка мне нож, — любопытство судьи восторжествовало над логикой. — Я разрежу его. Там может быть бомба!

В толпе же, пухлый малыш не отрываясь смотрел на действие, облизывая леденец на палочке в более ускоренном темпе. Прилив волнения пробежал по его венам, словно саундтрек из фильма "Челюсти": Дам-дам, дам-дам. Тарарааааа! Приближалось нечто зловещее. И ему это нравилось.

— Это и есть сюрприз, Мамочка? — спросил мальчик.

Мамочка, которая выглядела, словно вдова на похоронах в своих темных очках, ничего не ответила.

— Что в мяче, Мамочка! — потребовал мальчик.

Она лишь стиснула ладошки сына в качестве гарантии, и продолжила наблюдать за происшествием на поле.

Каким-то образом, прямо после того, как мяч был разрезан на две половинки, игроки начали разбегаться во всех направлениях. Судья, которому пришлось разрезать мяч, убежал первым. Он бежал, словно безумный цыпленок, испугавшись яйца, в котором он только что сидел. За ним последовали остальные игроки. Они не смогли больше смотреть на ту ужасную вещь, что лежала внутри мяча. Большинство игроков бежали с поля куда глаза глядят, в панике пытаясь безуспешно найти выход, будто по замкнутому кругу. Волны паники, словно шторм заполонили стадион, — впрочем, еще больше стимула для мальчика с леденцом и его таинственной матери.

— Что в мяче? — вопрошала толпа, сладостный ужас притаился на кончиках их языков, паника сквозила в их взглядах. — Это и есть сюрприз, так ведь? — Мальчик готов был потерять сознание от возбуждения.

Мамочка кивнула. Тонкий, едва заметный намек улыбки изогнул ее губы.

На поле остался всего лишь один игрок. Игрок номер четырнадцать. Футболист, казалось, был парализован от страха. Он опустился на колени и поднял то, что находилось внутри мяча. Держа это, он посмотрел на вещь немного. Наклонил голову вправо — влево, изучая что же такое он держит на самом деле. Он не понимал, почему такое вообще положили внутрь мяча. Кто был способен на столь жуткий поступок?

Оператор, не смотря на свой страх, медленно приблизился к игроку, пытаясь заснять это ужасное происшествие, которое позднее останется в памяти целого мира. Игрок номер

четырнадцать поднял вещь на камеру.

— Это же...., - произнес игрок. Что бы это ни было, оно сочилось свежей кровью.

Пухлый мальчик из-за толпы не расслышал, что сказал игрок. Его мама передала ему бинокль. Мальчик направил его на игрока с ужасной вещью в руках. Наконец, он увидел это. Увидел то, что было в мяче. Голова. Человеческая голова, которую затолкали внутрь футбольного мяча всего пару минут назад.

— Это голова ребенка! — воскликнул мальчик.

Люди в толпе начали терять сознание. Остальные разбежались, будто утки, расталкивая друг друга, по направлению к заветной двери выхода.

— Умница. — Мать похлопала его по спине, не двигаясь с места. Казалось, люди в панике старались избегать их и пытались обежать их по кругу. — А теперь будь пай-мальчиком и скажи людям в толпе, что написано на лбу у этой головы, — приказала она ребенку.

Поменяв угол обзора, мальчик теперь увидел игрока, который дрожал, вцепившись руками в мяч, показывая его на камеру; его взгляд был наполнен ужасом.

В это самое мгновение, паника достигла апокалипсического уровня, в толпе началась давка от страха и потребности убежать со стадиона. Игрок по-прежнему держал мяч дрожащими руками, показывая всему миру слова, написанные на голове. Мальчик улыбнулся от уха до уха, прочитав их. Для него, действие было преисполнено красоты, и он был рад. После того, как он увидел мертвую девушку в Университете Оксфорда на прошлой неделе, все стало еще более увлекательным. Мальчик увидел свое отражение в очках матери, та кивнула. Он отшвырнул бинокль, лизнул леденец напоследок и закричал во всю глотку:

— Хотите знать, что написано на лбу головы мертвого ребенка? — закричал он, в то время как все убегали со стадиона. — "Отрубить им головы!"

Палата Алисы, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Прошло шесть дней с тех пор, как я в последний раз видела Профессора Пиллара. Шести дней с тех пор как Фабиола, Белая Королева, навестила меня прямо в палате и открыла правду, что Джек Даймондс на самом деле Адам Джей Диксон. Шести дней с тех пор как Чеширский Кот завладел душой Оджера, навестил меня, а затем ускакал прочь, насвистывая обо мне безумную песенку. Шести невозможных дней изоляции, делая вид, что ни одно из событий прошлой недели не произошло.

Когда Вальтруда спрашивает меня о Стране Чудес, я вскидываю бровь и отвечаю ей, что не понимаю, о чем она говорит. Когда она упоминает, что я якобы хотела спасти жизни в мире, за пределами лечебницы, я лишь отвечаю:

— Как я могу спасти жизни, когда как моя собственная жизнь нуждается в спасении?

Мне не нужно просыпаться с амнезией, чтобы притвориться, будто я безумна. Мне не нужны доказательства, чтобы знать, что Пиллар, Чешир, Белая Королева, Герцогиня и вся Война Страны Чудес лишь порождения моего одинокого девчачьего воображения.

После визита Чешира, самое нормальное, что остается сделать — признать безумие и сдаться на волю его последствиям. Даже если я не сумасшедшая, и все это произошло, мне лучше в это не верить. По крайней мере, я больше не даю Вальтруде поводов для того, чтобы отправить меня обратно в мучительную Мухоморню. Поверьте мне, жизнь без шоковой терапии менее болезненна.

Я отметила каждый из шести дней на стене, среди кровавых разводов, которыми была покрыта стена палаты еще до меня. Шести перпендикулярных полос, вырезанных моими коротенькими ногтями, словно я женская версия Графа Монте Кристо нахожусь в неведении, преданная и заточенная в темнице на далеком острове.

Нервный смех срывается с губ, когда я смотрю на татуировку на своих запястьях:

"Я не могу вернуться в прошлое, потому что вчера я была кем-то другим".

Я продолжаю недоумевать, о каком вчера идет речь: обо мне и моих галлюцинациях про Пиллара с кальяном в своей ВИП — палате; или обо мне еще до того, как я убила своих друзей в автобусной аварии. Время от времени, я провожу кончиками пальцев по татуировке. Я делаю это нежно и заботливо. Я боюсь, что стоит потереть ее посильнее, и Монстр из Страны Чудес откликнется на мой зов. Не думаю, что вам известно, на что способен Монстр Страны Чудес. Со всем моим притворством, что ни одно из безумств прошлой недели не происходило на самом деле, лишь одно остается для меня самым реальным: которое никогда не перестанет пугать меня и без конца становиться моим кошмаром.

Чеширский Кот.

Без различаемого лица или личности, он пугает самую мою суть. Я так сильно боюсь его, что время от времени я вынуждена ущипнуть саму себя, чтобы убедиться, что он не вселился в меня. Если бы я только не боялась зеркал, я бы каждое утро заглядывала в них, чтобы убедиться в отсутствии его злобной ухмылки на моих губах.

— Ты безумна, Алиса, — шепчет за моей спиной моя Тигровая Лилия. Она, кто должна была стать моим единственным другом, в последнее время обозлилась на меня. Не удивлюсь, если с ней что-то сделали, пока она была под опекой Доктора Тракла.

— Б.Е.З.У.М.Н.А. — Она фыркает за моей спиной, словно старая беззубая бабулька. — Чешир нереален. — От ее голоса у меня мурашки по коже. — Ты его выдумала, Алиса. Он для тебя лишь повод, чтобы сбежать от проблем мира за пределами психушки. Поэтому ты видишь лицо Чешира почти в каждом, кого встречаешь на своем пути. Ты попросту боишься людей, Алиса. Любой психилог это знает.

Я не поворачиваюсь к ней. Обычно, когда она говорит со мной, это означает наивысшую степень моего безумия. Я прижимаю коленки к груди и зажимаю голову между ними, обхватывая себя руками. Я закрываю глаза и решаю закрыть уши руками, пока она не прекратит болтовню.

— Все нереально. — Тигровая Лилия не затыкается. — Даже Джек нереален.

Ладони застывают на полпути, а глаза открываются. Одинокая слезинка катится по щеке. Меня трясет, пока она медленно скользит вниз. Затем, я ловлю ее, прежде чем она падает на пол. Я смотрю, как она дрожит в моей ладони. Мои слезы внушают страх, ох, я его даже не знаю, также как и саму себя.

— То есть, Адам, — дразнит меня Лилия. — Если ты убила Адама, выходит, Джек всего лишь плод твоего воображения?

Спровоцированная, я оборачиваюсь только затем, чтобы обнаружить безвредный оранжевый цветок в горшочке рядом с трещиной в стене. Я даже не уверена, что она говорила со мной. Одно лишь упоминание о Джеке и внутри меня образовался горько-сладкий узел боли. Если среди всего этого я в чем-либо и уверена, так это в Джеке Даймондсе... правда он или фантазия..., он — это единственное, чего мне хотелось бы на самом деле. Теперь, когда он оказался моим парнем, я поняла, почему у меня возникли к нему столь сильные чувства. Я не хотела сопротивляться своим чувствам, в таком безумном мире, как мой, они сияют на меня своими лучиками нормальности. Я даже не испытываю таких сильных чувств по отношению к своей беспомощной матери и моим двум придурочным сестрицам. Кажется, Джек мой единственный шанс на семью. Впрочем, Лилия права. Если Джек — это Адам, мой убитый парень, тогда он тоже, должно быть, мертв.

Внезапный стук по двери моей палаты отрывает меня от раздумий о Джеке.

За моей дверью Вальтруда Вагнер, глава надзирателей в Психиатрической Лечебнице Рэдклифф. Главное ее развлечение — мучить меня в Мухоморне.

— Есчѐ не передумайть? — выпаливает она своим ужасным немецким акцентом, насквозь пропахшая сигаретным дымом и фаст-фудом.

— Что ты имеешь в виду? — я зажимаю кулак со слезинкой, стирая ее.

— Ты необычайно послушна ф последние шесть дней, признаешь себя безумной и фсе прочий. — Она постукивает электрошокером по своим мясистым пальцам. — На тебя это не походить, — замечает она.

— Я безумна, Вальтруда. И я полностью осознаю это.

— Я с трудом тебе ферю. Откуда психам изфестно, что они психи? — Она проверяет меня. Признание моего сумасшествия ее не волнует. Ведь это избавляет ее от причин поджарить меня в Мухоморне. — Людей держат ф психушках потому, что они не понимают, что они безумны. Их нефедение угрожать обществу. Вот почему их запирают подальше.

— То есть по- твоему, психи, осознающие свое безумие, не заслуживают того, чтобы их упрятали в психушку? — Этот аргумент уже не имеет смысла.

— Психи, которые знают, что они сошли с ума, достаточно умны, чтобы заставить общество думать обратное, — отвечает Вальтруда. Я дважды моргаю на запутанную фразу, которую она только что выдала. — Подумай, к примеру, о Гитлере. — Смеется она, словно огр — тяжеловес. Иногда я думаю, что она точно Наци. Мне рассказывали, что она убивала своих пациентов в лечебнице в Австрии, где она работала. Но когда она шутит о Гитлере, я больше не уверена. — Или в твоём случае, ты признаешь свое безумие, чтоб избежать шокофой терапии.

Кривая улыбка появляется на моих губах. В конце концов, Вальтруда оказалась не такой уж глупой.

— Это серьезное обвинение, Вальтруда, — говорю я.

— Это и есть обвинение, — резко отвечает она. — Но это трудно доказать. Кто поферит мне, когда я скажу, что ты безумная дефочка, которая ферит, что не сошла с ума, а лишь притфоряется?

— Да ты повернутая, — я почти смеюсь. Страдания Вальтруды мне лишь в радость. — Ты когда-нибудь читала "Уловка — 22" Джозефа Хиллера? — Это книга, которая затрагивает подобного вида логику. Что если Хеллер был фанатом Льюиса Кэрролла.

— У меня нет фремени читать книги, — фыркает Вальтруда. — Ф ней есть картинки?

— Нет, нет, — отвечаю я. Вальруда, скорее всего, читала Алису в Стране Чудес и пытается меня спровоцировать. Что-угодно, лишь бы заставить меня совершить нечто глупое и заслужить, таким образом, наказание в Мухоморне.

— Кому нужны книжки без картинок? — Из-за двери слышится ее сдавленный смех.

— Это книга, которая повествует о том, что нечто не может быть доказано, пока не будет доказан предыдущий факт. Впрочем, предыдущий факт, мягко говоря, не так-то легко доказать. — Я игнорирую ее комментарий по поводу книги без картинок.

— Я не понимаю ни слова из того, что ты сказать. — Она и вправду не поняла.

— Подумай о цыпленке и яйце. Мы понятия не имеем, что появилось первым.

— Этого я тоже не понимаю, — фыркает она. — Ненавижу цыплят. — Я слышу, как

она чешет голову — Но яйца я люблю. — Вот бы самой свести ее с ума. Разве не забавно, если бы она оказалась в моей палате вместо меня?

Наш разговор прерывает внезапный крик. Я слышу его уже несколько дней. Девушка пациентка просит выпустить ее из Мухоморни. Вероятно, ее мучает Оджер. Мухоморы в других клетках стучат о прутья решетки, требуя прекратить боль. Криков стало в три раза больше с тех самых пор, как меня перестали отправлять в Мухоморню. Вальтруда и Оджер компенсировали мое отсутствие большим количеством других пациентов.

— К чему все эти пытки? — спрашиваю я Вальтруду. Я бы предпочла прокричать ей это в лицо и ударить ее перчатками, утыканными иглами и булавками. Но внутренний, относительно благоразумный, голос останавливает меня. Если я хочу позабыть о своем безумии, и если я хочу продолжать избегать шоковых терапий, лучше держать все в себе. Когда я иду рядом со стеной, я хочу, чтобы люди видели лишь стену. Я здесь не затем, чтобы спасти жизни. Ведь все это неправда. Какое мне до этого дело?

— Это не пытки. Это допрос, — объясняет Вальтруда. — Недафно один пациент сбежал из лечебницы, пока ты была заперта тут. Нам разрешено использовать шокофую терапию, чтобы добиться признаний от пациентов из ближайших к нему камер.

Я подскакиваю на ноги и устремляюсь к маленькому открытому окошечку, чтобы посмотреть на нее.

— Ты говоришь, что кому-то на самом деле удалось сбежать из лечебницы? — Я не в силах скрыть волнение.

— Ты так этому радуешься, Алиса, — усмехается Вальтруда. — Давай же. Покажи мне свое безумие. Дай мне повод отправить тебя в Мухоморня. Хочешь поменяться местами с той бедняжкой, что фнутри?

Мое лицо мгновенно каменеет. Я дни и ночи провела в этой ужасной камере, в безопасности от вреда Вальтруды... и в безопасности от своих собственных ужасных мыслей. Нужно научиться контролировать свои порывы.

Будь благоразумна, Алиса. Вся предыдущая неделя лишь выдумка. Ты никогда не бывала в Ватикане, на Гроде Маркт в Бельгии, или в Вестминстерском Дворце в Лондоне. Если тебе нужны доказательства, то это проще простого. Подумай, почему Пиллар больше не посылал за тобой. Почему Фабиола больше не приходила в твою палату. Почему твои сестры и мать больше не показываются. Лучше не думать о побеге. Даже если удастся убежать, никто не будет ждать тебя снаружи.

— Играй и дальше в "нормальность", — говорит Вальтруда. — Рано или поздно, я поджарю твои мосги. — Смеется она. Смех слишком уж преувеличен, как у злобного героя диснеевских мультиков.

Я по-настоящему начинаю недоумевать, почему ее не упрятали в палату, не считая того, что ей нравится Гитлер, зная о его безумии и о том, что он убедил мир в обратном.

— Теперь, приготовься, — требует она.

— К чему? — я морщусь.

— Пора на выход, — говорит она мне. — Тебя наградили за хорошее пофедение: десять минут прогулки на солнышке.

Сад, окруженный стеной; Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Сад, куда меня отводят на прогулку, охраняется колючей проволокой и высокими бетонными стенами со всех сторон. Очень напоминает тюрьмы строгого режима, где казнят на электрическом стуле, при попытке к бегству.

Стены десять футов высотой; они практически перекрывают все солнечные лучи, которые пытаются светить сквозь них... Мне приходится встать на определенное место, да еще и подняться на цыпочки, чтобы позволить солнцу прикоснуться к моей коже. Когда я это делаю, моя кожа ощущает себя взлелеянной, обласканной и избалованной. Не удивительно, что моя Лилия живет рядом с трещиной в стене. Теперь же, она молчаливо танцует под дневным светом, словно поклоняется солнцу. Не спрашивайте меня, почему я взяла ее с собой, не смотря на то, что порой она обходится со мной жестоко. Я не могу объяснить, почему я к ней так привязана. По некой причине, я считаю ее своей семьей, как и Джека.

Я закрываю глаза, раскидываю руки в стороны и вдыхаю столько воздуха, сколько могу. Чем больше кислорода, тем нормальной я становлюсь. Земля подо мной песок, гравий и камушки. Я сбрасываю обувь и гуляю босая. Что если я закрою глаза на достаточно долгое время, изменится ли моя жизнь к лучшему, когда я открою их снова? Стихнет ли безумие? Если бы все было так легко. Быть может, поэтому люди мечтают лишь с закрытыми глазами. Стоит открыть глаза и это сродни убийству мечты.

Я иду босиком и в темноте закрытых век, видения предстают предо мною. Яркое видение, словно об него разбилась радуга и пролила повсюду свои краски, превращая это место в палитру различных оттенков и цветов. Я вижу огромные грибы, забавные деревья, гигантские фрукты, больших кроликов и кошек. Соню. Летающих голубей. Спирали дыма кальяна. Где-то неподалеку играет бессмысленная музыка. Видение настолько прекрасное, что я не хочу открывать глаза снова.

Ноги продолжают идти. Такое ощущение, что я шагнула в прозрачный пузырь собственного видения, оставив реальный мир позади. Тонкий оранжевый свет иногда случайно проникает в мое видение. Я думаю, что это солнце за стеной колючей проволоки, просачиваясь сквозь мои веки в мое мечтательное видение.

Ноги все еще продолжают идти. Я не могу остановиться. Ничто не в силах заставить меня остановиться в моем видении. Я снова делаю вдох. Воздух штука ценная. И такая недооцененная. Я ощущаю, как кислород насыщает мой мозг. Это расслабляет. Успокаивает. Это видение, на которое я гляжу, закрыв глаза, должно быть реальным. Воздух и деревья, все настоящее. Не может быть, чтобы у меня сейчас были галлюцинации. Наконец, я понимаю, на что смотрю. Это то самое место, что я искала. Место, которое, быть может, ищут все. Закрыв глаза, я вижу воспоминание Страны Чудес.

Сердце выскакивает из груди. Я босыми ногами спешу в это изумительное место, не беспокоясь о том, как я выгляжу в реальном мире в обнесенном стеной саду Психиатрической Лечебницы Рэдклифф. Быть может, я стою на месте. Быть может, бегу. Кого это волнует?

Мои глаза жадно впитывают увиденное. Страна Чудес огромна. На самом деле огромна.

Меня сбивает с толку то, что бОльшая ее часть усеяна гигантскими плодами и деревьями. Я бегу дальше. Я понятия не имею куда. Как такое может быть? Страна Чудес реальна? Я даже могу ощутить ее запах!

Чем дальше я бегу, тем сильнее тускнеет мое видение. Не знаю почему, но я продолжаю бежать. Похоже, что вдалеке идет дождь. Солнце начинает угасать на горизонте. Но только не там, откуда ведут мои следы. Мое чутье тянет меня туда, подальше от Страны Чудес. С какой стати моему видению простираться за пределами Страны Чудес? Я не хочу уходить, но что-то заставляет меня идти. Последнее, что я вижу в Стране Чудес — огромные часы свисают на тонкой нити с небес, будто их постирали. Часы гибкие, словно из ткани. Они еще не высохли. Кто-то их только что выстирал, так что по ним нельзя узнать время. Кто-то смыл все время. Но тогда Страна Чудес исчезает позади меня.

Теперь, я снова возвращаюсь к обычной жизни, ограниченная временем, связанная обязательством и преодолевшая человеческую тупость. Впрочем, это не наши дни. В воздухе кружится газета и прилипает прямо к моему лицу. Я снимаю ее. Не смотря на шум толпы вокруг меня и сильный дождь, трудно развернуть пожелтевший лист. Но мне все же удастся.

Это газета. Она называется "Миш-Маш", принадлежит и выпущена под редакцией Льюиса Кэрролла. Это четырнадцатый номер. (прим. пер. Еще в ранние годы пребывания в Оксфорде молодой Чарльз Доджсон издает юмористический журнал «Миш-Маш»)

С бьющимся сердцем, я поднимаю голову и понимаю, что стою на Четырехугольнике Тома в Университете Оксфорда, век или даже два тому назад. Я каким-то образом попала сюда через Страну Чудес. *(прим. пер. Том-Куод (самый большой четырёхугольный двор (quadrangle) в колледже Крайст-Черч (Christ Church) в Оксфордском университете (Oxford University)). Я опускаю голову и проверяю дату на Миш-Маше. Дата: 14 января, 1862.*

Четырехугольный Том в Крайст Чёрч, Университет Оксфорда, 14 Января, 1862

По-прежнему идет сильный дождь. Над Викторианской атмосферой нависает темная тень. Облака серые и тяжелые, в отсутствии солнца, заслоненного грязным смогом и дымом во всем этом мире. Море, который пахнет помоями и вонью. Передо мной нищета и бездомность властвуют в этой, отнюдь не красочной, картине Англии Викторианских времен.

Я проскальзываю сквозь толпу, подальше от университета. Я за пределами Сент Олдейтс. В самой глубине Оксфорда, я вижу полчища бездомных, укрывающихся газетами от проливного дождя. Кашель и рвотные позывы слышны повсюду, будто здесь эпидемия. Детишки в оборванной одежде с перебинтованными руками, испачканные в грязи, снуют вокруг меня. Все они выпрашивают деньги. Пенни. Шиллинг. Даже бронзовую половинку шиллинга с изображением Королевы Виктории. Если не кланчат денег, тогда выпрашивают еду: буханку хлеба, яйцо или картофелину, открыв рот. Некоторые даже просят щипотку соли или глоток воды.

Старик с палкой отгоняет нескольких детишек.

— Возвращайтесь обратно в Лондон, вы, поганые попрошайки! — он крикает, падая на землю сам. Он, как и все остальные, слаб и расстроен тем, что они выпрашивают еды и на свою долю.

Люди, кажется, меня не замечают. Большинство людей значительно ниже, чем обычно. Быть может, на самом деле не ниже, просто их спины сгорбила бедность, нехватка питания и жилья.

Я продолжаю шагать по грязной земле, понимая, что пару Страна Чудес за пару вздохов обратилась кошмаром старых времен. Викторианских времен. Похоже, я фактически оказалась в настоящем историческом отрезке времени. Я переместилась назад во времени?

Я осознаю, что стоит мне открыть глаза и видение исчезнет. Но я не делаю этого. Я хочу понять, зачем оно возникло. Не поэтому ли 14 Января так важно? Руки скользят к ключику на цепочке, что Льюис дал мне в последний раз. Один из шести ключей, чтобы открыть двери Страны Чудес, — сказал он.

Я застываю на месте и смотрю вперед только за тем, чтобы увидеть как из сизой дымки появляется Льюис Кэрролл. Он одет в одежды священнослужителя, а подмышкой у него кипа бумаг. В его нетвердой руке потрепанный зонтик, который тут же выхватывают детишки и убегают, ударив им старика. Льюиса это не заботит. Он засовывает руки в карманы и вынимает горсть панировочных сухарей. Он предлагает их бездомным детям. Дети окружают его, словно муравьи вокруг гигантского насекомого, которое они только что поймали. Дети выхватывают хлеб, а затем валят Льюиса на землю; листы его рукописи взвиваются в воздух. Они начинают бить его, выпрашивать денег, но он даже не отбивается, пораженный их агрессивными поступками. Они крадут его часы, бумажник, шляпу.

Я бегу к нему. Они оставили его наполовину раздетым. Кажется, он единственный меня видит.

— Льюис, — кричу я. — Что происходит?

— Я не смог спасти их, Алиса, — кричит он сквозь дождь. — Я опоздал. Не смог их

спасти.

— Спасти кого? Я не понимаю, — говорю я, в это же самое время несколько детишек внезапно замечают мое присутствие.

— Я... я... пытался, — заикается он. — Ттех ббедных детей. — Дрожит Льюис. Еще, я понимаю, что мое время в этом видении ограничено. Дети меня полностью раскрыли, и теперь они приближаются ко мне. Они разорвут мою ночную рубашку в клочья, только чтобы убедиться, что у меня нет ни хлеба, ни денег.

— Беги, Алиса, — требует Льюис, напоследок сжимая мою ладонь. — Не говори никому, что мне не удалось спасти их!

Я не понимаю, но вынимаю руку и уже убегаю от зловещих викторианских детей. Внезапно, я ударяюсь головой, а губы опухают, словно я столкнулась с поездом. Я открываю глаза, когда мое видение исчезает, возвращаясь обратно в неинтересный реальный мир. Когда мне удастся восстановить спокойствие и силы, я понимаю, что ударилась о стену сада.

— Этого не может быть, — шепчу я. — Мне пришлось убежать от детей, вместо того чтобы спасти Льюиса. Что это было? Кто эти люди, кому он не смог помочь?

Я намеренно закрываю глаза снова, желая вновь перенестись в свое видение. Его больше нет. Я не знаю, как это работает. Я стою беспомощная и плененная, задыхаясь в стенах этой лечебницы. Либо я совсем сбрендила, либо я могу путешествовать во времени. Либо я была права на счет того, что нужно забыть обо всем, что произошло со мной на прошлой неделе, либо это была чудовищная ошибка.

Что Льюис имел в виду? *Я не смог их спасти, Алиса.*

Кабинет Главного Врача, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Вместо того, чтобы тратить деньги на свой неудавшийся брак, Доктор Том Тракл, главный врач Психиатрической Лечебницы Рэдклифф, потратил их на камеры видеонаблюдения. Он даже самолично помог установить их в ВИП-Палате, пока Пиллар был в отлучке. Не смотря на то, что жизнь Доктора Тракла сползала вниз по маслянистой спирали обстоятельств, его одержимость Пилларом толкала его на безумные поступки. Ему было необходимо еще больше камер, со всевозможных ракурсов, чтобы узнать секрет Пиллара. Как Пиллар — Киллер сбегал из своей камеры и возвращался, словно лучший в мире фокусник?

Два дня назад Профессор Картер Пиллар снова сбежал из своей палаты, оставив позади вьющийся след из кальянного дыма. Он висел в воздухе, складываясь в слово "Чудной". Ранее Доктор Тракл удвоил охрану возле ВИП — Палаты. Он даже посылал за лучшими фокусниками Англии, чтобы спросить у них, как возможен подобный побег. Они понятия не имели. С архитекторами также проконсультировались. Психиатрическая лечебница Рэдклифф являла собой двухсот летнее здание, впервые отстроенное в Викторианские времена. Быть может, под лечебницей пролегали потайные туннели. Секретные туннели, о которых мог знать лишь некто хитрый и помешанный рассудком вроде Профессора Пиллара. Но нет. Догадки Тракла зашли слишком далеко, быть может, под воздействием многочисленных таблеток, которые он глотал как детишки M&Ms.

Архитекторы назвали идею туннелей невероятной. Фактически, они заявили, что побег из лечебницы физически непроходим.

— Невозможен, вы имеете в виду, — ответил Доктор Тракл двум архитекторам.

— Нет, мы имеем в виду непроходим, — настаивали двое архитекторов. — Нет ничего непроходимого. — Рассмеялись они, и Доктор Тракл не понял почему.

— Вы никогда не читали "Алису в Стране Чудес"? — спросил один из архитекторов — близнецов. Доктор Тракл помотал головой. Он ненавидел "Алису в Стране Чудес". — Это шутка, — ответили они ему. — Поймете лишь тогда, когда прочтете книгу.

Доктор Тракл не хотел ничего понимать. Он лишь хотел узнать, как Пиллар исчезал.

Конечно же, ожидали, что Пиллар вскоре покажется, заявляя, что он покупал новый кальян или что-нибудь в этом роде. Доктор Тракл знал наверняка: Пиллар — Киллер был практически неуловим. Он мог сбежать и прожить всю оставшуюся часть жизни на острове, полном грибов. Но он не делал этого. Он предпочел коротать в заточении дни в его глупой лечебнице. И его единственной на то причиной была Алиса Уандер. В этом, по-крайней мере, Доктор Тракл был уверен. Но почему Алиса? Чем таким ценным для Пиллара обладала столь юная и безумная девушка?

Доктор Тракл проглотил еще одну таблетку, пятую за сегодня, и закрыл глаза, чтобы успокоиться. Он встал рядом со своим рабочим столом, наблюдая за палатой Пиллара через камеры видеонаблюдения, закрепленные на стене. Пиллар еще не появился.

Один из экранов транслировал новости по национальному телевидению. Доктор Тракл любил смотреть местные новости, пока ждал. Наблюдать за тем, как безумие отравляет мир, помогало ему мириться со своей относительно безумной работой в лечебнице, особенно

после вчерашнего ужасающего инцидента на стадионе Стэмфорд Бридж. После этого случая, Доктор Тракл знал, что на этом так все не закончится. Инцидент с головой внутри мяча был лишь началом чего-то еще более безумного. Скоро во всей Британии трупов станет еще больше, если не по всему миру. Так оно и стало, прямо у него перед глазами.

Местные новости по национальному телевидению передавали о том, что нашли еще одну отрубленную голову, с написанной на лбу кровавой надписью "Отрубить им головы".

— Рамон Ескелич, украинский иммигрант, — сообщила репортер, весьма занудная женщина средних лет в красных очках, и чопорном, но довольно чудном костюме, — проживающий рядом с рынком Боро в Лондоне, разведенный и безработный отец двоих детей, вышел купить еженедельный аппетитный арбуз. Мистер Ескелич и его семья отдают особое предпочтение арбузам.

Доктор Тракл подался вперед, возбужденный ужасом, затаившимся в воздухе.

— По возвращении домой, Мистер Ескелич положил огромный арбуз в холодильник на пару часов, — продолжил комментатор. — Затем, во время обеда, он решил угостить арбузом своих детей, жаждущих очередную еженедельную порцию, только чтобы быть шокированным тем, что он обнаружил внутри арбуза, когда разрезал его.

Женщина передернула плечами на мгновение, не в состоянии осмыслить слова, которые ей предстояло прочесть целой нации. — Черт подери, мать моя женщина! — Она высунула язык, поправляя очки. Она подняла голову обратно на камеру, с круглыми от удивления глазами. — Мистер Ескелич и его дети нашли внутри арбуза человеческую голову. — Затем она замолчала, ее глаза увлажнились, как у девочки из Японской Манги, которая вот-вот расплачется. — Еще одна человеческая голова, как и та, что была найдена внутри мяча на Стэмфорд Бридж, — продолжила она чуть-ли не заикаясь.

Доктор Тракл задумался, наверное, ее не предупредили о серьезности темы, перед прямым эфиром. Или, быть может, она была слишком занята маникюра свои ноготки, протирая очки или демонстрируя свое дорожное платье?

Но Доктор Тракл был не особо заинтересован причудливым миром Телевидения, не смотря на то, что он тайно мечтал о том, чтобы у него взяли интервью на "Доброе Утро, Великобритания". Доктор подумал, были ли эти новости как-то связаны с убийцей Чеширом или же Пилларом. Может ли быть такое, что Пиллар каким-то образом причастен к убийствам? Взгляд доктора метнулся к экранам, просматривающим камеру Пиллара. Проклятый профессор так и не вернулся. Где он был?

Доктор Тракл подскочил, будто вор, от внезапного звонка по стационарному телефону в свой офис. Да кто в наши дни пользуется стационарными телефонами? Для него, обычные телефоны уже давно стали антиквариатом.

— Говорит Доктор Тракл, — ответил он, поправляя в зеркале галстук.

— Я шофер Профессора Пиллара, — произнес мышинный голос. — У меня от нег послание.

Доктор Тракл огляделся, чтобы убедиться, что с ним в комнате никого нет.

— Какого рода послание? — Он стиснул трубку обеими руками, прижимая ее к уху сильнее и сильнее.

— Профессор Пиллар хочет, чтобы Вы кое-что сделали прямо сейчас. Он говорит, что время не на нашей стороне. Нужно действовать быстро.

— Не буду я ничего делать, если не скажешь, где он находится в данный момент, — Доктор Тракл едва не раздавил трубку от напряжения.

— Вы, правда, хотите знать?

— Да. — Он чуть не задохнулся, словно собака жаждущая кость.

— Он играет в футбол огромным арбузом в Гайд Парке, — ответил шофер. — Ой, погодите.

— Чего подождать? — запаниковал Доктор Тракл. — Что происходит?

— Оу, ничего, — ответил шофер. — Арбуз раскололся. Внутри чья-то голова.

Окруженный стенами сад, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Среди прочего замешательства и разочарования, я сажусь на землю, обнесенного стеной сада. Мне нужна минутка, чтобы перевести дух и решить, что же мне делать. Льюис отправил мне послание через видение. Я не уверена, что с ним делать. Я не знаю, кому он не смог помочь... или спасти. Неважно, реален в моей голове Льюис или нет, от меня не укрылась его забота об окружающем мире. Он безоговорочно любит людей. Он хочет поступать правильно. Он хочет сделать мир лучше. Льюис, заикающийся художник, не стыдится того, кем он является на самом деле, не прячется от своих страхов. Думаю, поэтому он оказывает влияние на стольких детей по всему миру. Обычно взрослые носят маски, когда им приходится иметь дело с детьми, но Льюис открывался им. Он принял свою суть и мир вокруг себя, и решил, что будет видеть только хорошее во всей этой грязи.

В отличие от того, что я делала за последние шесть недель. Теперь я знаю, что было ошибкой притворяться, будто всего этого не было. Если я чокнутая, прекрасно. Не следовало мне избегать Мухоморни, чтобы притворяться, что событий последних шести недель не было. Слова Пиллара снова звенят в ушах: *Безумцы — всего лишь нормальные, которые сдались на милость безумию мира. Я не уверена, что он сказал именно эти слова. Я помню смысл, который крылся в том, что он сказал... снова, если только он когда-либо существовал и это не плод моего воображения.*

Когда я сажусь, я снова слышу крики девушки внутри Мухоморни в главном здании. На этот раз, от ее криков по моей спине пробегают мурашки гнева. Вальтруда и Оджер, должно быть, наслаждаются, мучая ее, смеются над ней и ударяют ее током снова и снова.

Даже не думай об этом, Алиса, предупреждает меня мой внутренний голос. Тебе не суждено спасать жизни других людей. Ты всего лишь сумасшедшая девчонка, которая из всех сил избежать шоковой терапии.

Я сжимаю руки в кулаки и стискиваю зубы, когда девушка кричит снова. Это запросто могла быть я. Каждый раз, когда она кричит, я вспоминаю необъяснимое видение о бедных детях, просящих хлеба. Неужели Льюис имел в виду то, что не смог спасти их? Сожаление в его глазах было безошибочным. Буду ли я сожалеть, если я сейчас не спасу девушку в Мухоморне? Буду ли я сожалеть, если не спасу саму себя? Я не могу. Я не герой, но я не могу просто быть свидетелем чьего-либо несправедливого наказания.

— Прекратите это! — Кричу я Вальтруде и Оджеру из-за стены. — Прекратите мучить ее! — Мой голос кажется громче, чем я предполагала. Прилив энергии бежит по венам, и мне кажется, что я уже ощущаю боль от инструментов в Мухоморне. — Прекратите ее мучить! — повторяю я, стуча по земле. Я все еще могу остановиться. Быть может, Вальтруда не услышала меня. Но я упряма и не могу выносить крики. Я бросаю камни в стены. Крики прекращаются.

Несколькими минутами позже, главная дверь в сад распахивается. Передо мной возвышается Вальтруда, постукивая электрошокером по своим толстым пальцам. Улыбка, длинную в десять миль, сияет на ее лице.

— Ты что-то сказать, Алиса? — спрашивает она, пока ко мне приближается Оджер. — Я знаю, что ты долго не сможешь играть ф свой игру.

Ухмылка на лице Оджера заслуживает Оскара за Самое Глупое Изображение Зла. Он продолжает ухмыляться мне с превеликим удовольствием, пока Вальтруда надевает на меня наручники, чтобы отвести в Мухоморню... и это не злобная улыбка Чешира. Мне плевать. Я стою на своем и говорю то, что считаю правильным, даже если я безумна.

— Значит, ты фсе-таки безумна, — ворчит Вальтруда. — Ты до сихпор верийть в Страна Чудес. Ты так сильно верийть в нее, что желайть поменяться местами с дефчонкой, которую даже не знайть в пыточной комнате.

— Почему бы вам не заткнуться и просто не покончить с этим, — огрызаюсь я.

— Знаешь, а веть я обмануть тебя в этом, — Вальтруда прикуривает сигарету. — Мне пришлось застафить дефчонка кричать изо фсех сил, чтобы ты услышать ее. На самом деле, мы обращаться с ней не так уж плохо. Я знать, что ты думаешь, будто ты рождена спасать жизни. Глупышка. — Она смеется и дает пять Оджеру.

Они тянут меня вниз и волокут вдоль по коридору, ведущему в пыточную комнату. Мои губы начинают подрагивать от вкуса предстоящей боли, которая так хорошо мне знакома. Мухоморы по обе стороны снова стучат о прутья своих клеток.

— Алиса. Алиса. Алиса!

У входа в комнату, телефон Вальтруды жужжит. Она смотрит на номер и морщится.

— Это Доктор Тракл, — бормочет она и поднимает трубку. Вальтруда слушает какое-то время, ее губы кривятся, а лицо тускнеет. Наконец, она вешает трубку и разочарованно тарашится на меня. — Тебе фезет, Алиса, — говорит она. — Доктор Тракл отправляйть тебя для дальнейший обследование за пределы лечебницы.

Слабая улыбка появляется на моих губах. Должно быть, это Пиллар. Что-то грядет. Быть может, новая миссия? Я сбита с толку тем, как я счастлива. Кого я обманывала последние шесть дней? Я зависима от этого. Я зависима от уходов из лечебницы, зависима от безумия внешнего мира. Я зависима от спасения жизнью.

Вальтруда развязывает меня, ее губы кривятся.

— Теперь иди, переодевайся. Но помни, когда фернешься, тфои мосги — мои. Я сделаю ис них картофельный пюре с кетчуп из тфоей кровь!

Вход, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Мышеподобный шофер Пиллара подбирает меня у главного входа лечебницы. Вместо черного лимузина, он за рулем скорой помощи. Двое охранников сопровождают меня до задней двери, словно я — самая опасная девушка в мире. Я до сих пор не понимаю, почему скорая помощь. Быть может, это камуфляж для моей якобы перевозки в другую больницу для обследования.

Охранники хихикают, затапливая меня в заднюю часть пустого салона автомобиля. Я мельком читаю слова, написанные на задних дверях прежде, чем они закрываются за моей спиной: "Контора Кэрролла для Психов — Преступников". Теперь, я уверена, что вскоре увижу Пиллара.

Как только шофер отъезжает, он просит меня пересесть к нему на пассажирское сиденье. Он говорит со мной впервые. У него тонкий и раздражающе низкий голос. Словно у него сдавило горло или что-то в этом роде. Не удивительно, что он не слишком разговорчив. Я наблюдаю, как он приглаживает свои тонкие усики, пока ведет машину....извините, но я отказываюсь называть эти волосёнки на его лице усами.

— Где Пиллар? — спрашиваю я.

— Я везу тебя к нему. — Он передает мне мобильный телефон в качестве средства связи. Он совершенно новый со сказочно большим экраном. Он нажимает на нем кнопку, чтобы показать мне видео с Ю-Тьюба. Я ощущаю себя шпионом на новом задании, который просматривает последний отчет.

Видео Ю-Тьюба — цель, на которой мне нужно сосредоточиться. Я узнаю все о преступлении на Стэмфорд Бридж. Внутри футбольного мяча засунули голову. Без сомнения, это проделка Чешира. Фраза "Отрубить им всем головы" похожа на одно из его посланий. После я просматриваю запись местных новостей о человеке по имени Роман Ескелич, который нашел еще одну голову в арбузе, который он только что купил. Теперь я понимаю, почему я на свободе. Произошло новое преступление Станы Чудес, и я нужна. Не могу отрицать свое волнение. Не буду лгать.

Опуская окно вниз, я, как ребенок, высовываю наружу руку и вдыхаю холодный дневной воздух. Пару минут спустя, Шофер останавливается перед Начальной Школой Ричмонд. По крайней мере, школа носит последовательное название. Я понятия не имею, почему никто не обращает внимания на название автомобиля, в котором мы находимся, уже не говоря о том, что мы приехали на скорой помощи.

— Почему мы остановились здесь? — спрашиваю я.

Шофер указывает куда-то за мое плечо. Когда я оборачиваюсь, у главных ворот школы появляется старушка в толстых очках.

— Ты, должно быть, Алиса. — Она приближается ко мне с дружелюбными искорками в глазах. Вся её поза кричит "учитель", одна из тех отзывчивых и очень разговорчивых людей в каждой средней школе.

Я выбираюсь. Женщина притягивает меня в свои объятия, целует в щеку, обнимает и говорит, как Профессор Пиллар говорит обо мне не переставая. Она ведет меня в школу, рассказывая, что Профессор Пиллар оказался настолько великодушен, что согласился дать

лекцию детям. Лекцию о прелестях следовать за своей мечтой. Оказывается, он сказал им, что я — оптимальный пример достижения собственной мечты. Все, что я делаю — это киваю. Женщина, очевидно, отправит меня к Пиллару, где бы он ни был.

Меня так и тянет сообщить ей, что в ее школе опасный серийный убийца. Мне хочется спросить, неужели она никогда не слышала о Киллере Пилларе. Но она болтает без умолку, так что у меня нет даже возможности вставить хоть слово. Наконец, она уходит, оставляя меня у коридора, ведущего к нескольким кабинетам. Она поведала мне, что руководство школы предпочло предоставить Пиллару любое уединение, что ему потребуется в классе.

Слово "класс" меня тревожит. Я спрашиваю, сколько там с ним детей. Учительница кивает самой счастливой улыбкой на свете, и, похлопывая ладошками мои руку, она возносит молитвы и благословения, по-прежнему очарованная присутствием одного из самых известных профессоров в стране. Все это без единого упоминания о количестве детей. Она рассказывает мне как мило со стороны человека такого калибра как Пиллар навестить детей, и как они счастливы познакомиться с таким идиолом.

— Вы случаем, не в курсе, что его обвиняли... — Я не могу удержаться.

— В убийстве? — смеется она и машет рукой в воздухе. — Профессор Пиллар был так добр, чтобы объяснить мне это недопонимание. Конечно же, есть некий другой "Пиллар Киллер", которого упрятали в психушку. Этот добродушный человек в классной комнате не имеет с ним ничего общего.

— Как это? — мне настолько любопытно, что я едва не выдаю себя.

— Ох, дорогая моя. Я знаю, вы меня проверяете. Вы ведь знаете, что это был случай кражи личности. Безумец использовал знаменитое профессорское имя. Он все мне об этом рассказал. Кроме того, как сумасшедшему удастся сбежать из психиатрической лечебницы? — Она снова смеется.

На самом деле, с ней я не могу поспорить. Предположительно, я сама не должна быть за пределами лечебницы. Думаю, вся прелесть моего прикрытия в том, что никто не ожидает встретить меня в реальном мире.

— Да и с чего бы сумасшедшему наведываться в школу и учить детей, раз уж ему удалось сбежать из лечебницы? — Думаю я вслух, погрязая в логике, которую он скормил бедной женщине. Как все-таки страшно, когда изменив слово или два, правда обращается в ложь.

Я хлопаю женщину по плечу и благодарю ее, повернувшись, чтобы идти по коридору. Пройдя мимо пары пустых классов, я нахожу один занятый. Когда я заглядываю в стекло на двери, я не вижу летающих детских самолетиков или прочих видов хаоса в отсутствии настоящего учителя. Вместо этого, я вижу, как все стоят что-то. Нечто похожее на конструктор Лего, за исключением того, что они собирают воедино части нескольких кальянов.

Класс #14, Начальная Школа Ричмонд

У Пиллара свой кальян, стоящий на учительском столе. Он сидит на стуле, делая затыжки, словно он по-прежнему в лечебнице, своей ВИП — палате. Я бросаю на него сердитый взгляд из-за стеклянной двери, как только он замечает меня. Позволить детям среднего звена играть с кальяном, кажется, ни коим образом не претит его нравственности.

— Мальчики и девочки. — Он вскидывает свой кальян и позволяет спиралью дыма обвиться вокруг него. — Поприветствуйте своего нового друга. — Он указывает на меня.

Внимание детишек мгновенно обращается на меня, но как только они начинают произносить мое имя, у меня нет выбора, кроме как открыть дверь и взять все в свои руки.

— Алиса! — ко мне подбегает девочка и обнимает. — Пиллар сказал, что ты придеешь навестить нас.

— Ни за что бы не пропустила такое, — отвечаю я, а затем бросаю взгляд на Пиллара в поисках объяснений. Он не смотрит на меня, занят написанием чего-то мелом на доске. Он рисует слепую женщину, держащую две чаши весов, по кальяну на каждой, а внизу подписывает: "... и безумие для всех!"

— Ты будешь сегодня спасать жизни? — спрашивает меня мальчик. От меня не укрывается то, что большинство детишек довольно пухлые, для своего возраста, но... эй, им ведь нужно есть, чтобы вырасти.

— Ты собираешься поймать Арбузного Убийцу? — спрашивает девочка. Мне становится жутко, что они знают об убийствах, и я бросаю обвиняющий взгляд на Пиллара.

— Это все Телевидение, я тут не причем, — говорит он и делает затыжку из кальяна.

— Его зовут не Арбузный Убийца, — возражает мальчик. — Он — Футбольный Убийца.

— Почему бы вам не оставить меня наедине с Пилларом на несколько минут, — прошу я у нескольких детей, — чтобы я смогла поймать убийцу?

— Надери ему задницу! — Высокий и полный мальчик стискивает ручки в кулачки, словно Супермен. Полагаю, это тоже проделки Телевидения.

— Возвращайтесь к своим кальянам, дети, — произносит Пиллар. — Они не курят кальяны, просто собирают парочку, — говорит он мне, прежде чем я успеваю возразить. — Это почти что Лего.

Я оставляю детей и иду к нему. Пиллар указывает мне на балкон. Как только мы выходим, его веселое выражение лица исчезает.

— Чешир снова убивает, — говорит он, не теряя времени понапрасну.

— Откуда Вы узнали, что это — Чешир? — спрашиваю я.

— По-крайней мере, он стоит за всеми этими убийствами. Но на этот раз все по-другому: опаснее, чудовищнее и кровавее. Что бы он ни задумал, мы должны остановить его. — Он тянется за телефоном, чтобы показать мне что-то.

— Хватит! — требую я.

Он выглядит озадаченным.

— Seriously? — усмехаюсь я над ним, наклоняя голову набок. Он моргает дважды, недоумеая, что меня так рассердило. — Вы неделю не общались со мной, бросили с множеством безответных вопросов, а затем, когда мы встречаемся, Вы ведете себя так, словно я на Вас работаю или что-то в этом роде.

— Оу? — произносит он. — Полагаю, я должен был написать тебе письмо полное милых словечек на розовой бумаге с водяными знаками, которая пахнет ароматом летних роз.

— Конечно же, нет. Просто вопросов без ответа становится все больше.

— Наверное, я мог бы ответить на парочку вопросов. — Он бросает взгляд на свои карманные часы. — Если только Чешир в это самое время не отрубает головы и не начинает ими арбузы, пока мы тут беседуем.

— Не надо так со мной. — Я вскидываю палец. Он давит на мое стремление к справедливости и спасению людей.

— После арбуза Ескелича, по всему городу было найдено более одиннадцати арбузов. И это за два дня.

— Так быстро? — я растеряна.

— Кстати, местные новости солгали и утаили важную информацию от общественности, — говорит он. — Голову, что нашел Ескелич, принадлежала одному из его собственных детей.

— Я не...

— Да, Алиса. Это правда. — Пиллар морщит губы. — Все головы принадлежат детям.

Шокирующие откровения заставляют меня посмотреть на детей, что играют в классе. Не смотря на то, что я не одобряю того, что они собирают кальяны, они кажутся такими довольными своей жизнью. Они с нетерпением ждут каждый новый день. Как кто-то может отнять у них все это?

— Пока что тринадцать голов, все — дети в возрасте от семи до четырнадцати, — сообщает Пиллар. — Это чёрти что. — Он включает новости на своем мобильном телефоне.

— Это безумие..., - У меня отвисает челюсть, мои глаза умоляют меня закрыть их, чтобы не видеть всех этих кошмаров, что будут мне наверняка сниться. Семьи в безутешном горе: матерей тошнит при виде отрубленных голов своих собственных детей, отцы истерично плачут и клянутся, что разорвут убийцу на миллион кусочков, когда поймают его.

— Это безумие, — повторяю я сама себе, потому что не знаю что еще сказать.

— Ну, больше в Англии арбузы не продают, — бормочет Пиллар. Теперь, он завладел моим вниманием, он снова начинает изображать из себя саркастичного и жестокого. — Людям стоит остановить свой выбор на дыне. Не слишком большая, голову внутрь не засунешь.

— Так почему же Чешир убивает снова? — мне приходится игнорировать его странный сарказм. Все это лишь для того, чтобы спровоцировать меня.

— Понятия не имею.

— Правда? — хмурюсь я. — Я полагала, Вы знаете, как думает Чешир.

— Обычно, да, но это..., - он указывает на экран... — это какая-то кровавая резня. Я не понимаю причины.

— Но послание на лбах детей говорит само за себя, — заявляю я. — "Отрубить им всем головы".

— Значит, замысел — отрубить головы. — Пиллар рассеянно смотрит в экран. Могу сказать лишь, что он искренне смущен. — Это определенно преступление Страны Чудес, совершенное Монстром из Страны Чудес, как Чешир. Я вот только не понимаю зачем.

— Чешир говорил, что грядет Война Страны Чудес — что бы там ни было. Быть может, это часть всего этого? Своего рода побоище, кровавая резня, чтобы обратить людей в ужас?

— Неа. — Пиллар водит языком по щеке. — Не смотря на свою неутолимую злобу против человечества, главная задача Чешира — найти и освободить Монстров- Чудесников, чтобы те помогли ему в Войне Страны Чудес. — Он бросает на меня взгляд, давая тем самым понять, чтобы я не спрашивала о войне, не сейчас. — Итак, сеять хаос безумия по всему миру не в его стиле. Все эти убийства — нечто другое. Это продуманная работа, тщательно подготовленные преступления. Не смотря на тринадцать убитых детей по всей Англии за два дня, убийства были совершены гораздо раньше. Нам было предназначено узнать об этом лишь сейчас. Это послание, которое мы должны были получить.

— Мы?

Пиллар кивает.

— Люди, не смотря на то, что он ненавидит их, интересы для него не представляют. Они всего лишь марионетки, которых он использует. Если он ходит по черным клеткам шахматной доски жизни, мы — по белым. Ну, ты, по-крайней мере. Сейчас, я тебе всего лишь помогаю. — Он замолкает, чтобы подумать. — В последний раз, Чешир хотел назад свою улыбку, дабы восстановить свои неограниченные силы, которые бы помогли ему разыскать Монстров из Страны Чудес.

Я не слушаю, не совсем. Все, что меня заботит — остановить преступления, поэтому я в раздумьях.

— Почему бы нам не начать с того, чтобы разузнать побольше о головах жертв? Ясно же ведь, что убийца хочет, чтобы мы обратили на это внимание.

Пиллар бросает на меня восхищенный взгляд, словно я его умный ученик.

— Хорошая мысль. — Он указывает на новости, по которым показывают, как жертв перевозят в морг для вскрытия.

Я пользуюсь моментом, чтобы понять, на что он пытался намекнуть.

— Погодите. — Я делаю шаг назад. — Вы же не имеете в виду, что я...

— Идешь в морг? — Его улыбка становится шире.

— Я думала, что уйду из лечебницы, чтобы повидать мир снаружи, Университет Оксфорда, Ватикан и Бельгию, как в прошлый раз.

— Если хочешь узнать судьбу мертвеца, морг — хорошее начало.

— Какой морг? — вздыхаю я.

— Вестминстерский Городской Морг, формально известный как Улица Морг любителям Алана Эдгара По. (прим. пер. здесь упоминается о стихотворении Алана Эдгара

По "Murders in the Rue Morgue" — Убийства на Улице Морг)

— По? — Мне известно, что он был весьма плодовитым поэтом, который написал короткую поэму под названием "Убийства на Улице Морг", место действия происходило в Лондоне много веков назад. Неужели он на самом деле писал об этом морге? Я прогоняю свои мысли прочь и прилагаю невероятное количество усилий, чтобы не поддаваться на отвлекающие комментарии Пиллара.

— Кстати, есть небольшая проблемка, — упоминает Пиллар.

— И какая же?

— Внутри Вестминстреского Городского Морга существует самое засекреченное отделение. Между собой его зовут Западный Судебный Люкс, — поясняет Пиллар. — Госдепартамент — Искусства — Смерти, который правительство использует в подобных сложных случаях. Охрана практически непроходима. Тебе придется найти способ одурачить живых, чтобы войти, а затем — одурачить мертвых, чтобы выйти. — На мгновение он восхищается собственной цитатой, затем смотрит на карманные часы. — Мой шофер поможет тебе попасть внутрь. — Он произносит слова на резком выдохе, как само собой разумеющееся. Он делает это именно в тот самый момент, когда у меня начинает кружиться голова. Губы пересыхают и смыкаются. Прежде мне не приходилось бывать в морге.

— Чего ты ждешь? Опаздываешь, опаздываешь на важную встречу. — Он подгоняет меня, прищелкивая пальцами.

Я киваю и пожимаю плечами одновременно. Миссия в морге все еще кажется для меня неприятной.

— Ой, — произносит Пиллар. — чуть не забыл. — Он вынимает маленькую шкатулку и открывает ее. Внутри маленький гриб. — Тебе нужно съесть это.

— Что это? — я подозрительно смотрю на гриб.

— Успокоительное. Будешь выглядеть словно мертвая в течении часа или около того. — Он тянет меня за руку и осторожно кладет губчатое вещество в мою ладонь.

— С какой стати я должна хотеть выглядеть мертвой?

— Ох, Алиса. А ты как думала попасть в супер-секретный морг? Просто откуси маленький кусочек. — Он подталкивает мою ладонь ко рту.

Я открываю балкон и прощаюсь с детьми в классе. Они с энтузиазмом машут в ответ своими Лего-кальями. Я снова бросаю взгляд на Пиллара, думая, можно ли ему доверять. Сложно сказать, судя по тому, как он смотрит на меня. Сложно сказать, кто он такой на самом деле или чего он от меня хочет.

— Не бойся, ты не станешь выше, — говорит он, пытаясь засунуть гриб мне в рот.

Внезапно, мне становится еще более не комфортно от предложения Пиллара. Я все еще не доверяю ему. Пиллар все понимает, но ничего не говорит. Он поджигает свой мини-кальян и делает необычайно долгую и напряженную затяжку, делая выдох.

— Понимаю, — отвечает он. — Если ты не доверишь мне, я понимаю. Честно.

— Правда? — прищуриваюсь я. Что-то не так. — Вы сдаетесь, просто так?

— Кто сказал, что я сдаюсь? — спрашивает он, когда я ощущаю внезапное головокружение. Колени подгибаются, а в ушах начинают щебетать воображаемые птички. Я падаю на колени, понимая, что уже слишком поздно, что он усыпил меня дымом из кальяна. Мир погружается во тьму. Пиллар обманул меня. Не думаю, что я уже готова к путешествию в морг.

Где-то в этом безумной мире

Я открыла глаза навстречу бесконечной тьме. Ослепляющая тьма, которую мне не доводилось испытывать прежде. Множество раз я спала в крошечной темноте в своей камере, в лечебнице. Нынешняя тьма отличается. Кажется, будто бы она обладает собственной душой, сущностью. Она ощущается слишком близко и вторгается в мое личное пространство. словно я оказалась в щупальцах осьминога. Некая удушающая темнота. На мой полу-оцепеневший ум сразу так и не приходит никакого объяснения на этот счет.

Где я?

Мое тело настолько онемело, что меня сковывает временный паралич. Любая из моих конечностей настолько тяжелая, что я даже не могу ее поднять. Каким-то образом, я уверена, что она снова упадет.

Медленный поезд воспоминаний прибывает. Он медлителен, но шумный и тяжелый, словно дыхание локомотива. Пиллар усыпил меня, и все вопли и стенания в мире бесполезны...пока что. Придется столкнуться с неприятностями, где бы я ни была.

Разве я не должна была очнуться в морге и осмотреть головы умерших детей?

Как только тяжесть тела пропадает, я хватаюсь за первое, что попадется в темноте. Кончики пальцев касаются какого-то пластика. Он волнистый. Я не вижу его. Мой разум наконец выдает факт: я лежу на спине. Прилив паники будоражит мое ослабевшее тело. Это настолько пугает, что мое оцепенение спадает.

Я начинаю брыкаться руками и ногами в темноте, как только моя беспричинная клаустрофобия берет верх. Пластиковая тьма окружает меня со всех сторон, словно я заключена в эластичный шар. Я продолжаю пинать и царапать поверхность этой темноты. Мне нужно выбраться из нее, прежде чем я захлебнусь или умру от нехватки воздуха, но я не могу прорваться без чего-либо острого. Меня захлестывает паника. Пока мои пальцы не натыкаются на металлическую штуку, прикрепленную к пластику.

Бежунок.

Догадка, которая поражает мой разум, почти приводит меня обратно в состояние паралича. Думаю, я знаю, где я.

Лучи желтого света проникают сквозь пластиковый мешок, в котором я заключена, когда я тяну молнию вниз. Я вытягиваю руки, словно мертвец из могилы.

Наконец, извиваясь, я выползаю из черного пластикового мешка. Я ощущаю себя умирающим коконом, который превращается в бабочку..., это мгновенно напоминает мне об обманщике — Пилларе.

Я выпрямляюсь на столе, на котором лежу..., стол больше напоминает кровать..., и я точно понимаю, где я. Я на самом деле в морге. Меня поместили в один из этих пластиковых мешков для покойников. Мешок для тел. Так вот что Пиллар имел в виду, когда говорил, что в супер-секретный морг трудно проникнуть. Безумец сунул меня в мешок для трупов и подбросил к мертвецам.

Парализованная на столе, я пока даже не в состоянии оценить обстановку вокруг. Впрочем, я замечаю понижающуюся температуру в комнате.

— Дыши, Алиса. Дыши, — шепчу я, обхватывая себя руками, с тех пор, как я все еще по

эту сторону жизни. И думается мне, что моя камера не самое худшее место на свете.

Холод крадется вверх по позвоночнику, порхая, словно зимний ветер сквозь мою голубую рубашку и джинсы. Холод почти вливается в мою шею. Мурашки вливаются в мою кожу, словно дьявольская трава.

Когда я собираюсь пошевелить ногами, чтобы слезть со своей импровизированной кровати, мои босые ноги коченеют. Понятия не имею, где моя обувь. Победив затекшую спину, я наклоняюсь, чтобы растереть ноги. Как только я делаю это, я замечаю прямоугольный кусочек картона на веревочке вокруг пальца правой ноги. Кажется, это называют биркой. Таким образом суд-медэксперт или патологоанатом определяет личность умершего в морге. Мое сердце почти останавливается. Почему это надето на меня? Я тянусь, чтобы оторвать бирку на ноге только затем, чтобы прочесть:

Имя: Алиса Плезант Уандер

Оцепенение охватывает каждую частичку моей души.

Случай: 141898

Затем, там говорится о моих волосах, коже и цвете глаз. И, наконец, там сказано:

Состояние: Погибла в автобусной аварии.

Мир вокруг замирает.словно у кого-то пульт от моего бьющегося сердца, и он просто нажимает на кнопку "выключить". В горле пересыхает, кожа холодная и окоченевшая, а я не могу дышать. Почему нет? Я же мертва, в конце-то концов. А я-то думала, я сошла с ума.

Я срываю бирку и подношу ее ближе к своим мокрым от слез глазам. Мой разум советует мне зажмуриться и прочесть все заново. Ничего не меняется. Я по-прежнему в морге, читаю свой собственный некролог.

Как я могу быть мертвой? Неужели Пиллар мог зайти так далеко, чтобы напугать меня? С какой стати ему делать это, если только я все это себе не выдумала? Как я умерла?

Ответ врзается в меня, словно товарный поезд, когда я переворачиваю карточку. Кто-то написал кое-что на обороте:

PS: Она была за рулем автобуса.

Я закрываю руками рот, сдерживая болезненный крик. Проходит всего пара секунд, когда я осознаю, как сильно мне нужно освободить вопль внутри меня. Когда я, наконец, срываюсь на самый громкий визг, изо рта не выходит ни звука. Кажется, я потеряла способность говорить. Почему бы нет? Я ведь все равно мертва.

Я в Западном Судебном Люксе, подразделение Городского Вестминстерского Морга, Лондон

Молча, я выскальзываю из мешка для тел и осторожно спускаюсь со стального стола. Пол морга холодный, как лед. Я босая и до сих пор не знаю почему. Кто бы ни повесил на меня бирку, решил, что обувь мне больше не нужна, и мне следует помучиться на ледяном полу.

Пару секунд я прыгаю, будто обезумевшая кенгуру, пока не понимаю, что мне, очевидно, нужно нечто вроде обуви. Порывшись в том самом пластиковом мешке, что я прибыла сюда, я ничего не нашла. Так неловко и странно копаться в собственном мешке для тела.

Прежде чем в голову приходит хоть какое-то решение, легкие чуть ли не визжат от холода. Я кашляю так сильно, что я почти уверена, что мои легкие взорвутся. Спина изгибается. Руки цепляются за стальной стол, не давая мне упасть.

Почему мое тело охвачено болью? Неужели это и есть смерть?

Я снова кашляю, открыв рот так сильно, что даже больно. Одежда, что надета на мне, не помогает от холода. Чтобы поднять руку требуется много усилий, словно к ней привязан мешок. Моя рука слегка посинела. Я вскрикиваю..., затем снова кашляю. Мне удастся выпрямиться, а затем потерять руки, чтобы согреться. Я растираю все свое тело. Затем, я снова прыгаю как кенгуру. Удивительно, сколько непредвиденной энергии может производить ваше тело, когда вы находитесь в опасности.

Расслабься, Алиса. Ничего этого не происходит. Очевидно, ты не умираешь. Это всего лишь часть того безумия, что ты испытываешь.

Мне открывается правда, если я еще не умерла, то у меня еще есть несколько минут, прежде чем я замерзну насмерть.

Видишь? Как ты можешь замерзнуть насмерть, если ты уже мертва? Плевать. Признай свое безумие и все пройдет. Делай то, зачем пришла сюда. Осмотри головы мертвых детей.

Мои сокровенные мысли примерзают к холодному полу подо мной. Я растираю себя еще сильнее и практически не переставая, танцую свой танец кенгуру. Прямо сейчас мне, правда, нужна обувь. Я искала не достаточно хорошо. Мне нужна обувь.... и пальто.

Я пытаюсь оторвать кусок от пластикового мешка, чтобы обернуть его вокруг ног и тела. Но мешок недостаточно эластичный. Конечно же, нет. Он довольно прочен, чтобы удержать мертвеца внутри. С какой стати ему так легко рваться?

Я склоняю голову набок. Холодная комната не предлагает каких-либо видимых решений. Это огромное прямоугольное помещение, которое напоминает мне подземную камеру в лечебнице. Один ледяной долгий вдох и в голову поступает немного кислорода. Больно, но это необходимо, чтобы думать яснее.

Пол повсюду мраморный. Позади бесконечных металлических ящиков с телами проглядывают стены. Всего три лампочки на столь обширное пространство. Одна висит над моей головой, другая на пару метров дальше, а третья слишком далеко. Я ее не вижу..., я слишком замерзла, чтобы идти так далеко. Три лампочки слегка дрожат, словно их

раскачивает невидимый ветерок.

Закрывая глаза и стискивая зубы, я стараюсь не думать о мертвецах вокруг себя. Благодаря полумраку, я могу притвориться, что их не существует, как и всех тех страшилок, что мы не замечаем в ночи.

Холод снова атакует мои ноги, проникая в позвоночник. Все труднее держать глаза открытыми.

Серьезно, я не мертва. Так ведь? Бирка — своего рода дурацкая шутка. Верно?

Я скучаю по безумию своей Тигровой Лилии. Она бы выплюнула в меня парой изворотливых словечек. Она бы обвинила меня в том, что я чокнутая и бесполезная, но она бы также намекнула мне на какое-нибудь решение проблемы.

Я продолжаю ходить по комнате так быстро, как только могу, чтобы согреться. Теперь я еще и прихрамываю. Это напоминает мне Бег по Кругу Пиллара: бегать по моргу, зная, что это никуда меня не выведет.

Где, черт подери, эта дверь?

Я не могу ее найти.

Пожалуйста, скажите, что я не сошла с ума. Чокнутая или мертвая, что есть что, разве есть разница?

Тяжело дыша, я смотрю на несколько столов рядом со мной. На них пластиковые мешки с трупами. Они отличаются от тех, у которых я остановилась. Все сверху помечены мелом: "Арбузные Убийства". Я здесь именно за этим. Холодно или не холодно, мне придется осмотреть тела.

Все еще прыгая по ледяному полу, мне приходит в голову мысль проверить карманы джинсов на наличие мобильного телефона. Наверное, я слишком запаниковала, чтобы сделать это чуть раньше — с изолированными в лечебнице людьми такое случается: тот у кого есть Сертификат о Безумии не додумается в обычной ситуации просить о помощи.

Я нахожу телефон и вынимаю его. Я удивлена, что внутри морга ловит сигнал. Слава Богу. Замерзшими пальцами я набираю единственный номер в списке контактов.

Бип. Бип.

Никто не берет трубку. Ненавижу эти гудки.

Мое лицо краснеет, когда звонок заканчивается. Какой-то запрограммированный женский голос сообщает мне, что никто не берет трубку и что мне следует набрать позднее.

— Он должен взять трубку! — кричу я на нее.

— Ну, милая. Давай попробуем еще раз, — щебечет женщина. Я едва не отбрасываю от себя телефон, шокированная ответом женщины. Это что, тоже должно быть записано?

Но затем, я отдаюсь во власть безумия, что означает игнорировать его по существу, даже не задумываясь. Я снова нажимаю на кнопку, почти до боли в указательном пальце. Пиллар должен взять трубку или он тоже плод моего воображения?

Наконец, кто-то поднимает трубку и отвечает:

— Контора Кэрролла для Психов — Преступников. Чем я сегодня могу вам помочь?

Мне требуется мгновение, чтобы понять, что этот холодный, беспечный и насмешливый голос принадлежит Пиллару. Как только я собираюсь обрушить на него всю свою злость, он перебивает меня, чавкая едой. Это не просто ням-ням-ням. Это намеренно провоцирующее меня чавк-чавк-чавк.

— Алло, — говорит он. — Кто это?

— Это я, Алиса! — рычу я и пытаюсь нахмурить лоб в этом холоде. Не скажу, что мое лицо покраснело, поскольку оно все еще онемевшее. Я снова стучу ногами по ледяному полу.

— Алиса, — чавкает он. — Из Страны Чудес, — приветствует он меня, неторопливо потягивая что-то из трубочки. — Уже осмотрела тела?

— Пока нет. — Я слишком спокойна, по моим венам течет крайне мало крови, я очень замерзла, чтобы сострить в ответ или накричать. — Слишком холодно. — Я растираю себя руками.

— С мертвыми такое постоянно. — Он откусывает кусок от булочки.

— Я не шучу. Мне холодно и я тут замерзну. — Я снова начинаю ходить кругами в поисках хоть какой-то обуви. — Знаю, что бирка на ноге Ваша проделка: большая шутка больного разума.

— Бирка? — Снова звуки прихлебывания. Хрррррррррррррррр.

— Та самая, на которой говорить, что я погибла в автобусной аварии. — Я продолжаю искать что-нибудь, чтобы согреться. Должен же был гробовщик что-нибудь оставить: пальто или нечто в этом роде.

Пиллар перестает жевать.

— Нет, я ничего об этом не знаю. Признаюсь, в школе я усыпил тебя, но это нужно было для великого дела. Во имя Британии.

— Тогда кто сотворил со мной подобное? — Все еще разыскивая обувь, у меня нет сил спорить с тем, что он усыпил меня.

— Мой шофер провез твое тело в морг в качестве трупа. Это был единственный способ обойти систему безопасности. Должно быть, он надел тебе бирку, но он не говорил мне, что писал о том, будто ты погибла в автобусной аварии.

— Я Вам не верю, — говорю я. — И я устала от Ваших игр. — Я осматриваю странные инструменты на столе, металлические и похожие на ножницы. Я даже не могу придумать, что ими делают. — Вытащите меня отсюда, пока я не замерзла до смерти.

— Ты не сможешь выбраться в течении еще получаса. — Пиллар снова начинает жевать.

— Патологоанатом заберет твое тело после того, как ей поступит фальшивый звонок от моего шофера, будто твое тело доставили не по адресу, вот тогда — то мы снова тебя вытащим. Таков план.

— Я замерзну здесь до смерти. Мне нужна обувь и пальто.

— Почему это такая проблема?

— Проблема в том, что я не могу ничего найти. — Я прикладываю все усилия, чтобы изобразить гнев. Но замерзшее лицо не очень этому способствует.

— Если бы я оказался на твоём месте, я бы достал трубу из одного из бесконечных ящиков и надел туфли какой-нибудь мертвой женщины. — Он снова начинает жевать, словно ожидая моей реакции на его предложение.

Не дожидаясь. Я иду обратно к ячейкам, выдвигаю одну. Стальной ящик оказывается тяжелее, чем я предполагала. Труп пахнет не ахти. В отличие от тел, что покоятся на столе, то, что в ящике уже вскрыто и вымыто. Вид тела повергает меня в ужас. Мертвая или чокнутая, что лучше? Я осознаю, что предпочла бы быть чокнутой.

— Алиса? — я слышу его в трубке телефона, но игнорирую его. Я должна сделать это. Всего то, позаимствовать обувь у покойника. Нужно присматривать друг за другом, разве не так, живым и мертвым? Но после на мою голову опускается невидимый молоток, когда я осознаю, что тела в ящиках лежат без одежды. Я испускаю сердитый рык.

— Обуви нет? — подшучивает надо мной Пиллар.

Слишком слабая, чтобы говорить, я закрываю глаза, пытаюсь спорить со здравым смыслом. Почему он со мной так поступает?

— Прибереги свое дыхание, в ящиках одежды ты не найдешь, — говорит он. — Тела в ящиках уже вскрыты. Тебе нужно проверить мешки на металлических каталках. Те — свежие. Вкуснятина! — Он вгрызается, по моим соображениям, в здоровенный гамбургер.

Я, молча, направляюсь к одному из мешку для тел, не тому, что помечен "Арбузные Убийства", поскольку не хочу испортить доказательства. Я тяну за молнию только за тем, чтобы осознать, что я выбрала тело мужчины. Ну, что я могу сказать? Я придира. Хочу женскую обувь и, желательно, моего размера. Я застегиваю мешок и открываю ближайший. Женщина. Теперь, тела вонючие и гниющие, как я и ожидала. Мертвые, смердящие и окровавленные. Я слишком измучена, чтобы обращать на это внимание.

Обувь женщины оказывается мне слишком мала. Я возвращаюсь и забираю обувь у мужчины. Мой размер. Когда оказываешься запертым в морге — выбирать не приходится.

Я надеваю ботинки, наслаждаясь теплом в ногах — теплом мертвеца. Ох, этот безумный мир снаружи. Я понимаю, что снова хочу вернуться в лечебницу, слеза вот-вот хочет появиться из глаз в этом жутком холоде.

— Рибок или Найк, — дразнит Пиллар.

Я не отвечаю ему. Вместо этого, я стягиваю куртку с покойника и надеваю на себя. Если я настолько убогая, чтобы надеть туфли, почему бы не надеть все, что спасет мне жизнь.

— Я готова. — Я заворачиваюсь в окровавленную куртку мертвеца, ноги больше не дрожат. — Я здесь затем, чтобы довести кое-что до конца. — Я делаю глубокий вдох, обманывая себя мыслями, будто на мне башмачки Золушки, а я сама в прекрасном свадебном платье. — Теперь мне нужно открыть мешки с мертвыми детьми и поискать подсказки?

— Думал, ты уж и не спросишь, — вздыхает Пиллар. — На твоём месте, я бы сделал это как можно быстрее. Как я уже сказал, патологоанатом скоро придет забрать тебя, чтобы переправить тебя в другой морг. Когда она войдет, ей необходимо найти тебя внутри твоего же мешка.

— Ага. Вы уже говорили. — Я уже раскрываю молнию мешка одной из жертв. — Тридцать минут.

— Это было тридцать минут назад, когда тебя привезли в морг, Алиса. — Он прихлебывает и отрыгивает. — Теперь у тебя всего лишь двадцать минут, или твое прикрытие будет рассекречено. Время ускользает.

Двадцать минут до ухода...

Я стараюсь не думать о ботинках мертвеца, что у меня на ногах. Я до сих пор съезживаюсь от одной только мысли об этом. Как ни странно, единственный способ избавиться от нее — это осмотреть тело двенадцатилетнего мальчика.

Я переключаю Пиллара на громкую связь, в то время как он продолжает напоминать мне, что осталось восемнадцать минут, до того, как явится патологоанатом. Затем, я кладу телефон на край металлического стола и начинаю свою работу. Я уже ощущаю себя Нэнси Дрю.

Расстегивая первый пластиковый мешок, мои руки дрожат и трясутся, когда я вижу тело ребенка. Я даже не уверена, какой пол у трупа. Лицо настолько изуродовано, что у меня скручивает желудок. Фраза "Отрубить им всем головы" вырезана на окровавленном лбу. Похоже на одну из кровавых сцен в первосортных фильмах ужасов.

Я собираюсь дотронуться до лица ребенка, но понимаю, что руки словно онемели. На этот раз не из-за холода, а от ужаса, что предстал у меня перед глазами. Я не могу даже проглотить слюну, ощущая комок в горле. Что происходит с реальным миром, который заставляет людей совершать подобные преступления? Это же ребенок, ради всего святого! У него впереди была целая жизнь. Тогда почему же прямо сейчас я смотрю на его отрубленную голову в морге? Почему?

— Слишком много крови? — Чавканье Пиллара отходит на задний план. — Кстати, вспомнил, мне нужен соус для барбекю.

Вместо того, чтобы накричать на него, я падаю на колени и меня тошнит прямо на пол. У меня ни шанса, чтобы противиться этому желанию.

— Алиса, тебя же там не тошнит? А? — Чавканье прекращается. — Не видишь, что я тут ем между прочим? Это же так омерзительно.

Холод и страх сковывают губы. Я не могу произнести ни слова. Все, на что я способна — утереть рот краем окровавленной куртки мертвеца. В последний раз, когда я спасла Констанцию, я и близко не подходила к трупу. Не говоря уже о том, мальчик это или девочка.

— Мне нужна минута, — говорю я Пиллару.

Теперь меня уже даже не раздражает его отношение. Как только я увидела тела, во мне пробудились те же чувства, которые я испытала по отношению к Констанции. Кто-то должен остановить Чешира. По-крайней мере, предотвратить распространение убийств. Кто-то должен остановить безумия этого здравомыслящего мира.

— У тебя нет одной минуты. — Голос Пиллара смертельно серьезен. — Все, что у тебя есть — это шестнадцать минут до того, как придет патологоанатом, чтобы забрать твоё тело.

— Поверить не могу в то, что я видела. — Я снова на ногах. Слова извиваясь, срываются с моих губ и причиняют боль. Я снова вытираю рот, и заставляю себя посмотреть на отрубленные головы. — Теперь я готова, открываю все пять мешков. — Я по — прежнему прикладываю уйму усилий, чтоб сдерживать крики внутри себя. — Двое мальчиков, двое девочек и один, не уверена, кто, до тех пор, пока не увижу все тело целиком.

— Отлично, — говорит Пиллар. — Если увидим необходимость узнать пол, потом

проверишь остальную часть тела.

— Я успела открыть мешки на пару дюймов, чтобы осмотреть головы, — объясняю я. — Остальная часть тела должна быть там же, если я открою их полностью.

— Сейчас не об этом, — говорит Пиллар. — Ты пришла затем, чтобы осмотреть головы. В конце концов, они и являются основной составной преступления. Тела забрали из домов детей, после нахождения голов.

— Значит, убийца отрубал головы в домах и забирал их с собой? Это ужасно.

— Мы не уверены, Алиса. Он мог отрубить головы, а затем переправить тела обратно в дом. Тем не менее, прочти бирки, пожалуйста. Посмотрим, будут ли зацепки.

Я читаю имена, но ни одно из них не кажется знакомым. Я читаю их вслух Пиллару. Для него они также ничего не значат.

— Странно. Я думал, имена дадут подсказку. Пятнадцать минут. — Не знаю, почему он постоянно об этом мне напоминает. Я в курсе, что времени в обрез. — Попробуй найти, что общего у пяти голов.

— Ничего, кроме послания "Отрубить им всем головы", — отвечаю я, приглядываясь получше, на случай если я упустила какие-либо детали.

— Это все? — Пиллар расстроен. Могу сказать, он понятия не имеет что происходит.

— Нет, погодите! — я тянусь к одному из металлических инструментов и использую его, чтобы открыть рот трупа. — Во рту у мальчика что-то есть, — говорю я. — Это завернуто в пластиковую упаковку.

— Что это? — никогда не слышала в Пилларе столько любопытства.

— Маффин.

Я наклоняюсь, чтобы разглядеть маффин во рту.

— Как только полиция не смогла его найти? — удивляюсь я.

— Полицейские — это ленивые, логические существа. Они считают мир, в котором живут, абсолютно нормальным, поэтому склонны полагаться на все эти бесполезные места преступлений, доказательства, отпечатки пальцев и прочие глупости, — отвечает Пиллар. — Могу поспорить, что какой-нибудь офицер увидел маффин, но не придал этому значения, особенно исходя из того, что мальчик толстый.

Не могу сказать, толстый ли он, я ведь всего лишь осматриваю голову. Мне не хватает смелости потянуть за молнию и обследовать тело. Кто знает, что сделал с ним убийца. Я могла бы проверить его пару минут спустя, чтобы меня снова не вырвало.

— Кроме того, это работа патологоанатома. Похоже, он еще не осматривал тело, — добавляет Пиллар.

— Зачем откладывать осмотр тела самого важного на данный момент преступления в Британии? — Я злюсь на ленивую систему, которая откладывает вскрытие пяти невинных детей. На систему, которая оттягивает возможность правосудия.

— Ну, это неплохой довод, — говорит он. — Быть может, коронеру было сказано отложить дело.

— Сказано кем?

— Парламентом? Всегда найдется кто-то, кому есть выгода от смерти другого, Алиса. — Он намекает на что-то такое, к чему я могу быть еще не готова. В прошлый раз я стала свидетелем коррупции Герцогини Маргарет Кент. Я знаю, я все еще наивна по поводу того, как устроен этот мир.

— Не могу его достать. — Я отвлекаюсь от своих мыслей, пытаюсь вытащить маффин. — Почему маффин в пластиковой упаковке?

— Нетронутый маффин — важная подсказка, — объясняет он. — Все, что нам суждено узнать могло бы быть утеряно, из-за слюны жертвы. Чешир оставил маффин для нас.

— Достала. — Я пытаюсь вынуть его. — Мне нужно его открыть?

— Если бы люди не тратили время попусту на вопросы. Тринадцать минут.

Я открываю упаковку, используя металлический инструмент, чтобы достать маффин. Он вкусно пахнет. Очень сладкий и свежий. Я губами тянусь к нему. Такая соблазнительная выпечка.

— Только не говори мне, что тебя так и тянет откусить кусочек, — догадывается Пиллар.

— На мгновение, так и было. — Я моргаю, чтобы стряхнуть с себя магию от маффина. — Как такое возможно?

— Как возможно ЧТО?

— Как я чуть не съела маффин в такой ужасающей ситуации? Я чувствую себя плохим человеком. — Это правда. Я ощущаю неконтролируемое желание съесть маффин. ПРЯМО СЕЙЧАС!

— Как думаешь, станешь выше, если съешь его? — шутит он.

— Вот теперь, Вы — глупый.

— Ниже? — он тихо жует. — На нем не сказано: "Съешь меня"?

— Хватит нести чушь.

- Может, он нужен тебе, чтобы стать меньше и сбежать из морга.

— Я больше не хочу его съесть, Пиллар. Я выше этого, — я делаю на этом акцент. Его комментарии действуют мне на нервы. — Но серьезно, как такое возможно? Как может маффин вытворять со мной подобное, даже временно?

— Вот как пищевая промышленность постоянно подсаживает детей... и взрослых... на свои продукты. — Он снова делает несколько глотков газированного напитка. Он сегодня когда-нибудь перестанет есть? Где его кальян? — На данный момент, я — наилучший тому пример. Чтобы они туда ни клали, я лишь толстею и не могу прекратить есть. Скажи, что эта еда не напичкана всем этим дерьмом: сахар и жиры. В любом случае, расскажи мне о маффине во рту у мальчика. Разгляди повнимательнее.

— Это просто маффин.

— В нем должно быть нечто такое. Иначе Чешир бы не засунул его туда.

Я просматриваю маффин со всех углов. Всплеск электричества жалит мой позвоночник. На одной стороне у кекса изображение улыбки Чешира. Я сообщаю об этом Пиллару.

— Это ведь своего рода самовлюбленный поступок, Чешир оставил свое изображение на маффине в точности, как и на головке Чеширского Сыра?

— Хочешь, верь, а хочешь, нет, на упаковке Чеширского Сыра и по сей день стоит кошачья ухмылка. Кстати, как и на маффине, что ты сейчас держишь.

— Вы знаете эту марку маффинов?

— Они называются Мяу — Маффины. Кто-то внедрил их в продажу неделю назад, после убийства Чешира. Ты была в лечебнице, так что, возможно, не знаешь об этом.

— Вы серьезно?

— Вопреки распространенному мнению, я всегда отвечаю за свои слова. — Пиллар, наконец, курит свой кальян.

— С какой стати изготовителю рисовать ухмылку убийцы на еде, которая больше всего ценится детьми?

— Чтобы заработать деньги. Много денег.

— Так Вы говорите о том, что Мяу — Маффины продаются?

— Беспрестанно. Они мгновенно стали бестселлером в Великобритании. Конечно же, Американцы сейчас ведут переговоры, чтобы американизировать продукт.

— Я не могу взять в толк, как можно продавать маффины, вдохновением для которых послужил безжалостный убийца.

— Почти также как и все остальное, что продается с Дартом Вейдером, Майклом Майерсом и Дракулой, — отвечает Пиллар. — Злодеи делают хороший бизнес. Детишкам нравится! Плохой — это на новый манер "классный". В эти дни родителям приходится платить двойную цену, чтобы покупать своим детям Мяу — Маффины: по четыре фунта каждый, кстати, они продаются не в упаковке... чтобы дети отвалили и больше их не доставали. Так скажи же мне, у всех детей во рту Мяу — Маффины?

— Да. — Я не стала ждать, пока он спросит. Это уже пришло мне на ум, и я проверила.

— Хмм... — Пиллар перестает жевать и пить. — Кроме всего прочего, у тебя осталось всего семь минут, я думаю, у нас появилась первая реальная зацепка. Вопрос вот в чем...

Я перебиваю, размышляя вслух:

— Почему маффин?

Я в Западном Судебном Люксе, подразделение Городского Вестминстерского Морга, Лондон. Семь минут до ухода...

— Значит он запихивает Мяу — Маффины в глотки детям. — Рассуждаю я вслух. — Ну, и что это за подсказка такая?

— Честно, я намного удовлетворен, что мы вообще нашли ее, понятия не имею, что за подсказка. — Пиллар звучит искренне. Думаю, я влезла в нечто, что не в силах объяснить. Тут скорее нужно было полагаться на интуицию, когда как он и понятия не имел, что происходит. Особенно, когда речь заходит о Чешире. Интересно, каким образом взаимодействовали эти двое в Стране Чудес.

— Так что же, это все? — Я не собиралась пройти через все это, чтобы в конце оказаться с пустыми руками.

— Боюсь, что так, Алиса. — Вздыхает Пиллар. — Подсказка Чешира не имеет смысла. Она лишь указывает на его причастие к преступлению.

— Подумайте как следует, Пиллар, — требую я. — Я, предположительно, выполняю черную работу, вроде проникновения в морг в качестве трупа. А у Вас, предположительно, должны быть объяснения. У Вас одного есть воспоминания о Чешире и Стране Чудес. Этот маффин должен что-то да значить.

— Ты вообще читала книги Льюиса Кэрролла? Я не уверен, — отвечает Пиллар. — Первое убийство на стадионе было совершено с единственной целью — привлечь наше внимание. Теперь этот маффин должен к чему-то привести, но это ускользает от меня.

— Тогда нам нужно подумать вместе.

— Шесть минут, Алиса, — предупреждает меня Пиллар. — Если бы я был на твоём месте, я бы спрятался в мешок. Мы можем подумать над этим вместе, когда ты вернешься.

— Я не уйду, пока не найду зацепку, ведущую к поимке Чешира, — настаиваю я. Иногда, я ощущаю потребность оказаться настоящей Алисой. Иногда, нет. На этот раз, я так сильно хочу оказаться Алисой, что это меня даже пугает. Я предам Чешира правосудию.

— Тогда ты никогда не выйдешь из этого морга.

— Просто подумайте еще раз. Чешир отрубает им головы и начинает ими арбузы. Ничего не напоминает?

— Не обманывай себя, — говорит Пиллар. — Арбузы ничего не значат. Это всего лишь пугающий фактор, который подразумевает бессмысленный хаос. Предположительно, британская полиция должна была заинтересоваться арбузами. Маффин для нас. Чешир умен. Пять минут и обратный отсчет.

— Да нет еще пяти минут.

— Ладно, я солгал. — Он жуёт слова. — Пять с половиной минут. Я хочу, чтобы ты уходила. Нет никакого смысла в рассекречивании твоего прикрытия. Мир еще не готов узнать о Войне Страны Чудес или кто ты такая. Поверь мне.

— Чешир оставил нам маффин в качестве послания. — Я удивлена в твердости своего решения, но мне это по нраву. Меня удивляет мое отсутствие размышлений по поводу того, что со мной происходит.

Потому что у тебя нет жизни, Алиса. Ненавижу ноющий голос в моей голове. Ты

безумна, быть может, убийца, и всем на тебя плевать, даже твоей матери и сестрам. С какой стати то, что с тобой происходит, должно быть важным? Осужденная или чокнутая, все равно одно и то же. Потому-то, Алиса, ты идеально подошла для этой безумной работёнки. Одинокая Алиса.

Но у меня есть кое-кто, на кого мне не наплевать, сознаюсь я в тишине. Воспоминания о нем, вызывают слабую улыбку на моем лице. Тем не менее, это — улыбка.

— Четыре минуты, — считает Пиллар. — Есть какие-либо соображения, где ты хочешь, чтоб я тебя похоронил, на случай, если ты тут умрешь?

— Где — угодно, только не на кошачьем кладбище. — Я делаю пару шагов назад и смотрю на пятерых детей. Для зацепки нужно нечто большее, чем маффин. — Почему именно эти дети? — спрашиваю я.

— Что ты имеешь в виду?

— В прошлый раз Чешир выбирал девушек по особым причинам: все они были потомками женщин, которых фотографировал Льюис Кэрролл. Почему в этот раз именно ЭТИ дети?

Пиллар молчит. Надеюсь, он думает над этим.

— Ладно. Попробую уложиться за одну минуту. — Вздыхает он. Впервые за все время, я заставляю его потакать моим желаниям. — Давай посмотрим. Имена, что ты прочла на бирках, не имеют ничего общего. Что нам известно наверняка, так это возраст детей, который не очень-то помогает нам в поисках. Мальчики и девочки, пол здесь не имеет никакого значения. Я проверил имена, пока мы говорили: все дети, либо из бедных семей, либо от выходцев среднего класса. Никого из богачей. Но опять же, большинство преступлений по всему миру совершается против бедняков...

— Какова вероятность, что маффины оставил не Чешир? — перебиваю я, щелкая пальцем. — Что если дети вначале сами покупали маффины?

— Еще не доводилось видеть детей, которые бы лопали маффины прямо в упаковке. Звучит не очень аппетитно.

— Вы не понимаете, Пиллар. Позднее, Чешир запечатал маффины, которые они купили. — Я не констатирую факты, просто думаю вслух. — Я говорю о том, что детей выбрали потому что они купили Мяу — Маффин...или же очень сильно хотели купить.

— Возможно, — отвечает Пиллар. — И что?

Я пытаюсь выяснить это, снова глядя на детей. С какой стати ему убивать детей, которые покупают эти маффины?

— Две минуты.

— Подождите! — я вскидываю палец в воздух. — Забудьте о том, что я только что сказала. Я ошибалась.

— Признание ошибки — редкая добродетель.

— Но я была права кое в чем другом, — вскрикиваю я. — Дети!

— Что там с ними?

— Они... — я шүрюсь, чтобы убедиться. Неужели разгадка с самого начала была настолько простой? Будь ты проклят, Чешир.

— Что?

Я бросаюсь к мешкам с телами и расстегиваю детей сверху донизу, чтобы увидеть их тела целиком. Почему я прежде была так напугана, чтобы взглянуть на их тела?

— Что это, Алиса? — Пиллар взволнован и испуган одновременно.

— Разгадка не в головах! — вскрикиваю я.

— Как это так?

— Так же, как и арбузы предназначены для того, чтобы одурачить полицию, чтобы мы смогли найти маффины, детские головы не более чем трюк, чтобы пустить полицию по ложному следу, — объясняю я. — Настоящая разгадка кроется в телах. — Все органы целы, не видно ни капли крови. — Тела аккуратно одеты. — Я говорю ему то, что вижу. — Не думаю, что дети были одеты в этом во время совершения преступления. Детей переодели позже. То есть, тела детей переодели позже.

— Значит, головы послужили тем самым Х, что помечают зарытый клад. — Имеет смысл, с тех самых пор, как полиция обнаружила тела в домах, через несколько часов после нахождения голов. — Пиллар взволнован. — Так в чем зацепка? Почти одна минута, Алиса. Лучше пошевеливайся.

— Карманы детей набиты бесчисленным количеством конфет, батончиков и шоколадок.

Пиллар молчит.

— Батончики Веселые Весельчаки, коробочки Там-Там и пирожные Дама Червей (прим. пер. Queen of Hearts — Красная Королева, Червонная Королева), — говорю я, читая названия. — Все это сейчас продается в Англии?

Не припоминаю ничего такого два года назад, но опять же, я ничего не помню за последние два года.

— Да. Это все тенденции Страны Чудес в пищевой промышленности, начиная с убийств Чешира на прошлой неделе. Менее одной минуты, Алиса. Поспеш. Расскажи мне с подсказке.

— Поначалу, я подумала, что костюмы слишком велики для детей, а после нашла полные карманы конфет.

— Насколько велики?

— Довольно, огромные. XXL, не иначе, — отвечаю я. — То есть, четырнадцатилетний мальчик или девочка не должны быть такими...

— Дети — жирдяи, Алиса? — без обиняков спрашивает Пиллар.

— Почти такие же полные, как и дети из Ричмондской Начальной Школе. В чем тут дело?

— Все умершие дети, толстые, Алиса? У всех избыточный вес?

— Да. — Киваю я. Ошибки быть не может. Наконец, это становится очевидным, когда я переворачиваю детей и вижу на спине метки XXL. Однозначно, это проделки убийцы. — Что это за преступление такое?

— Значит, подсказка заключается в том, что все дети, которых убивает Чешир — толстяки? — выдвигает предположение Пиллар.

— Определенно.

— Отлично. Снимай куртку и обувь, Алиса, — говорит Пиллар. — И прыгай в мешок Гробовщик должен прибыть...

Сигнал пропадает.

— Пиллар, — я тяжело дышу, снимая обувь и куртку, и бросаю из за стол. — Вы меня слышите? — я забираюсь в мешок и начинаю застегивать себя изнутри, что на самом деле оказывается сложно, но мне удастся застегнуть себя до самого лба, когда я ложусь на спину.

Внутри мешка, я сую телефон в карман и ставлю его на беззвучный режим, боясь, что он

зазвонит в присутствии гробовщика. Я начинаю дышать так медленно, как только могу.

Успокойся, Алиса. Всего лишь через несколько минут, ты окажешься в безопасности.

Я закрываю глаза, когда снаружи доносятся приближающиеся шаги. Металлическая дверь открывается. Делаю глубокий вдох и пытаюсь подумать о чем-то расслабляющем, чтобы не запаниковать. Я могу думать лишь об одном человеке, который заставляет меня чувствовать себя подобным образом. Думаю о единственном человеке, который привносит смысл в мою жизнь, и лишь он один мне не безразличен, даже если это и бессмысленно, и даже если он настолько чокнутый, чтобы называть себя Джеком Даймондсом.

Шаги гробовщика, который оказывается слегка грузной женщиной. Мраморный пол скрипит под ее дешевой спортивной обувью. Или мне хочется в это верить. Трудно сказать наверняка.

Шаги тяжелые. Очень медленные. Уставшие.

Я стараюсь дышать медленней, поскольку мне не хватает воздуха внутри мешка. Скоро все должно закончиться. Мне нужно, чтобы она просто выкатила мой стол из этой комнаты. Она, должно быть, ищет мой идентификатор или что-то, чтобы распознать мое тело.

Гробовщица останавливается через пару столов от меня. Затем, она снова передвигается. Я слышу, как она постукивает чем-то, предполагаю, что это медицинская карта. Ее дыхание затруднено, словно дрожащая газовая труба, которая вот-вот взорвется.

Я снова пытаюсь чем-то отвлечь свой ум, чтобы успокоиться. Сначала — это Джек. О, Джек, вместе со своей абсурдностью, глупостями и милыми ямочками. Но затем, образ Джека тает из-за звуков музыки снаружи моего мешка. Гробовщица, скорее всего пользуется Ай Падом с маленькими динамиками. Песня мне хорошо знакома: "Не бойся Смерти" Blue Öyster Cult. *Интересно.*

Это займет какое-то время. Не думаю, что она спешит. Все, что я могу сделать — это ждать, пока она подберет меня. Словно в замедленной съемке, гробовщица прикуривает сигарету. Я не виню ее. Время, должно быть, самая бесполезная вещь для женщины, которая коротает свои деньки среди покойников.

Она затягивается сигаретой, а затем, кашляя, выдыхает. Дым просачивается сквозь мешок в мои ноздри. Мне удастся не чихнуть. Обычно покойники не чихают, воображаю я слова Пиллара. Зато я знаю, женщина рядом. Я слышу, как она снова подбирает документы, и медленно направляется ко мне. Она начинает напевать песенку:

— Не бойся смерти...ла-ла-ла-ла-ла-ла.

Мне хочется отбивать ногой такт, но я сдерживаюсь. Мне любопытно, она слушает одну и ту же песню каждый день. Любимое увлечение Пиллара — безумие, а эту женщину окружает смерть. Быть может, она уже привыкла ко всему этому. Это бы объяснило ее легкость и непринужденную манеру поведения. Я бы даже не удивилась, если бы она заказала пиццу. Два кусочка с отрубленными головами сверху и немного майонеза, пожалуйста. Буду премного благодарна, если мне перепадет еще и Мяу — Маффин.

— Алиса Уандер, — бормочет женщина, постукивая карточкой. — Где ж ты? — Она тяжело топает ногами, а затем затягивается сигаретой.

Я представляю ее себе в белом халате, слишком узкий для ее размера. Толстая, почти квадратная; рыжие кудри кустистых густых волос, из которых торчит карандаш. Толстые, круглые и одряблевшие щеки. Ожидание меня убивает. Я уже готова открыть молнию и закричать на нее: *Вот она я. Просто забери уже меня отсюда!*

— Так вот ты где. — Она стоит очень близко, воняя сигаретами, фаст-фудом и чем-то таким, чего я даже не могу определить. — Кто-то по ошибке запихнул тебя сюда.

Она убивает скуку, озвучивая все свои действия вслух. Мне это знакомо, потому что я сама привыкла делать то же самое у себя в камере. — Твоей жалкой заднице здесь не место, юная леди.

Эта игра вслепую больше не приносит веселья. Я осознаю, что скорее всего никогда не

узнаю, как выглядит гробовщица, после того, как она отправит мое тело шоферу автомобиля. Затем, она снова замолкает и кашляет. На этот раз, она кашляет по-настоящему сильно, словно ее тошнит. Я слышу, как сигарета со свистом падает куда-то. *Что там происходит?*

Тяжелый удар дрожью отдается в моем металлическом столе. Колесики перекашивает набок. Женщина задыхается. На заднем фоне продолжает играть песня "Не бойся Смерти", но женщина прекращает насвистывать, а, может, даже и дышать.

— Помогите! — выдавливают она, пока ее толстые руки, словно тяжелые рыбины, шлепают по моему мешку.

Ну, и что мне делать? Помочь ей, да? И раскрыть себя? Что с ней происходит?

К удивлению, женщина перестает задыхаться.

— Проклятые сигареты, — бормочет она. Я слышу, как она поднимается. Ее голос стал еще злее, музыка на заднем плане обращает все произошедшее в шутку.

Возникает долгое мгновение тишины, прерываемое лишь ее тяжелым дыханием. Ей нужно прекращать курить. И есть... что опять за запах? Ага, она пахнет какой-то выпечкой.

Она решает поменять песню на Ай Паде. Я отсюда выйду когда-нибудь или нет?

Новая мелодия мне не знакома. Американская песня шестидесятых. На самом деле, веселая песенка. Забавная и необычная.

— "Я — чокнутый" Лерой Пулинс, — объявляет гробовщица. Затем снова зажигает сигарету. — Обожаю эту песню!

Что? Она снова курит?

На этот раз, она делает долгую затяжку, словно предсмертный опыт не послужил ее легким впрок. Она снова направляется ко мне, постукивая картой. Ее поступь не такая уж и тяжелая. Мне интересно, как.

Она делает еще одну затяжку и насвистывает в такт песне. Певец сам, похоже, чокнутый. Все, что он поет — это "Я — чокнутый", несколько слов, потом снова "Я — чокнутый". Затем она замолкает на ударе аккорда его гитары и произносит:

— Бидли-ди-ба, бидли-ди-ба, бидли-ди-ри-па-дам.

Нужно будет найти эту песню, если я когда-нибудь выберусь отсюда.

Я слышу, как женщина останавливается и кружится на месте, словно она — Элвис Пресли под грибами. Я сдерживаю смех. Что произошло с этой гробовщицей? Может, я уже вернулась обратно в лечебницу Рэдклифф?

Она приближается к моему мешку и шлепает по нему ладонью.

— Вот она ты, Алиса Уандер, — произносит она. Я рисую ее с широкой улыбкой на лице, которая растягивает толстые щеки. — Пора отвезти тебя туда, где тебе самое место.

Наконец-то! Я вздыхаю. Это длится вечность.

От запаха выпечки в ее дыхании мне хочется есть. Нужно будет хорошенько подкрепиться по возвращении в лечебницу. К чему все эти упоминания еды сегодня?

Мне плевать. Я просто хочу выбраться отсюда.

Вместо того, чтобы выкатить меня отсюда, рука женщины тянется к замку на мешке. Быть может, она хочет взглянуть на мое лицо. Интересно, я для нее достаточно мертвой выгляжу?

Задержи дыхание, Алиса.

Молния медленно отрывает ей мое лицо, и запах выпечки устремляется прямо мне в ноздри. Возникает долгая пауза, за которой следует концовка чокнутой песенки. Тишина лишь удваивает дискомфорт. Я прикладываю массу усилий, чтобы не открыть глаза. Но я не

знаю, сколько еще смогу задерживать дыхание.

— Стоит сказать, весьма парадоксально, — произносит женщина с сатирическим оттенком в голосе. — Если продолжишь задерживать дыхание — умрешь. Если начнешь дышать, то ты — чокнутая. Разве не так, Алиса из Страны Чудес?

Мои глаза раскрываются. Я вдыхаю столько воздуха, сколько мне под силу. Я в полнейшем шоке. Тихая дрожь пронизывает мои конечности, а безумие почти застилает мой взор.

Что она только что сказала?

Не смотря на то, что гробовщик выглядит в точности также, как я ее себе представляла, запах выпечки у нее изо рта говорит об обратном. Это запах Мяу — Маффина.

Я парализована от ужаса. Все мои желания избавить мир от Чешира испаряются в его присутствии. Его улыбку, вылепленную на лице гробовщицы нельзя ни с чем спутать. Проклятье тому, кто видел эту улыбку слишком много раз, незабываемые впечатления гарантируют пожизненные кошмары.

— Чего ты от меня хочешь? — Я выплевываю каждый слог на своем языке. Подобным способом я хотела замаскировать свой страх....может быть, кто-то курит кальян, как Пиллар, а я буду скрывать свои страхи. *Пустяки.*

— Я тоже тебя люблю. — Чешир вспыхивает ослепительной улыбкой, а затем делает долгую затяжку сигаретой. Я ощущаю себя муравьем, разглядывая его снизу. Он похож на возвышающуюся махину кошмаров.

Инстинктивно, я выскальзываю из мешка и прыгаю с другой стороны стола. Чешир не двигается. Он наблюдает, как я ударяюсь левой коленкой и чуть не вывихиваю лодыжку. Я бегу по направлению к дальней лампочке, той самой, до которой я так и не дошла. Оказывается, она ведет к двойным металлическим дверям, ведущим наружу. Я хромаю, падаю и снова поднимаюсь. Остаток пути, я прыгаю, словно кролик.

Чешир стоит спокойно. Я знаю это из-за запаха маффина. Он позади меня, затягивается сигаретой гробовщицы, наслаждается зрелищем. Я такая трусиха, убегая подобным образом. Я тянусь к тяжелым дверным ручкам. Не думаю, что я пока готова для Чешира.

— Если не знаешь куда идти, любая дорога отведет тебя туда, — издевается Чешир за моей спиной.

Я останавливаюсь, как вкопанная. Не знаю почему. Воспоминание о Льюисе Кэрролле в Викторианской Англии вспыхивает перед глазами. Оно подобно электрошоку. Болезненное, но эффективное. Оно пробуждает меня и избавляет от паутины страха.

Я отпускаю ручку и разворачиваюсь лицом к Чеширу. Это то, что я должна была сделать. Мне не следовало убегать. Я здесь для того, чтобы поймать его, а не сбегать от него.

Не знаю, к чему был сон о Кэрролле, но я знаю, что не хочу в конечном итоге сожалеть как и он. Не хочу, чтобы через неделю я сказала нечто вроде " Я не смогла их спасти".

— Оу. — Чешир облизывает пальцы. Кошачья привычка. Он стоит в проходе между двумя рядами трупов. Это очень забавно, но в зловещем смысле, наблюдать, как гробовщик искрится плохими намерениями. — Значит, в конце концов, ты можешь оказаться Настоящей Алисой.

Я становлюсь спиной к двери, морщусь и качаю головой, недоумевая, почему он говорит это.

— Настоящая Алиса не убежала бы от меня, — объясняет он. — Дверь все равно заперта. Но ты ведь не знала об этом, так? — Он позвякивает брелком в руках. — Кто-нибудь все еще может открыть дверь снаружи, но ведь никто не знает, что ты здесь, Алиса.

— Откуда ты знаешь? — Признаться честно, я в шоке, что дверь заперта. Не знаю, может, он врет мне. Быть может, он обманывает, что увидать, как я попытаюсь снова открыть ее. Я не двигаюсь, стиснув кулаки.

— Всем плевать на тебя, Алиса. — Усмехается он. — Ты знаешь об этом.

С этим я поспорить не могу. Кажется, только Джеку не все равно. Где же он, когда он мне так нужен?

— Ты всегда была такой, — продолжает он. — Даже в книжках, ты была одинокой, быть может, чокнутой девчонкой, которая бродила по Стране Чудес.... да и то, может все это происходило лишь в твоём воображении. — Он смеется, фыркает и усмехается, чертовски смущая меня своими словами. — Ведь в книге у тебя никогда не было настоящего друга, помнишь?

— Моя сестра ждала меня, когда я проснулась, — бормочу я, поникнув головой. Чешир бьет по больному месту в моей душе. Я не только чокнутая. Я ещё и одинокая. Я понимаю это. Пора заканчивать с этим!

— Твои сестры ненавидят тебя, Алиса. Они так сильно тебя ненавидят, что ни одна не потрудилась рассказать тебе детали того, как ты убила своих друзей. А твоя мать слишком слаба, чтобы защитить тебя. — Он наслаждается этим. — А твои друзья? — Он тушит сигарету тяжелой ножицей и потирает подбородок. — Ах, да, ты же убила их.

— Ты тоже одинок! — Я делаю шаг вперед. Это выбивает его из колеи. Этого он не ожидал. — Ты всегда был одинок, Чешир. Люди убили твоих родителей. Ты поклялся отомстить миру. Одинокий псих, которого никто не любит. — Лицо гробовщицы напрягается. Я нажимаю сильнее. — Даже в Стране Чудес всем на тебя плевать. Ты и твоя глупая ухмылочка; брошенный на кухне Герцогини, затем ты прячешься в лесу, появляешься и исчезаешь, пытаясь привлечь внимание к своему жалкому существованию своими цитатами о жизни.

— Интересно. — Он делает шаг вперед, приглядываясь к моему лицу. — Расскажи больше. Это, правда, ты, Алиса?

Яжимаю плечами, затем поднимаю голову.

- Почему это так важно, если я окажусь Настоящей Алисой?

— О, это важно. Ты и понятия не имеешь. — Он по-прежнему не отводит глаз, делая ещё один осторожный шаг вперед. — Меня озадачивает то, что ты ничего не помнишь. Любопытно почему. Что такого о тебе знает Пиллар, чего не знаю я? Кто ты такая, Алиса?

Чешир приближается, ненависть всего мира сияет в его глазах.

— Мне и на тебя наплевать. — Я делаю еще один шаг вперед, не зная, чем все это закончится. Неужели я первая нападу на кота?

— Тогда на что же тебе НЕ наплевать? — Его голос полон любопытства.

— Чтобы ты прекратил убивать детей и начинать их головами арбузы по всей Англии.

Он смеется.

— Аккуратно выполненные преступления; признай, весьма артистично.

Я чувствую отвращение. Не знаю, как я выгляжу, когда мне противно, но даже лицо больно.

— Ты вообще знаешь, как трудно запихать голову в арбуз? — Он до жути искренен. Жизни людей для него ничего не значат. — Никто больше не ценит искусство. — Он закатывает глаза. — Это все потому что я — кот? — Волосатые пальцы гробовщицы превращаются в клыки, словно у Россомахи. — Может, мне сменить имя на Да Винчи или Пикассо, чтобы ты оценила мою работу?

— Ты не хочешь, чтобы тебя кто-нибудь оценивал. Чем больше тебя ненавидят, тем больше тебе это нравится, — отвечаю я. — Но, раз уж ты спросил, как на счет того, чтобы ты просто сдох? Мир просто обожает мертвых художников.

— Тогда меня никогда не полюбят. — Гробовщица приподнимает свою мясистую ручищу и машет ладонями в разные стороны. — Потому что я не могу умереть. — Он скромно улыбается на мою попытку унизить его. — И убийства жирдяев не прекратятся. Настоящие убийства еще даже не начались. — Она указывает на мертвые тела. — Люди всего лишь пешки в этой Войне Страны Чудес.

— Зачем убивать детей с излишним весом?

— Боишься сказать "жирдяев". — Усмехается она. — Это политически некорректно? Или же суровая правда всегда некорректна?

— Вау. Да у тебя зуб на "жирдяев". Мне не нравится, как это звучит на моем языке, но мне необходимо говорит на его безумном языке, чтобы читать между строк.

— Ты поймешь, ЧТО я имею в виду, если выяснишь это, Нэнси Дрю. — Она дышит на свои когти. — Ты и твой курильщик кальянов Инспектор Гаджет. — Кажется, это до смерти его позабавило.

— Если все дело в старой вражде между тобой и Пилларом...

— Все не так, — перебивает она.

— Если все дело в обиде, что ты затаил на человечество, прошу, вспомни, что все это произошло так давно. — Я даже не знаю, что я творю, разговаривая с врагом.

— Ничего не давно. — Она по-прежнему разглядывает мое лицо, будто хочет обнаружить доказательства того, что я Настоящая Алиса. Я замечаю, как он/она пялится на мою шею. — Ты хоть смотришь новости? Люди — говорящие мартышки, изможденные от своего варварского поведения спустя стольких лет эволюции. Они могут одеваться лучше, говорить красивей и изобретать крутые гаджеты. Они скажут, что войне предпочитают любовь, но все это чушь. Люди по-прежнему монстры. И всегда ими будут. — Он замолкает и переводит дух, так и не найдя того, что искал во мне. — Но опять же, моя вражда не имеет к Войне Страны Чудес никакого отношения.

— Тогда зачем все это? — Если Пиллар отказывается отвечать, стоит ли ожидать

подобных подвигов от Чешира?

— Если бы ты была Алисой, ты бы знала, — отвечает он. — Прямо сейчас, мне необходимо продолжить устраивать тебе тесты, пока ты не докажешь что ты — это она.

— Убивая детей? — Не могу уловить смысл в его логике.

— Все, что потребуется, — отвечает он. — Кроме того, ты по-прежнему можешь минимализировать убийства, решив загадки. — Он склоняет голову набок с еще одной ухмылкой. — Подумай над этим, как в "Уловке — 22". Либо ты не решаешь загадку, и я позволю убийствам продолжаться; либо ты отгадываешь загадку, я узнаю, что ты — Алиса и мы начнем Войну Страны Чудес. — Он почесывает подбородок когтями.

— Да что ж ты за псих такой?

— Довольно злобный, — усмехается гробовщица. — Давай не будем тратить время, Алиса. — Она начинает поглаживать когтями металлические инструменты на столах. — Ты оказалась достаточно умной, чтобы найти послание с маффином, и гораздо умнее, чтобы понять, что все жертвы жирдяи. — Он склоняет голову набок, когда я бросаю взгляд на молоток, прислоненный к стене за столами. Для чего в морге нужен молоток? — Вижу, что ты и Пиллар не воспользовались мудро подсказками, которые я для вас оставил. — Не смотря на то, что он говорил женским голосом, это лишь придавало ему зловещий оттенок. Что-то, что не подвластно объяснению. Что — такое, что могут порождать лишь кошмары. — Так вот моя последняя подсказка. — Он поднимает руку в воздух, средний и большой палец расположены довольно близко друг к другу, он словно вот-вот щелкнет ими. — Ты готова к моей главной подсказке, Алиса?

— Да. — Я бы согласилась на все что — угодно, лишь бы подобраться поближе к молотку. Мне нужно хоть какое-нибудь оружие.

Чешир щелкает пальцами, и несколько тел справа и слева от него оживают. Они резко садятся и ухмыляются на меня. Четверо слева от него. Четверо справа. Я застываю на месте.

Я только-только узнала, как справляться с психами..., кем-то кроме себя, с этим еще можно поспорить. Но я не готова столкнуться с живыми мертвецами. Это за гранью абсурда. Почему эти восемь тел ожили?

— Ты не знала, что я могу обладать девятью жизнями одновременно? — Смеется она, хватая со стола инструменты, похожие на вилки. Что она собирается делать, разрезать их? — Я даже могу обладать ими, когда они мертвы. Как круто, да? — Кажется, Чешир перешел на свой жаргон. — Давай потанцуем, Алиса. Давай потанцуем.

Как бы мне сейчас хотелось оказаться сумасшедшей. Этого просто не может быть.

Два инструмента в руках Чешира используются крайне необычным способом. Такого я не ожидала.

Он взмахивает ими на тела, словно дирижер, управляя музыкантами оркестра. По сигналу, восемь оживших трупов на столе начинают исполнять нечто вроде мелодии.

Я морщусь, смущенная, озадаченная и подавленная, наблюдая, как первая безголовая покойница берет свою голову. Она прилепляет ее к шее и начинает петь:

— *А ты знаешь Пекаря?* — Произносит она, словно послушная школьница... на самом деле, это и есть одна из пятерых детей. Затем, она склоняет свою отрубленную голову к сотоварищу, лежащему на столе рядом с ней. Другой труп поднимается со своей отрубленной головой, не в силах правильно приложить ее. Поэтому, он решает держать ее обеими руками, после чего раздается пение:

— *Пекаря, Пекаря?*

Покойник размахивает своей головой вправо и влево, когда говорит "Пекаря", словно счастливое дитя в школьном хоре. Голова в руках поворачивается в сторону следующего трупа, передавая эстафету ему.

Третий труп, с неправильно повернутой головой на шее, по-прежнему довольно пригодной для пения с губами шиворот-навыворот:

— *А ты знаешь Пекаря?*

Он повторяет фразу, выгибая бровь на четвертое тело... лежащее внизу, конечно же. Четвертый покойник не относится к Арбузным преступлениям. Какая — то старушка с целой головой, около семидесяти, одетая в большой белый поварской колпак. Ее лицо в ожогах... должно быть, она умерла в печи. Старушка заканчивает песенку хриплым, но тихим голосом.

— *Что живет на Друри Лейн?* — На этот раз, старушка смотрит прямо на меня уже без зубов.

Я не собираюсь отрывать себе голову и петь песню!

Чешир бросил на меня взгляд. Также сделали и другие четверо трупов справа от него.

— Еще раз. — Чешир взмахивает вилками. — И с чувством.

В унисон они все запели еще раз:

— *А ты знаешь Пекаря?*

Пекаря, Пекаря?

А ты знаешь Пекаря?

Что живет на Друри Лейн?

Следуя руководству Чешира, они заканчивают пение двойным хлопком окровавленными ладонями. А затем они повторяют ее еще раз. Громче.

Я обхватываю голову обеими руками и подумываю над тем, чтобы закричать. Я знаю, что крик редко помогает решению проблем. Если во всем этом кроется какая-то подсказка, то я ее не понимаю. Если Чешир намерен свести меня с ума, то он проделал исключительную работу. Если ничего из этого не происходит на самом деле, и я всего лишь воображаю себе все это, то я лучше предпочту сеанс шоковой терапии в Мухоморне, чем пение покойников в морге. Я ощущаю себя Алисой из книги, падая в бесконечную кроличью нору, где падение не прекратится никогда.

Пока они продолжают петь, желание ударить Чешира усиливается во мне. Я делаю шаг вперед и подбираю молоток, руки дрожат. Я хочу ударить им Чешира, чтобы безумие прекратилось. Это на меня не похоже, но я запуталась. Давление слишком велико. И их голоса через чур громкие. Все это заходит слишком далеко.

Я поднимаю молоток в воздух и подбираюсь к нему поближе. Он не двигается. Его ухмылка становится шире.

— Собираешься ударить толстую, бедную работницу морга, Алиса? — спокойно осведомляется он с безумной песенкой на заднем фоне. — Ты ведь даже не знаешь, есть ли у нее дети, быть может, ей приходится заботиться о матери или муже, Алиса. Ты не можешь с ней так поступить.

— Могу! — Я запрокидываю молоток, чтобы как следует размахнуться. — Безумие должно прекратиться!

Я размахиваюсь сильнее, а затем...

А затем...

Я останавливаюсь на полпути.

Как я могу причинить боль невинной женщине, работающей в морге? Знаю, она раздражает, слишком много курит и не заботится о своем здоровье. Но я не могу убить ее. Она мне ничего плохого не сделала. И я не убийца. Даже не смотря на то, что я убила своих друзей на автобусе. Я не убийца. Я не вижу себя таковой. Если я ударю эту женщину, Чешир одержит верх, и завладеет одним из мертвецов. Теперь я знаю, как ему удастся делать это, но я не стану. Он загнал меня в угол и я не могу отреагировать должным образом.

— Это все потому, что ты — не Алиса. — Его глаза внимательно меня разглядывают. — Настоящая Алиса ударила бы, и глазом не моргнув. Потому что она знает, что зло должно быть искоренено и сожжено дотла. В этом заключалась вся суть безумия Алисы. Она была сильной. Могущественной. Ничего не боялась. — В его словах столько восхищения, сколько и негодования. — Она была Ч.О.К.Н.У.Т.О.Й. В этом была ее фишка. Но ты — не она. — Его голос печален. Он хочет, чтобы я оказалась ею. Одному лишь Богу известно, почему она так сильно ему нужна. Слезы начинают бежать по щекам.

Не знаю почему. Неужели я расстроена, что я — не она? Неужели я расстроена, что не могу убить его и спасти мир? Я просто не знаю.

— Пиллар наплетет тебе, что не имеет значения кто ты такая, — объясняет он. — Будто не важно, чокнутая ты или нет. Я бы сказал, это имеет огромное значение. Как ты можешь выбирать сторону, не зная, кто ты такая на самом деле? Знаешь, какой самый большой людской грех, Алиса? — Он тянется к молотку, чтобы выхватить его у меня. — Это безразличие. Нерешительность. Неуверенность, когда как пришло время для незамедлительного правосудия.

Ему уже почти удалось вырвать молоток из моих дрожащих рук, когда внутри меня вырывается на поверхность. Что-то такое, с чем я еще не сталкивалась и даже не думала об этом прежде. Огромное желание все исправить, защитить кого-то и помочь стольким людям, скольким смогу. Огромное желание увидеть что под маской Чешира.

Я могу притворяться, что это не я ударила молотком по ноге гробовщицы: достаточно, чтобы ранить, но недостаточно, чтобы убить. Я могу притворяться, что я не такая. Но это я. Настоящая я. Быть может, не та самая Алиса, которую ищет Чешир. Но Алиса, которой отныне я хочу стать.

По моей щеке катится слеза, когда гробовщица падает на колени. Я совершаю нечто невообразимое и ловлю слезинку ладонью, прежде чем она успевает удариться о землю. Если я хочу выиграть, я не могу позволить себе заплакать. Если бы я могла вернуть эту слезу, я бы так и сделала. Эта слезинка удерживает меня на грани безумия, коим меня обрекли.

Я придерживаю женщину, чтобы она не ударилась головой обо что-нибудь во время падения. На ее лице читается ужас от неведения, что с ней случилось. Отсутствие усмешки у нее лицо говорит о том, что Чешир покинул ее тело. Почему бы и нет? Он хочет, чтобы я страдала от вины за то, что ударила невинную женщину.

Гробовщица продолжает безостановочно рыдать, больше нуждаясь в объяснениях, чем в лечении. Трупы прекратили петь и улеглись обратно в свои мешки для тел. Я нигде не вижу Чешира.

— Кто ты? — Женщина начинает истерически трясти меня. Ее нога распухла и кровоточит.

— Прошу, успокойтесь, — говорю я ей. — Мне нужно, чтобы Вы доверились мне. Зло рядом.

Глаза женщины широко распахиваются. Она изучает меня с головы до самых пят, затем останавливается на бирке, что привязана к моей ноге. Медленно и неохотно она поднимает палец, указывая на опустевший мешок для тела.

— Ты мертва... — заикается она. Прежде чем я успеваю объяснить что-либо, она теряет сознание.

Я бережно опускаю ее на пол. Грех жаловаться. Она оказала мне огромную услугу и сэкономила мне кучу времени.

Я оборачиваюсь с молотком в руках в поисках Чешира. Не знаю, каким образом работает это его порабощение душ, но он просто обязан быть в комнате, поскольку дверь до сих пор закрыта.

Что за игру он теперь со мной играет?

Я медленно направляюсь к двери, трупы, якобы, покоятся с миром по обе стороны от меня. Я держу молоток, словно меч и это каким-то образом придает мне храбрости.

Удивительно, что способен сотворить с вами страх, когда вы, наконец, решаетесь взглянуть ему в глаза. Мои босые ноги и тело по-прежнему изнемогают от ледящего холода морга.

Уже ближе к двери, я слышу эхо собственных шагов. Необъяснимо, но я продолжаю идти. Если Чешир обладает способностью быть невидимым, тогда у меня на самом деле нет шансов, чтобы дать ему отпор.

Почему я слышу эхо собственных шагов?

Я продолжаю стучать по двери молотком в руке. Фильмы ужасов и близко не сравнятся с моим состоянием в данный момент. Приблизившись к двери, я понимаю, что слышу не собственные шаги. Это чьи-то другие шаги. И они приближаются с другой стороны двери.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Как Чеширу удалось уйти, не открыв дверь? И почему шаги зеркально повторяют мои собственные? Должно быть, он пытается напугать меня, вот и все.

Я хватаюсь за дверную ручку, молоток зажат в другой руке. Глубокий вдох помогает мне

снизить давление, достаточно, чтобы мыслить ясно. Все, что мне требуется — открыть дверь, а затем посильнее ударить. Вот и все. Надеюсь, я и в самом деле, рассуждаю трезво. У меня нет боевой подготовки, в конце концов... если и есть, я не помню.

Я хватаюсь за дверную ручку покрепче, а затем тяну. Такого я не ожидала. Но, как и сказал Чешир, дверь заперта.

Связка ключей в руке гробовщицы!

Я оборачиваюсь, чтобы выхватить ключи из рук женщины только затем, чтоб увидеть, что она снова на ногах. Вот только в ее позе сейчас небольшая проблемка. Ее голова отрублена, и она держит ее одной рукой. В другой она сжимает ключи.

— Не это ли ищешь? — Усмехается она.

Чешир вернулся. Кто же тогда приближается к двери с обратной стороны?

На мгновение я замираю при виде этой ужасной сцены. Но я уже на грани того, чтобы спустить тормоза против Чешира и ударить его. Пора уже заканчивать со всем этим.

Дверь позади меня внезапно распахивается. Я закрываю глаза, поскольку думаю, что позади меня еще один одержимый Чеширом человек. Как же мне убить его? Мне что, всех девятерых придется убивать?

— Алиса! — восклицает голос за моей спиной. — Вот ты где!

На моем лице сверкает широченная улыбка. Голос за моей спиной так дорог мне. Это Джек Даймондс.

Лицо гробовщицы искажается от гнева, когда она слышит голос Джека Даймондса. Джек предпочитает не входить в комнату. Сложно понять почему. Он всего лишь отпер дверь со своей стороны. Чешир не в силах разглядеть Джека со своего угла. Я тоже не вижу Джека, лишь слышу его голос.

Господи, пожалуйста, пусть это окажется не просто голос в моей голове. Но, черт подери, дверь открылась. Не голос же ее открыл.

Женщину приводит в ярость то, что меня кто-то спасает.

— Давай же, Алиса, — зовет меня Джек. Я вижу его руку, которая тянется ко мне из-за двери. — Здесь так холодно, не думаю, что смогу зайти.

— Но, сперва, мне нужно убить его, Джек, — отвечаю я.

— Кого убить? С тобой в комнате кто-то есть? — Он машет рукой. — Они же все мертвы.

— С кем ты разговариваешь, Алиса? — со злости выпаливает Чешир. — За дверью никого нет.

— Не нужно играть со мной в эти твои игры, Чешир. — Я поднимаю молоток, готовая ударить, как только он снова приблизится ко мне. — Кто, по-твоему, открыл дверь снаружи?

— Не знаю. — Он пожимает плечами и надевает голову на место. Порой я не понимаю его намерений. Или он пытается оставить мне некое послание, чтобы я продолжила свое расследование, или же он пытается навредить мне? Чем больше времени я провожу с ним, тем больше все теряет смысл. — Но я знаю, что там никого нет. — Теперь он снова ухмыляется. — И я знаю, что ты не можешь убить меня. Ты можешь поранить и искалечить бедную женщину, но меня это не убьет.

— Алиса! — Джек, наконец, вытаскивает меня наружу. Он проделывает это столь быстро и стремительно. Никогда бы не подумала, что он такой сильный. Он закрывает дверь за моей спиной и запирает ее цифровым кодом на панели на ближайшей стене. Код — 1862. Дата из моего видения; когда я повстречала Льюиса, был 1862. Для чего все эти загадки, и что они должны означать?

— Ты в порядке? — Его руки исследуют мое лицо, в поисках ран. Он убеждается, что со мной все в порядке. Мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так беспокоился обо мне. — Слава Богу, ты в порядке, Алиса. Я так волновался. — Его очарование не вполне подходит его серьезности, но оно и понятно. Когда я смотрю на Джека, все, о чем я могу думать — это веселье.

— Я так рада видеть тебя, Джек. — Я обнимаю его, пока он нежно касается пальцами моего лица. Его прикосновения приятны. Мне это нужно, даже внутри морга.

Кто же ты, черт подери, такой, Джек? Почему ты всегда приходишь спасать меня?

С бурлящими во мне эмоциями, я крепко обнимаю его. Обвивая его тело и ощущая, что мне хотелось бы спрятаться в его объятиях. Быть может, он смог бы защитить меня от этого безумного мира; быть может, он смог бы защитить меня от собственного безумия.

— Вау, — шутит он, глядя меня по спине. — Для этого слишком рано, не находишь? Мне нравятся девушки, которые не любят торопить события, которая, сперва, отвела бы меня на ужин, и травила анекдоты.

Я крепко прижимаюсь к его груди, пока я в его объятиях. Его глупые шутки наводят

меня на мысли, что этот мир не заслуживает ни капли гнева. Как бы мне хотелось быть похожей на него.

— Я думала о тебе, Джек. — Я смотрю на запертую дверь, ожидая, что Чешир откроет ее в любую секунду. — Ты заставляешь меня...

— Веселиться? — Он проводит ладонями по моим волосам. Я ощущаю его дыхание у своего уха.

Я киваю.

— Ты тоже забавная девчонка, — говорит он. — Вот только вкус в одежде у тебя отвратительный. Вечно вся измазана кровью.

— Да перестань, в Ватикане ты признался, что я тебе нравлюсь. Я слышала тебя в исповедальне, — дразнюсь я.

— Признаю себя виновным. — Он прижимает руку к груди.

— Мы должны идти, Джек. — Я смотрю на дверь. — У него ключ.

— У кого ключ?

— У Чешира.

— У кого?

— Помнишь, противную старушенцию, что преследовала меня в Бельгии?

— Вау. Должно быть, она сильно тебя ненавидит. — Он закатывает глаза, даже не спрашивая меня о том, что произошло. Я киваю, мне даже не хватает смелости ответить.

Внезапно, во время нашего разговора снаружи морга раздаются звуки сирен. Я смотрю на Джека в ожидании объяснений.

— Это полиция, — произносит он. — Нам нужно вытащить тебя отсюда.

— Полагаю, кто-то доложил о подозрительной активности в морге, — произносит Джек. — Нам нужно укрыться от полиции. Они не поймут.

— Чего именно они не поймут? Я, допустим, понятия не имею, что происходит на самом деле.

— Так же, как и я, Алиса, — отвечает он. — Но это не имеет значения. Важно лишь то, что мы вместе. Идем. — Он тянет меня за руку и ведет к боковой двери, ведущей в еще одну комнату мед — персонала. Я в последний раз оборачиваюсь, удивляясь, почему Чешир не вышел. Быть может, это из-за кода, который ввел Джек. Неужели он не дает открыть дверь ключом?

— Джек, откуда у тебя тот код, который ты только что ввел на двери? — Я поворачиваюсь к нему.

— Я видел, как старшая медсестра вводила его на всех остальных дверях, так что я тоже попробовал, — отвечает он. — Давай избавимся от этой штуковины у тебя в руке. — Он пытается забрать у меня молоток, после того, как закрывает за нами дверь. Это комната для врачей. — Ты похожа на маньяка.

У меня шок оттого, что я до сих пор крепко сжимаю молоток. Я не могу отдать его. От страха у меня онемели пальцы.

— Все хорошо, Алиса. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Это я — Джек. Я не обижу тебя. — Он палец за пальцем высвобождает мою руку. Сирены снаружи приближаются.

— Надень это. — Он передает мне форму медсестры из шкафа. Пара ботанских очков и обувь, что он прихватил с собой из ближайшего шкафчика, завершают ансамбль. — Ты притворишься медсестрой, а я спрячусь в один из них. — Он указывает на мешки для тел на столе. Тут их три. — Ты строишь из себя медсестру, а я строю из себя покойника. — Улыбается он. — Не забудь про бирку. — Он передает и ее. — Все, что тебе нужно сделать — вытащить меня отсюда и сказать полиции, что кто-то проник в морг. Ничего особенного. Воры любят красть тела и продавать их.

— Думаешь, это сработает?

— Это наш единственный шанс, — отвечает он. — Никто из нас не знает, что сказать полиции, когда та прибудет. Теперь я отвернусь, чтобы ты переоделась.

Мы оба отворачиваемся, в то время как звук полицейских машин окружает морг. Я оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть подсматривает ли он за мной, пока я переодеваюсь. Так и есть. Как только я смотрю на него, он сразу же отворачивается и начинает кашлять. Я краснею и тоже отворачиваюсь, разглядывая стену. Я ощущаю себя неловкой и слабой рядом с Джеком, теперь, когда мое сердце безоговорочно открыто ему. Мне интересно, как близки мы были, когда он был Адамом, моим парнем. Я знаю, что мы были влюблены, потому что так подсказывает мне мое сердце, но настолько близки?

— Джек, — непринужденно интересуюсь я.

— Да?

Я подумываю над тем, чтобы спросить его знает ли он о наших прошлых жизнях, но не хочу отпугнуть его, вдруг он подумает, что я сумасшедшая.

— Как ты всегда меня находишь? — вместо этого спрашиваю я.

— Я точно не знаю, — отвечает он. — Это странно. Я сижу где-нибудь, и потом у меня

возникает это ощущение, что мне нужно тебя увидеть. Своего рода интуиция, когда ты в опасности. А потом, я внезапно оказываюсь рядом с тобой. — Не знаю, что и думать об этом. Я надеваю халат медсестры и очки. — А ты? — спрашивает он. Теперь, когда он закрылся изнутри мешка, его голос звучит приглушенно.

— Извини? — Я надеваю очки.

— Ты скажешь мне, где ты живешь, чтобы я смог сводить тебя на наше отложенное свидание?

Я оборачиваюсь и улыбаюсь его настойчивости. Выражение лица меняется, когда я понимаю, что не могу сказать ему, что живу в психушке. Быть может, он и странный парень. Но я — чокнутая. По-крайней мере, моя жизнь больше подходит чокнутому. В голове возникает песня "Я — Чокнутый".

— Если мы переживем все это, быть может, я тебе скажу, — отвечаю я, толкая каталку к выходу.

Снаружи двери главного входа открываются, и врывается бесконечная орда мужчин с пистолетами. Я удивлена, когда вижу их беспокойство. Меня спрашивают, все ли со мной в порядке. Я ненадолго изображаю шок и повторяю историю, что изложил мне Джек. Я показываю на комнату с Чеширом. Забавно как они купились. Нет никаких признаков проникновения. Но мне верят. Они добры ко мне. Быть может, все из-за моего наряда медсестры.

Так вот что миру от меня нужно? Не выделяться? Костюм медсестры или врача сделал всю работу? Неужели так необходимо вписываться в любое сообщество, чтобы стать узнаваемым стереотипом? У меня ощущение, что в последнее время в моих мыслях слишком много от Пиллара.

По-прежнему направляясь с каталкой к главному выходу, я ожидаю встретить шофера Пиллара на своем пути.

— погоди! — окликает меня кто-то, прямо перед тем, как я успеваю выйти через главный вход.

Я оборачиваюсь, это другая медсестра. Рядом с ней гордо возвышается огромный полицейский. Надеюсь, меня не раскрыли.

— Да? — Я поправляю очки и морщу нос.

— Кого это ты увозишь? — спрашивает медсестра.

— Пациента, которого по ошибке доставили сюда час назад. — Я перевираю. — Скорая уже ждет его снаружи, чтобы перевезти в другой морг.

— Его? — Она меняется в лице, когда читает карточку.

— Ой, вот я глупая. — Я разыгрываю из себя дурочку. — То есть, ее. Это погибшая девушка.

— Еще раз, как ее имя?

Я пожимаю плечами.

— Уандер, — отвечаю я. — Алиса Уандер.

— Хмм... — Кивает она, когда любопытный офицер заглядывает в ее карточку.

— Она погибла в автобусной аварии.

— Оу. Верно. — Медсестра указывает на имя в карточке. — Бедняжка. Она убила своих друзей, будучи за рулем автобуса.

— Правда? — Я стараюсь не кривиться.

— Ты разве не отсюда? — Смеется полицейский, гордо поправив руками свой

ремень. — Это происшествие было во всех новостях пару месяцев назад, — ответил Мистер — Всезнайка.

— Аа, я тут всего месяц работаю. — Я улыбаюсь как безумная. Что же мне делать с тем невероятным фактом, что труп до сих пор цел и невредим, когда как ему уже несколько месяцев? С какой стати, я перевожу его именно сейчас? — Я из маленького городка недалеко от Оксфорда.

— Вот почему, — отвечает медсестра. — Не видела тебя тут раньше. Можешь идти. — она машет рукой, даже не глядя на меня.

— Спасибо, — отвечаю я. — Но разве эту девчонку не отправили в психушку?

— Чепуха. — Полицейский смеется вместе с медсестрой. — Это просто слухи. Она мертва, как и все остальные. Как бы ей удалось выжить в автобусной аварии, когда все прочие погибли?

— Тогда откуда Вы узнали, что она убила их?

— Записка, милочка, — отвечает медсестра. — Она оставила своим сестрам записку, прежде чем осуществить задуманное. Ты слишком много болтаешь. Теперь иди. Нам сообщили, что внутри раненый сотрудник. — Я киваю и выкатываю Джека наружу.

Сделав несколько шагов по освещенной красно-синими огнями улице, шофер, переодетый в медицинского водителя, приближается ко мне. Мгновение спустя он понимает, что я толкаю каталку, а не нахожусь на ней.

— Похоже, все идет не совсем по плану, — произносит он своим мышинным голосом. Серьезно, ему стоит сбрить свои усики. Я мотаю головой, когда он ведет меня в сторону к машине скорой помощи. — Мы предположили так, когда у тебя ушло слишком много времени на то, чтобы уйти из морга. — Он открывает для меня задние двери. — Кстати, бирка на ноге — это проделка Чешира, — говорит он и не дает мне закатить тележку внутрь. — Не спрашивай меня, откуда он узнал, что ты будешь в морге. Полагаю, он ожидал этого.

— Внутри прячется друг, — шепчу я.

- Друг? — Мышиные уши шофера приподнимаются, словно два остроконечных парашютика. — Кто?

— Его зовут Джек.

Шофер подозрительно расстегивает мешок, потом озадаченно смотрит на меня. Сперва, я не понимаю в чем проблема. Но затем я заглядываю в мешок. Джека не оказывается внутри. Всего лишь тело неизвестного мне парня.

Скорая помощь Пиллара, едем по улицам Лондона

Пиллар сидит напротив, в задней части кареты скорой помощи, с любопытством разглядывая тело, которое я по ошибке прихватила вместо Джека чуть ранее..., тем не менее, как это произошло — я не знаю. Я не могу даже думать об этом. Только я подумала, что мне удалось ухватиться за тонкую грань того, что реально, а что — нет. И я снова ошиблась.

Безымянный труп вытянулся на каталке между нами. Ледяной металл скорой помощи холодит спину. Шофер везет нас к окраине Лондона, чтобы мы смогли пересест в лимузин Пиллара, а затем вернуться обратно в лечебницу. Он пытается включить сирену скорой помощи, тем самым лишь замедляя нас. Сдуру, он высовывает голову из окна и кричит "Виинииии-уууууу. Виинииии-уууууу!" на скопление машин, чтобы те уступили нам дорогу.

— Виинииии-уууууу, Виинииии- уууууу, — повторяет он. — Скорая! Покойник внутри. Дорогу!

Я притворяюсь, что ничего не заметила и бросаю взгляд на Пиллара, который с любопытством рассматривает труп между нами. Пиллар склоняет голову набок, прикладываясь к мини-кальяну с наклейкой "я знаю, почему ворон похож на письменный стол". Он тянется к трупу и дотрагивается до головы умершего. Она также отрублена..., быть может, еще одно тело, недавно отправленное в морг. Как, во имя Чарльза Латвиджа Доджсона, это произошло?

Пиллара интересует рот покойника, он прикасается к нему и разглядывает. На мгновение, он передает мне свой кальян и используя уже обе руки, пытается растянуть рот мертвеца в улыбке.

— Зазорно не иметь возможности улыбнуться при встрече со своим создателем, — говорит он покойному. — Ведь не хочется оставить плохое впечатление при встрече с Ним. Это будет самое важное собеседование в жизни после смерти. — Он подмигивает мне и забирает кальян обратно. — Эй, — он окликает своего Шофера. — Ели бы я сказал тебе, что этот жалкий труп... — он замолкает и показывает на умершего, -..слишком устал, чтобы вознестись и встретиться с создателем, что бы ты предложил?

Шофер снимает фуражку, продолжая вести машину, почесывает три волосины на своей лысой яйцеобразной голове и уже после отвечает:

— Помочь ему разок затянуться из Вашего кальяна? — Его глаза распахиваются. — Чтобы он словил тот еще кайф. — Он смеется и показывает наверх, после высовывает голову и заходится еще одним "виинииии-уууу" на проезжающие мимо автомобили.

У меня возникает идея — выбросится из скорой помощи. Если так принято разговаривать в Стране Чудес, то я не хочу быть частью всего этого. Я до сих пор в шоке и смятении от исчезновения Джека, но я знаю, что Пиллару Джек не нравится, так что разговаривать с ним о нем просто бесполезно. Боюсь, что моя привязанность к Джеку лишь усложнит положение дел. Все, что произошло со мной сегодня, лишь может усугубить то, что я ощущаю по отношению к себе и ко всему миру.

— Так значит, это Чешир шутки ради нацепил тебе бирку на ногу? — Пиллар делает затяжку из кальяна, сверкнув глазами.

— Не смешно. — Скую я. — У меня такое ощущение, что я на самом деле схожу с ума, раз за разом возвращаясь в лечебницу.

— Хочешь сдать? — интересуется он. — Ты вынесла гораздо больше, Алиса. — Он снова затягивается из кальяна, отвлекая меня от того, что я хотела сказать. — Намного больше в Стране Чудес. Растеряла все мужество? — усмехается он.

Несмотря на свой стыд, я киваю. Но если по-честному, случай с Джеком немного выбил меня из колеи.

— Каждый раз, когда я ощущаю, что могу справиться со спасением людей от Монстров Страны Чудес, я заканчиваю тем, что расклеиваюсь и желаю забиться к себе в палату.

— Тогда, мои поздравления, — лицо Пиллара тускнеет. — Ты только что обернулась той, кого так сильно хотел Чешир.

— И что же это должно означать? — спрашиваю я. — Вы понятия не имеете, через что мне пришлось пройти сегодня вечером. Понятия не имеете!

— Чешир хочет, чтобы ты поддалась безумию под его давлением, — говорит он, игнорируя мое нытье.

— Поддалась безумию? — я моргаю в замешательстве. — Я думала, он хотел проверить Настоящая ли я Алиса.

— Именно, — отвечает Пиллар. — Думаешь, Настоящая Алиса поддалась бы его безумию?

— То есть, вместо того, чтобы давать мне подсказки, он пытается проверить, сколько невыносимого бреда я смогу вынести?

— Туше. Ты только что описала ежедневное человеческое состояние. — Он казался польщенным. — Разве ты не видишь, к чему все это ведет? Каждый божий день своей жизни, люди прогибаются и отдаются на милость безумию. Будь то стресс на работе, семья, самореализация, скука, подростковые проблемы, возрастные трудности, как ты их называешь. Безумие повсюду. Оно питается нами. — Он широко распахивает руки. — Но лишь..., — он наклоняется вперед и тыкает пальцем в воздух.

— ... Чудесники могут противостоять ему, — заканчиваю я.

Широкая, соблазнительная улыбка появляется на его лице. Это одна из тех редких его улыбок, что мне так нравятся. Словно видеть у дьявола, скрывающегося во тьме, намек на крохотный шанс добра в нем.

— Ты ведь даже не представляешь, какого рода безумие творилось в Стране Чудес, да? Это было прекрасно.

Любопытно, какова же твоя настоящая история, Пиллар? Кто ты и почему помогаешь мне?

— Почему Чеширу так важно удостовериться, что я — Настоящая Алиса? — Если я отдамся во власть безумия и это докажет, что я не Алиса, мне бы хотелось знать, почему ему так важно отыскать ее.

— Это единственный способ убедиться, что он выиграет Войну Страны Чудес, которую я...

— Вы мне сейчас ничего не расскажете. Поняла. Просто скажите, почему он не может выиграть без меня.

Пиллар колеблется. Он разглядывает свои туфли, поджав губы.

— У тебя есть нечто нужное ему. Не знаю, что это. Я могу предположить, но сейчас я не в настроении.

Не смотря на то, что я понятия не имею, чего хочет Чешир, я киваю. Это имеет смысл. Чеширу необходимо удостовериться, что я — Настоящая Алиса, чтобы он смог заполучить ту самую загадочную вещь, которая ему нужна от меня... чтобы там ни было. Внезапно мне открывается следующее, что, быть может, Пиллар тоже преследует ее. За этим он мне и помогает, чтобы я добралась до этой самой штуковины.

— Видишь ли, поэтому он отправиться в ад и вернется за тобой обратно, чтобы только убедиться, что ты — это она, — объясняет Пиллар. — На данный момент, он больше никого не считает Настоящей Алисой, так что никакой конкуренции. Он на самом деле хочет, чтобы ты оказалась ею, поэтому он бросит тебя в яму безумия, да такого, которого еще никто прежде не испытывал.

— Я не возражаю. — Я делаю глубокий вдох. — Мне необходимо его безумие.

— И с чего бы это вдруг? — Смесь восхищения и волнения вспыхивает в его глазах, почти тоже самое я видела и у Чешира.

— Потому что мне нужно знать Настоящая ли я Алиса.

— Понятно. — Кивает он.

— Думаю, я не знаю, чего он от меня хочет, потому что не помню этого, верно?

— Я понятия не имею, почему ты не знаешь, Алиса, — отвечает он. — С самого первого дня, моя интуиция твердит мне, что это — ты. Теперь, быть может, не будем терять время, пока ты не начала жалеть саму себя? — Его тон пронизан энтузиазмом. — У нас есть подсказка. На самом деле, даже множество нитей этой подсказки. Чешир убивает полных детишек, отрубает им головы и прячет у них во рту Мяу — Маффины, после чего запихивает голову в арбуз или футбольный мяч. Я, правда, не знаю, как можно засунуть голову в арбуз, но это своего рода искусство.

— Он именно так и сказал. — Я пристально смотрю на него.

— Чтобы познать своего врага, нужно прочесть его мысли.

— Согласна. Так к чему была эта песенка про Пекаря? — говорю я. — Он сказал, что вся эта жуть — подсказка, раз уж мы не смогли разгадать все прочие.

— Песенка про Пекаря определенно имеет нечто общее с Мяу — Маффинами. — Пиллар потирает подбородок. — Полагаю, этот самый Пекарь делает Мяу — Маффины, или что-то в этом роде. Но, я не уверен.

— Разве это не известная детская песенка?

— Впервые, песенка была вписана в старинный Британский манускрипт, — объясняет он. — Предположительно около 1820 года. Некоторые говорят, что в 1862, но это все предположения.

— Это Викторианские времена? — Я снова вспоминаю видение о Льюисе. Оно произошло в 1862. Я не могу рассказать об этом Пиллару. Льюис сказал никому об этом не говорить.

— Так и есть. Знаю, весьма соблазнительно связать стишок с Льюисом, — отвечает он. — Печально, но мне никогда не попадалось даже слово "Пекарь" в каких-либо работах Кэрролла.

— Я тоже ничего не слышала про Пекаря в Стране Чудес, — соглашаюсь я.

— Давай вернемся в лечебницу, — произносит он. — Мне всегда хорошо думается среди Мухоморов. Нужно пошевеливаться, прежде чем полстраны проснется и обнаружит головы своих детей внутри арбузов. У нас много работы.

— И последнее. — Я тыкаю в него пальцем.

— У нас нет времени, Алиса. — Он украдкой бросает взгляд на свои карманные часы.

— Это важно, — настаиваю я. — Я в таком случае отказываюсь что-либо делать, если Вы не выслушаете меня.

— Понятно. — Он качает головой. — Джек.

— Откуда Вы узнали?

— Лишь он один заставляет твои глаза сиять так ярко. — Он закатывает глаза, не в восторге от мысли о любви. — Что там на счет него?

— Кто он такой? — допытываюсь я. — Мне нужен ответ.

Пиллар смыкает губы, словно боится, что правда сможет вырваться наружу против его воли.

— Послушайте. Я встретила его внутри...

— Внутри морга? — прищуривается Пиллар. — Снова?

— Да. И как всегда, он спас меня.

— Я не удивлен.

— Я спрятала его в мешке для тела, чтобы одурачить медсестру и офицера, чтоб уйти из морга, — рассказываю я. — На улице, я обнаружила, что в мешке его больше не нет.

— Не говори мне, что это тот несчастный парень, которого ты подобрала. — Он указывает на труп, и я киваю. — А я уже было подумал, что ты начала вникать в бредовый юмор Страны Чудес и это тому пример.

— Вы знаете, как это возможно? — Я молю, чтобы у него был ответ. Ведь это так важно для меня.

— Знаю. — На секунду он закрывает глаза. Что ему известно о Джеке?

— Но Вы мне не скажете?

Пиллар не отвечает. Он бросает взгляд на шофера, затем выдыхает кальянный дым.

— Взгляните на меня, — требую я. — Неужели Джек всего лишь выд...

— Я расскажу тебе кто такой Джек на самом деле, когда ты закончишь эту миссию. — Он строг, но по-прежнему не смотрит на меня. Мне хочется ему верить.

— Договорились. — Я протягиваю ему руку над трупом. Каким-то образом, меня успокаивает то, что правду о Джеке решено отложить на потом, потому что я в первую очередь боюсь, что на самом деле нет никакого Джека.

— Предпочитаю не пожимать рук. — Он выглядит раздраженным. — Микробы и бактерии, Алиса. — Он показывает на свои перчатки. — Ради Эдгара Алана По, ты же только что выбралась из морга.

Грубый сукин с...

Я убираю руку. Мне плевать. Необходимо разгадать загадку Пекаря, остановить преступления, и, быть может, выяснить Настоящая ли я Алиса, а уже после получить награду в качестве информации кто такой Джек. Прошу тебя, Господи, дай мне разумное объяснение его существованию.

— Ты ведь знаешь, что это не "веееее-уууу", да? — сообщает своему шоферу Пиллар с неким оттенком брезгливости в голосе.

— Тогда что же, Профессор Пиллар? Прошу Вас, помогите, — отвечает шофер. Проезжающий мимо народ проклиняет его. Прочие лондонские водители кричат ему нечто вроде "Ты — псих!" и "Засунь свою задницу обратно!".

— Нужно не "вииниииии-уууууу, а "вуууууу-ииииии", ты, мышиный идиот! — Пиллар делает затяжку и улыбается мне. — Это же всем известно.

Я пытаюсь сдерживать смех и откидываюсь на сиденье, думая о загадке Пекаря. До меня только дошло, каким безумным оказалось это приключение. То есть, на прошлой неделе я встретила со столькими людьми, которые оказались Чудесниками. Кто мне поверит, если расскажу? Мысль пробудила вопрос в моей голове.

— Скажите, Пиллар, — произношу я тем же самым любознательным тоном, который он обычно оттачивает на мне. — Если Маргарет Кент — Герцогиня, Фабиола — Белая Королева, Вы — Гусеница, а Чешир, конечно же, Чешир, тогда мне следует призадуматься, сколько же еще Чудесников живет среди нас.

— Ох, Алиса, — вздыхает Пиллар. — Их великое множество, не говоря уже о тех, кого Чешир еще не освободил.

— То есть, Маргарет Кент — Женщина из Парламента. Фабиола — самая обожаемая монахиня Ватикана. Есть ли еще что-либо безумнее, чем все это?

Пиллар усаживается поудобней, и улыбается своими глазами — бусинками.

— Если бы ты только знала.

Королевские Покои, Букингемский Дворец, Лондон

Королева Англии — да, та самая Королева, как бы ее там не звали в этой безумной книге — проснулась посреди ночи, разъяренная и рассерженная, и слегка напуганная. Она подозревала, что в ее покои Букингемского Дворца пробрался нежеланный гость.

Конечно, покои Королевы надежно охранялись, особенно после того случая, который случился несколько лет назад: тридцати — однолетний пациент психиатрической больницы взобрался по водосточной трубе в ее комнату.

Сегодня же, завернувшись в свою роскошную ночную рубашку, она пожелала спать одна, без охраны в комнате. А ведь несколько охранников могли бы сразу нейтрализовать нарушителя.

Ранее королева поймала стражников и лакеев на краже во время свадьбы своего сына. И что же, во имя Британии, они украли? Стражник осмелился украсть экзотические орехи королевы, импортированные из Бразилии. Она приказала перенести все свои драгоценные орехи в свои покои и возразила, когда стражу хотели оставить внутри комнаты. Королевские орехи всех сводят с ума.

Королева была знаменита своей любовью ко двум вещам: чаепитием в пять часов, которое она когда-то проводила только с одним человеком, Безумным Шляпником, но это была длинная история, которую она сейчас не хотела вспоминать. И, конечно же, свои орехи и сладости.

Сейчас Королева на цыпочках ловко и медленно, словно кошка, слегка ссутулившись, направилась в коридор, за пределы своей очаровательной кровати — ее кровать была слишком высокая, и чтобы спуститься с нее, ей понадобилась небольшая приставная лесенка. Иногда, когда никого не было рядом, она просто спрыгивала с кровати. Будучи королевой, она должна была следовать этикету, который ей порой надоедал.

Королева на цыпочках пробиралась в коридор, чтобы проверить свои орехи. Они располагались в чашах, вдоль стены, каждые пять метров коридора. Чаши стояли на высоких столах, чтобы она без особых усилий могла до них добраться. Она считала смешным тот факт, что если ей захочется отведать орешков, то ей нужно будет возвращаться на несколько метров назад.

Установить миски с орехами каждые пять метров коридора, было очень удобно. Также, лень была весьма блестящим хобби. Если королева не будет потакать лени, то кто это сделает за нее? Она всегда задавала себе этот вопрос.

Она остановилась напротив миски с орехами и сунула руку внутрь. Даже с закрытыми глазами она всегда могла сказать, что из нее пропало несколько орехов. Королева ахнула. Оказалось, в этой миске недостает несколько орехов.

Кто покусился на мои орехи?

Королева насупилась, и ее щеки начали краснеть.

— Ладно, — прошипела она. — Я должна убедиться, прежде чем кого-то наказать. — Она пошла дальше по коридору, миновав несколько чаш с орехами.

Когда она медленно шла коридором, одна из ее собак проснулась и посмотрела в ее сторону. Это была вельш-корги. У нее их было пять. Каждой собаке еда подавалась в

блюдечке, на котором был нарисован флаг Великобритании. Собак обычно кормили здесь, в коридоре, рядом с ее драгоценными орехами. Для ее собак лучшие ветеринары со всего мира составляли диеты. Это обходилось ей в два раза больше дохода среднего класса людей, у которых было еще двое детей на шее. Но это были не простые собаки. Они Королевские собаки — и во многих отношениях, Собаки Страны Чудес. Ее собаки никогда не присутствовали на встречах Парламента, у них не было слова в экономике страны. Но они были важными шишками. Опять таки, быть собачкой Королевы, это тебе не шутки. Однако орехи не входили в рекомендованный собачий рацион питания. Но Королева, будучи Королевой, позволяла себе иногда побаловать их несколькими орешками. Все чтобы сделать Королевских корги счастливыми.

Если Королева не будет нарушать правила, кто сделает это за нее? напомнила она себе.

— Милая собачка, — Королева опустилась на колени, не смотря на боль в ногах, чтобы поиграть с собачкой. Эту собаку звали Бульдог — он выглядел странно, как бульдог и был очень забавным. Ее любимой собаки, Мэддога, здесь не было. Наверное, собака еще не оправилась от запоров, из-за которых Королева пропустила матч на Стэмфорд Бридж.

— Ты проголодался? — она потрепала Бульдога за уши.

Бульдог высунул язык и одарил ее милым взглядом.

— Ты случайно не трогал мои орехи? — спросила она собаку.

Улыбка Бульдога стала шире.

— Ты ужасно плохой мальчик, — она стиснула его уши. — Я велела тебе кушать только то, что лежит в твоей тарелке. — Собака опустила глаза и понюхала пол. — Но, погоди минутку, — она потерла подбородок. — Ты не кушал орехи из этих мисок, — она указала на ряд тарелок вдоль коридора. Они находились на столах повыше, чем остальные. Собака бы не смогла до них достать. — Давай проверим вон те. Я узнаю, пропало ли что-то оттуда. Я оставила там отметки.

Она пошла вперед с Бульдогом, своими маленькими шажками, прихватив с собой маленькую подставку, на которую она становилась, когда хотела до чего-то достать. Королева была немного ниже большинства королев. Она взобралась на подставку и, вытянув руки, опустила чашу. На этот раз ей нужно было лишь посмотреть на отметку, не опустился ли уровень орехов ниже. Она пометила каждую миску, чтобы знать о пропаже, если кто-то посягнет на ее орехи. Если уровень орехов падал — кто-то воровал орехи. Это была тщательно спланированная ловушка для ее слуг и охраны, которым хватало роста, чтобы достать до орехов в этих мисках, если они войдут сюда.

— Хмм.... - лицо Королевы снова покраснело. — В моих покоях несколько минут назад был незваный гость, — сказала она Бульдогу, который послушно кивнул. — Ты видел нарушителя?

Собака покачала головой, выпучив глаза как Скуби-Ду.

— Грязные предатели! — королева спрыгнула с подставки. При этом она столкнула тарелку, и та полетела на другую сторону коридора, к картине Льюиса Кэрролла, который висел напротив. Картина называется "Приключения Алисы в Подземелье", оригинальная обложка книги, которую позже переименовали в "Приключения Алисы в Стране Чудес". Картина, старинная собственность Королевы Виктории, была подписана самим иллюстратором Льюиса — Джоном Тенниелом.

Королева стояла в центре коридора, ссутулившись, сжав свои кулачки, едва не

расплакавшись как ребенок. Ее плечи сгорбились. С плес свисали тонкие и непричесанные волосы. Бульдог сидел рядом, зажав хвост между ногами. Королевский гнев не стоит недооценивать.

— Здесь что-то не так, — Королева снова ахнула. — Этого не может быть. Охрана не могла войти и позариться на мои орехи, — она подумала, что похожа на злую ведьму из "Гензель и Гретель". — Кто посмел трогать мои орехи, му-ха-ха! — но эта мысль быстро прошла. — Я уверена что покои заперты. Только у меня есть пульт дистанционного управления, чтобы закрыть их.

Бульдог одобритительно кивнул, чтобы успокоить ее. Собака понимала, что в голове у его хозяйки много заскоков. Собакам приходилось забавлять людей и заставлять их чувствовать себя лучше, в обмен на кров и пищу. Нет ничего плохого в том, чтобы обмануть человека, ради выгоды.

— Так кто же слопал мои орехи! — закричала она, и ее голос эхом раскатился по комнате. — Орехи. Орехи. Орехи!

Она снова встала на цыпочки, сжала руки, и вены на ее шее выпучились от гнева. На мгновение она почувствовала себя Червонной Королевой, из книги Льюиса Кэррола; она вспомнила сцену, в которой та была расстроена тем, что кто-то украл ее пироги. Но опять же, не время предаваться воспоминаниям о Стране Чудес. Важнее всего на свете были ее орехи.

Гнев на ее лице стал все более заметным. Она словно собралась взорваться в любой момент, как воздушный шар. Королевская собака не смогла втянуть голову, как черепаха, иначе бы она так и сделала в этот момент. Шерсть у нее на загривке встала дыбом.

Внезапно у Королевы зазвонил мобильный телефон. Сейчас она разозлилась по-настоящему. Кто смеет звонить ей в такой поздний час? *Быть может, Вы нужны горожанам, Ваше Величество*, — подсказал ей внутренний голос. Но она была уверена, что лишь немногим был известен ее номер телефона. Она рысью направилась обратно в свои покои, мимоходом задумавшись над тем, знает ли кто-то о ее тайном аккаунте на Фэйсбуке, но потом решила, что сейчас не лучшее время думать об этом.

Взяв телефон, она прочла имя звонившего. Теперь это настораживает. Она немного успокоилась, словно это был необычайно тревожный звонок. Нажав на кнопку ответа, она произнесла:

— Ты знаешь, который час?

— Да, Ваше Величество, — сказала Маргарет Кент, Герцогиня и почитаемый член Парламента, с другой стороны. — Но это важно.

— Лучше бы так и было. — Нетерпеливо вздохнула Королева.

— Я знаю, что это прозвучит неуместно, если я спрошу, но... — Маргарет замешкалась.

— Ненавижу слово "но", — ответила Королева.

— У вас не пропадали ваши драгоценные орехи, Ваше Величество?

Королева замолчала, и внезапно у нее подогнулись колени.

— Все ясно, — ответила Маргарет Кент на молчание Королевы. — Кто-то снова ворует ваши орехи. И это не стражники, я полагаю.

Королева кивнула. Страх охватил ее, словно бледный призрак. Бульдог начал действительно беспокоиться. Вдруг, она поняла, кто мог украсть ее орехи. Тот самый человек, что и много лет назад. Этого не может быть. После стольких — то лет?

— Это он? Он вернулся? — спросила она, наблюдая за своей собакой, которая

наострила уши. Конечно, Бульдог, должно быть сейчас в замешательстве. Что такого страшного в грабителе, который ворует орехи у Королевы?

— Боюсь, это и правда он, — вздохнула Маргарет. — И ничего хорошего в этом нет. Он украл орехи, чтобы напомнить о своем возвращении. Это послание. Угроза. Мы вынуждены отказаться от него. Мы не можем с ним справиться, не в этот раз.

— Ты обещала, что убийства, произошедшие на прошлой неделе, были последними к которым причастна Страна Чудес, — сказала Королева. — Подобного в своей стране я не допущу.

— Я знаю. Не волнуйтесь. Мы занимаемся этим вопросом.

— Тогда сделай с этим что-нибудь! — У Королевы затряслись руки. — Убей его. Сделай что — угодно. Убедись, что я никогда больше не увижу Пекаря!

Офис Главного Врача, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Когда мы возвращаемся обратно в лечебницу, то мы с Пилларом разделяемся, чтобы охрана не видела нас вместе. Я до сих пор не понимаю, как он возвращается в свою камеру, но я войду через передние двери, словно скорая помощь, которая забрала меня в Лондон, привезла меня обратно в больницу.

Внутри, мне приходится пройти через кабинет Тома Тракла.

— Прежде чем я впущу тебя, я хочу задать тебе вопрос, — произносит доктор Тракл. Он ест свой любимый черепаший суп, специально доставленный ему из ресторана под названием «Жирная Утка» в Лондоне. "Жирная Утка" принадлежал самому лучшему в мире повару, Горгону Рамштайну. По слухам, ресторан украл свой знаменитый рецепт черепахового супа из Викторианской кухни Оксфордского Университета, мол, точно такой же рецепт вдохновил Льюиса Кэрролла на создание персонажа Черепахи Квази.

— И о чем же именно? — резко отвечаю я. Он настолько убог, что ничего для меня не значит.

— Упоминал ли Профессор Пиллар при каких бы то ни было обстоятельствах Гудини? — спрашивает он, после того как утирает свои жирные губы салфеткой.

— Кто такой Гудини?

— Гарри Гудини — самый известный американский фокусник всех времен и народов. Исчезновение артиста, который должен выбраться из оков в ящик, сброшенном в воду. — Кажется, его обидело мое невежество.

— Ах, этот Гудини. — В последнее время, исторические личности меня не интересуют. Я вся сосредоточена на Монстрах Страны Чудес. Да кто такой этот Гудини по сравнению с Чеширом, а? — Нет, не припомню, чтобы Пиллар говорил о нем. С какой стати Пиллару упоминать его?

— Короче говоря, тебе известно как он сбегает и проникает обратно в лечебницу, не попадаясь на объективы моих камер? — Доктор Тракл показывает на множество новых камер наблюдения в своем офисе. — Я исследовал сей феномен и обнаружил лишь один случай в истории, соответствующий навыкам Пиллара.

Я улыбаюсь. Восхитительно, как Пиллар действует ему на нервы.

— Это произошло в 1819 году, на Нью Йоркской Цирковой Арене, широко известное как Исчезновение Слона.

— Почему Вы меня об этом спрашиваете? — Я слишком устала, чтобы бороться с его паранойей.

— Я предположил, что ты можешь знать, раз уж...

— Раз уж, что? — я склоняю голову набок.

— Раз уж ты эксперт по высвобождению из смиренной рубашки, — выпаливает он.

Я пытаюсь не отмахнуться. Все же, мысль правдоподобная. Где я научилась выбираться из смиренной рубашки? Понятия не имею.

— Тебе известно, сколько людей в мире способны выбраться из смиренной рубашки, как тебе удавалось прежде? — объясняет он, делая V-образный знак средним и указательным пальцами — Ты и Гудини.

Я смеюсь.

— Послушайте, я не знаю, как я это делаю. Просто получается и все. Если Гудини тоже был на это способен, будьте уверены, с ним я не связана ни коим образом. Кроме того, как вы вообще додумались связать все эти события воедино?

— Из-за этого. — Он передает мне старинную копию Нью — Йоркера, в которой указан список почетных гостей, присутствовавших на представлении Гудини. Я просматриваю его и среди имен нахожу следующее:

Картер Хризалис Кокон Пиллар *(прим. пер. здесь игра слов Chrysalis — Куколка насекомого) ВИП — гость, близкий друг Мистера Гарри Гудини.*

— Это его настоящее имя? — Я высоко вскидываю бровь. Доктор Тракл кивает.

Не смотря на свое потрясение, я не знаю, что и думать об этом. Документы могли оказаться подделкой.

— Послушайте, — говорю я. — Мы с Профессором Пилларом не друзья, и мне нужен отдых. Можно я уже пойду?

Вздыхнув, он указывает мне на дверь, затем спрашивает:

— Он завтра снова тебя позовет?

— Наверное. — У нас до сих пор куча работы по случаю Пекаря. — Смотрите! — Я показываю на мониторы камер наблюдения позади него. — Пиллар вернулся.

Доктор Тракл оборачивается, похожий на разъяренную черепаху, которая вот-вот взорвется. Он наблюдает за тем, как Пиллар курит кальян, откинувшись на спинку дивана и болтая ногами. Если убрать картинку камеры, можно подумать, что он отдыхает на Ибисе. Когда Доктор Тракл прибавляет звук, на заднем фоне слышится песня в исполнении Seal — "Сумасшедший". Я изо всех пытаюсь не рассмеяться, пока ухожу, одновременно с этим раздумывая, разрешит ли мне сегодня Вальтруда принять душ.

После очередных оскорблений Вальтруды, и хихиканья со стороны Оджера, я возвращаюсь в свою палату.

Первое что я делаю — проверяю свой ужасно безумный цветок. Кажется, с ней все в порядке, она наслаждается купанием в солнечном свете, который просачивается сквозь щель в стене. Она не спит, но и не разговаривает со мной. Это к лучшему. Я уже получила свою порцию дневную порцию безумия. Почему же она так много значит для меня? Она ведь не похожа на домашнее животное, к которому можно с радостью возвращаться домой. Глубоко внутри, она действительно много для меня значит, но я не знаю почему.

Несколько минут я тупо пялюсь на шесть отметок, что я вырезала на стене, интересно, удастся ли мне прожить чуть дольше, чтобы вырезать седьмую отметину завтра. Рядом с отметками, упоминается четырнадцатое января, но я все еще не знаю, что это означает, и что связано с этой датой, но номер четырнадцать продолжает появляться везде.

На стене также нарисован ключ, который дал мне Льюис. Я понятия не имею, кто нарисовал здесь этот ключ, но он в точности похож на тот, что есть у меня, даже размером.

Я снимаю ключ с шеи. Медленно подношу его в рисунку на стене. Я права. Он такого же размера. Интересно, значит ли это хоть что-то. Прежде чем я хочу отказаться от этой безумной идеи, я замечаю, что ключ на стене блестит в точности, как и тот, что я держу в руке. Когда я подношу его еще ближе к рисунку, происходят куда более безумные вещи.

Ключ, который я держала у себя в руке, растворился в стене, но он все еще торчит из нее, и я могу его достать. Я понимаю, что здесь я могу его спрятать. Я снова задумалась: как мой разум продолжает справляться со всем этим?

Закрываю глаза и вздыхаю, я хочу верить своему разуму. По-крайней мере, я спрятала ключ в безопасном месте. Я больше не стану прятать его на виду у Пиллара, потому что Льюис сказал, чтобы я никому его не показывала. Это не просто ключ. Это один из ключей от дверей Страны Чудес, что бы это ни значило.

Я открываю глаза, и мне становится немного легче. Пришло время отдохнуть и подготовиться к завтрашнему безумию. После того как Вальтруда запретила мне принимать душ, я легла на свой матрас на полу и попыталась уснуть. Мне купили новый матрас с изображением кролика.

Вальтруда снова постучала ко мне в дверь и сказала, что я смогу пойти в душ только после сеанса шоковой терапии.

— Бессмысленно идти в душ, если ты не достаточно пропотеть, — сказала она, и попыталась вынудить из меня информацию о том, где я была. Я ответила, что мне нельзя говорить. Она рассмеялась мне в лицо, и пообещала экспериментировать на мне как на лабораторной крысе, потому что я не заслуживаю человеческого отношения. Интересно, как человек не обращает внимания на оскорбления, когда нуждается во сне.

Впрочем Вальтруда не сдастся. Она открывает окошко в двери моей палаты и заглядывает внутрь.

— Я только что найти способ затащить тебя в Мухоморню.

— А? — я поднялась и потерла глаза.

— Я сделаю запрос, чтобы тебя завтра прифести в Мухоморню для допрос, — она с детским энтузиазмом потирает руки.

— На каком основании?

— Я хотела расспросить тебя о пациенте, который сбежал на прошлой неделе, помнишь?

— А, помню. Но не думаю, что моя палата ближе всех к палате того пациента.

— Нет. Но я просто вспомнил, ты вел себя странно та ночь.

— Как странно? — Да и что именно за ночь это была?

- Ты спрашивай меня, fidelity ли я как Белый Королева fходить f твой палата. — Смеется она. — Я указай это f свой отчет. Быть может, ты лишь offлекай меня, чтобы пациент мог бежать.

- Я даже не знаю этого пациента.

— В файле пациенте не было указано его настоящее имя, — сказала Вальтруда. — Мы зофем его Пекар, потому что уж очень он любить маффины. — Она еще раз злобно рассмеялась надо мной, и затем закрыла окошко в двери палаты, погрузив мою комнату в таинственную темноту.

Мне требуется пару секунд, чтобы осмыслить то, что я только что услышала.

Палата Пиллара, ВИП палата, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Утром, когда меня направили в палату Пиллара, он снова в своем счастливом "Бег-По-Кругу" расположении духа. Я стою напротив его палаты и наблюдаю за ним. Он танцует на месте, подняв свою трость над головой.

Он не один.

Рядом с ним танцуют еще несколько его любимых Мухоморов. Хотя танцуют они не под музыку. Они выстукивают ногами свой собственный ритм и подпевают ему. Один из них становится лицом к остальным Мухоморам в пижамах и заводит:

— А ты знаешь Пекаря,

Пекаря, Пекаря.

А ты знаешь Пекаря,

Что живет на Друри Лейн?

Пиллар начинает хлопать им в ритм, так же как и дети в детском саду. Затем один Мухомор, стоящий впереди, начинает петь в ответ:

— О, да! Я знаю Пекаря,

Пекаря, Пекаря,

Да, я знаю Пекаря,

Что живет на Друри Лейн.

Пиллар хлопает в ладоши, Мухоморы ходят из стороны в сторону. Они снова становятся лицом друг к другу и запевают:

— А ты знаешь Пекаря,

Пекаря, Пекаря,

Да, я знаю Пекаря,

Что живет на Друри Лейн.

— Алиса! — голос Пиллара едва слышен между пением и хлопками. — Выходи, поиграем!

— Зачем Вы это делаете? — я склонила голову, у действия Пиллара всегда есть какая-то цель, это не просто крик душевнобольного.

— Это та самая песня, что трупы пели в морге.

— Я знаю, что это. — Я повышаю свой голос, но пытаюсь держать себя в руках. — Почему Мухоморы поют ее?

— Потому же, почему и трупы, — он подмигивает мне. Теперь я уверена, что песня содержит какую-то важную информацию. Неужели ему удалось узнать какую?

— И мне сейчас нужно догадаться о причине? — нетерпеливо спрашиваю я.

Как дирижер, Пиллар сигналами дает понять Мухоморам, что нужно петь тише. Он делает несколько шагов вперед, взявшись руками за прутья палаты. Как и всегда, он в перчатках. Интересно, он и спит в своем элегантном костюме в сине-золотую полосочку?

— Ты забыла упомянуть, что тебя навещал Чешир, — говорит он. Тон у него обвинительный. — Зачем ты так, Алиса?

— Я... — Заикание не очень-то помогает. Я действительно не знаю, почему сделала это. — Думаю, я просто не была уверена в том, что это произошло на самом деле.

— Это объясняет происхождение некоторых событий, — говорит Пиллар. — Все улики говорят о том, что он навещал тебя неделю назад, в ночь, когда из клиники сбежал пациент, которого называют Пекарем.

— Я не понимаю.

— Если бы ты сразу сказала мне о его визите, я бы копнул глубже, — его тон все еще обвиняющий, но уже более спокойный. — Я с легкостью узнал от доктора Тракла, что Пекарь сбежал из лечебницы той ночью.

— Так Вы знали, что Пекарь был пациентом в лечебнице?

— Нет, я не знал, — он смеется, и отходит от прутьев. — В любом случае, теперь нам известно, что Чешир помог Пекарю сбежать с психушки. Вот почему он приходил к тебе.

— Так на самом деле он приходил не ко мне?

— Конечно, это было частью его плана. Но помочь Пекарю сбежать, было приоритетной частью его плана.

— И Вы ведете к тому, что не Чешир совершил все эти убийства?

— Пекарь! — Мухоморы перебивают нас.

— Кто он? — я хватаюсь руками за решетку, желая узнать больше о таинственном убийце. — Почему Чеширу было так важно освободить его? Что происходит? Кто этот Пекарь?

— Я знаю, кто он сейчас, — Пиллар вытаскивает файл с информацией о Пекаре. Это файл, который завели на него в психушке.

— Вы прочли его?

Он кивает.

— И?

— Он довольно страшный, вот что я скажу. Он сам захотел попасть в психушку. Но ему отказали, причина: "нет признаков безумия". Это смешно. Потому он пробрался в покои Королевы Англии и угрожал ей, — говорит Пиллар.

— Королевы Англии?

— Да, единственной, кому можно водить машину, не имея на это водительских прав, — он закатывает глаза. Я раньше никогда не знала о Королеве Англии.

— Пекарю удалось пробраться в спальню Королевы Англии несколько лет назад. Он угрожал ей убийством. И вуаля, его желание сбылось. Он наконец-то попал в Психиатрическую Лечебницу Рэдклифф.

— Он угрожал Королеве, чтобы дать понять всем, что он безумен?

— Это вполне вероятно, — говорит Пиллар. — Кто бы сделал нечто подобное, если бы не был сумасшедшим?

- Сколько лет Пекарю?

— Тридцать пять, — отвечает Пиллар. — Он какое-то время провел в лечебнице, и никто на него не жаловался.

— Должно быть, он очень сильно хотел укрыться в лечебнице. Почему?

— Мое скромное предположение таково: он скрывался от чего-то, — отвечает Пиллар. — Настоящий вопрос заключается в том, почему он предпочел укрыться здесь, в закрытой палате, нежели спрятаться где-то в реальном мире снаружи.

— Вы один у кого есть его личное дело.

— Здесь не больше того, что я тебе только что рассказал, — он отбрасывает файл пациента в сторону. Мухоморы собирают разбросанные им страницы. — Там даже нет его

настоящего имени. — Он пристально смотрит на меня. — Там даже не упоминается его адрес, нет информации о том, есть ли у него родственники, или о том, какого рода разговор состоялся между ним и Королевой, хотя они были заперты в одной комнате более получаса.

Несколько минут он молчит и смотрит на меня. Мне нужно заново оценить ситуацию.

— Зачем Чешир помог ему сбежать, и зачем он убивает детей?

— Это, несомненно, ускользает от моих гусеничных мозгов, — говорит он. — Но есть один плюс.

— Ты знаешь, что ответил Пекарь, когда у него спросили, откуда он? — он склоняет голову, и шепчет, — из Страны Чудес.

— Это действительно загадка, — я отпускаю решетку. — Нам необходимо узнать, кто он такой, чтобы мы смогли предотвратить будущие убийства.

— Он не станет нас дожидаться, Алиса. Вчера в мусорном баке нашли еще одну голову жирного мальчика. Угадай, что у него было во рту? Маффин! — Пиллар поджигает свои губы, играя со мной в свои игры.

— И что нам теперь делать? Мы даже не знаем, где живет Пекарь.

— Это неправда. — Подмигивает Пиллар.

— Вы же только что сказали, что в личном деле нет адреса.

— Алиса, Алиса, Алиса, — он делает шаг назад и размахивает своей тростью по воздуху. — Разве мы не согласились с тем, что множество загадок Страны Чудес остались неразгаданными на земле?

Мухоморы снова начинают напевать песенку:

— *А ты знаешь Пекаря,*

Пекаря, Пекаря.

А ты знаешь Пекаря,

Что живет на Друри Лейн.

Я слушаю песенку, и мне хочется стукнуть себя по голове. Как я не подумала об этом раньше? Я снова подхожу ближе к решетке и говорю:

— Пекарь живет на Друри Лейн.

Я снова повторяю это, не понимая где это, в другом городе, или это район города. Я не уверена, что это существует в реальном мире. В голову приходит только Викторианская эпоха, два века назад.

— Где находится Друри Лейн?

— В Лондоне. — Пиллар поджигает губы. — Загадки Чешира действительно замысловатые.

— Только не говорите, что это недалеко от морга.

— Очень близко, и нам нужно отправляться туда сейчас. Друри Лейн значимое культурное место в мире, — говорит Пиллар. — Нам взять скорую помощь, как вчера, или мой лимузин? — обращается он к Мухоморам.

Они явно отдают свое предпочтение скорой, потому что издают характерные звуки. Вуууу-виии.

— Скорая помощь все еще у Вас? Это же собственность медицинского учреждения!

— Так я же использую ее во благо. Я уверен, что больница и Парламент будут не против, — он тщательно расправляет свой чистый костюм.

— Ну, это и не первый раз, когда нам придется нарушать закон с момента нашего знакомства, — бормочу я, пытаясь оправдать наши действия.

— Знакомство со мной уже нарушение закона, — улыбается он. — Забавно, но когда ты украла труп из морга, тебя не очень-то волновала забота об учреждениях здравоохранения.

На пути к Друри-Лейн

Дорога к Лондону занимает полчаса. Нам же потребовалось куда больше времени. Пиллар приказывает своему шоферу останавливать машину возле каждого фастфуда, который только попадется на пути. Будь то Бескрылые Курочки Доктора Наггетса, Запрещенные Бургеры, Пиндж Пицца, Тако Вако, Фальшивые Пышки, или Маффины и Пончики, недавняя американская компания, которая выкупила права на Мяу — Маффины. Безумие, но по всем неправильным причинам, курение внутри «Маффинов и Пончиков» было принудительным.

Пиллар и шофер заходят в каждый магазин, возле которого остановились, одетые словно доктор и мед брат. Шофер тормозит на обочине так, словно он сумасшедший водителя из игры "Жажда Скорости". Затем он нарочно паркуется на месте, предназначенном для инвалидов. Наконец, они направляются в магазин.

Сначала они выглядят странновато, но затем начинают проталкиваться сквозь ожидающих своей очереди горожан к прилавку, и заявляют, что в скорой помощи лежит умирающая женщина. Я, выпучив глаза, наблюдаю с пассажирского сидения за ними, не в силах взглянуть на труп в задней части скорой помощи. И как только Пиллар стал таким безответственным? В такие моменты, как сейчас, у меня не возникает сомнений, что он убивал всех тех людей в состоянии неоспоримого безумия.

— Пожалуйста, — умоляет Пиллар девушку за прилавком и протягивает вперед руки. — Во имя Трех Бездельников, — он делает в воздухе знак Троицы так быстро, что никто даже не замечает, что он сказал "Трех Бездельников". (просто примечание: the Three Stooges — "Три бездельника" (назв. амер. тлв. сериала в жанре слэпстик)) Его драматическая игра отвлекает неверующих от того что происходит, и веселит тех кому наскучила жизнь, и они ищут приключений.

— Я доктор Маршмеллоу Наттингхед (*прим. ред. Игра слов — Marshmallow Nuttinghead — Зефирка Чокнутая*), а это мой санитар помощник, Фоурегетта Боутит (*прим. ред. — FORGET AB OUTIT — фраза, разбитая по частям — Забудь-об-Этом*). Мы из Королевского Прославленного Госпиталя для Преднамеренно Несчастливых и Обездоленных Душевно-Больных.

Я даже не знаю, почему никто не рассмеялся когда услышал этот бред. Полагаю, он просто застал всех врасплох своей спешкой и паникой, когда вошел в курящую толпу "Маффин и Паффит" (*прим. ред. игра слов Паффит от англ puff it — вдыхать*). В частности, и девушку за прилавком. Если хорошенько подумать, они такие же безумные, что и Пиллар, если хотят есть в месте, где разрешено курить.

— У нас в машине умирающая женщина, — я вжимаюсь в сидения, когда толпа смотрит в мою сторону. — Она в разводе, беременна и умирает от безумного рака. — Толпа глубоко сочувствует. — Все, о чем она просит, — Пиллар держит девичьи руки и умолая, заглядывает ей в глаза. — это последний Мяу — Маффин и Жеваный Бургер перед смертью.

Вместо того чтобы разразиться смехом, или решить что этот какой-то розыгрыш Скрытой Камеры, они начинают призывать девушку сжалиться над женщиной больной безумным раком и исполнить ее последнее желание.

— Что это за рак такой? — спрашивает пожилая женщина в очках, с тростью в руках.

— Это рак, которым можно заразиться у психов, — сообщает ей мужчина средних лет в голубом комбинезоне. — Как можно быть настолько бесчувственной? Какая разница, какой рак?

— Простите, — говорит женщина и склоняет голову, но по ней видно, что она хочет задать еще один вопрос. Я ее не виню. Похоже, она самый адекватный человек в этом месте. — Но не знаю, где находится учреждение, где его лечат. Где это делают?

— Это особое место, милая дама, — перебивает ее немолодая женщина, чтобы оградить ее от возмущения толпы. — Это прямо рядом с... — шепчет она на ухо старухе. Ее глаза широко распахиваются.

Девушка за прилавком собирает еду для Пиллара, и администратор магазина предлагает взять ее бесплатно. Пиллар целует руку девушке. Она краснеет, когда он молится Трем Слепым Мышатам, чтобы они вознаградили ее "Датским сыром без дырочек" на небесах.

Пиллар и его шофер проворачивают то же самое в каждом магазине возле которого мы останавливаемся, до тех пор, пока вся задняя часть машины не забита едой или напитками, которые только можно купить в Великобритании.

Я, молча, наблюдаю как Пиллар вгрызается в каждую нездоровый, калорийный и жирный сэндвич, что ему удалось достать. Он и его шофер едят, жуют и плюются, словно Коржик из Улицы Сезам.

— Можешь передать мне кетчуп, Алиса? — просит Пиллар с набитым ртом.

— Зачем Вы это делаете? — мне удастся связать слова в предложение.

— Еда вкусная. Притягательная. Чудесная. Вспомни, как ты ощущала тягу к маффину в морге? Я ощущаю те же самые чувства. — Он указывает на еду у себя в руках. — Кроме того, я же гусеница. Для того чтобы стать коконом, мне нужно есть. И много!

— Вы специально оттягиваете наш визит на Друри Лейн? — это лучший вывод, который у меня получается сделать.

— Конечно же, нет, — отвечает он. — Мы в пути. Но для начала, мы должны остановиться в Харродс, чтобы купить тебе платье.

— Зачем платье? — я пропускаю мимо ушей тот факт, что мы снова остановимся. Я не ношу платья как нормальная девочка... ну, уже не помню с каких пор.

— Мы отправляемся на важное представление в театр, — Пиллар вытирает рот и перестает жевать. Пришло время рассказать мне, что происходит. — Когда я исследовал Друри Лейн, я не нашел ничего интересного, что могло бы привести нас к Пекарю. Ничего, кроме Королевского Театра на улице Катерины, в Вестминстере, Лондон. Так же известного, как театр Друри Лейн. Это один из самых престижных театров в истории. Нужно соблюдать дресс код. Вот зачем тебе понадобится платье.

— Зачем нам туда идти?

— Потому что там будет Пекарь.

Он полностью завладел моим вниманием.

— Откуда Вы это знаете? — спрашиваю я.

— Потому что единственное в Друри Лейн связанное с Льюисом Кэрролом, это театр на Друри Лейн, — он выбрасывает свой недоеденный сэндвич в окно и хлопает в ладоши, отряхивая крошки. Остатки майонеза разлетаются по бамперу серебристого Бентли. Элегантно одетая дама опускает стекло, и ругается на нас. Меня удивляет, насколько она вульгарна. Пиллар игнорирует ее, и вытирает майонез со своих губ. Я наблюдаю за его действиями, вспоминая, как он отказался пожать руку, потому что переживал о микробах.

Он либо издевается надо мной, или это его переедание является каким-то посланием, которое я не могу понять, его противоречия не доступны моему пониманию.

Я подаюсь вперед со своего сиденья, желая получить больше ответов.

— Вы серьезно, верно? — я скрещиваю руки на груди. — Как Льюис Кэрролл связан с Театром на Друри Лейн?

— Это..., - он поднимает вверх палец испачканный майонезом, -.. объясню все позже, после того как достанем тебе платье. — он облизывает палец и снова садится на место. — А теперь, будь безумной девочкой, как полагается, и высунь голову из окна.

— С какой это стати? — я морщусь.

— Скажи "вии-вуууу", "виии-вууу", потому что шофер набил рот сладостями и жирностями.

— Нет, я не стану этого делать, — я надеваю на себя его обыденное выражение лица и откидываюсь в свое сидение. Я даже скрещиваю ноги, чтобы расслабиться.

— Почему это не станешь? — он взволновал, его переполняет любопытство.

— Потому что нужно говорить "вууу-виии", а не "виии-вууу", — поддразниваю его я, и начинаю думать, что если и вправду существует такая наука, как нелепица, как прежде говорил Джек.

Женский отдел, Харродс, Лондон

Пиллар стоит снаружи примерочной и разговаривает с молоденькими продавщицами. Я стою внутри примерочной, и борюсь с желанием выглянуть и оградить от него тех девушек, которые, кажется, уже без ума от него. Продавщицы являют собой полное внимание. Они поглощены его историями. Он как всегда одет в свой синий костюм, с горизонтальными золотистыми полосками. Перчатки блестяще белые, на голове шляпа фокусника с золотой лентой. Не смотря на то, что он выглядит гораздо бледнее, да и кожа у него шелушится все больше день изо дня — девушки не обращают на это внимания.

Я понимаю, они молоды и наивны — я и сама наивна, впрочем, время, проведенное в лечебнице, заставляет меня ощущать себя куда старше — но я поражена, как они увлеклись этим подлым коротышкой.

Пиллар наслаждается тем, что ему удастся разлечь их, запудрить им мозги. Он начинает угадывать то, что им нравится, и какого парня они хотели бы видеть на свидании. Его предположения всегда оказываются верными.

Девушки, оставляя своих покупателей, собираются вокруг Пиллара, пока он рассказывает им о своих приключениях дворце Королевы Англии. Пиллар, без моего ведома, оказывается, был одним из многих личных советников Королевы Англии, в какой-то момент. По его словам, он был весьма полезен со степенью доктора по философии.

По моим догадкам, эти девушки никогда не читали газеты, иначе бы понимали, что разговаривают с Пилларом — Киллером, одним из самых известных убийц Великобритании. Возможно, как он предполагал раньше, люди влюблялась в таких негодяев, как он.

— Так значит, Королева Англии каждый вечер пересчитывает свои Бразильские орехи? — спрашивает хихикающая девушка.

— Она просто одержима ими, — Пиллар крутит пальцем у виска девушки. — Если вы понимаете, о чем я. — Девушка смеется. — Миска за миской, Королева рисует в них желтые метки, чтобы знать пропадают ли орехи.

Вот теперь его заговорщицкий разговор заставляет девушек почувствовать себя особенными.

— Все началось несколько лет назад, когда она импортировала партию экзотических орехов для свадьбы своего сына. Охранники, которые никогда не пробовали столь вкусных орехов, должны были рано или поздно это сделать. Большая ошибка, — он взмахивает указательным пальцем.

— Почему? — спрашивает не очень умная девушка с горящими глазами.

— Да, почему? — повторяет за ней ее подруга.

— Королевские орехи вызывают привыкание, — отвечает Пиллар. — Охранники не смогли прекратить их щелкать.

— Но тогда Королева, должно быть, разозлилась, — произносит хихикающая девушка.

— Я слышала, что она направила дело в Верховный Суд Великобритании, — подсказывает другая девушка.

— Верно, — поддакивает Пиллар. — Оно стало весьма важным объектом обсуждений Парламента несколько лет назад.

Я тяну занавеску и выглядываю из-за нее, надеясь поставить точку в этом разговоре.

— Парламент предоставил Королеве неприкосновенность от ее же собственных охранников, — с сарказмом отвечает Пиллар и поджимает губы. — Они выделили ей деньги, чтобы установить первоклассную охранную системы. Теперь, когда она спит, в ее покоях нет охранников. Орехи Королевы — вопрос национальной безопасности.

Девушки истерически смеются. Признаю, я тоже. Эта история довольно забавна. Я услышала ее по радио на пути в Харродс. Несколько дам неподалеку тоже обсуждают это. Похоже на сплетню, напечатанную в дешевой газетенке, но то была правдивая история.

— Знаете, что на самом деле сделала Королева? — шепчет им Пиллар. Девушки подходят ближе. Я так близко к занавеске, что сейчас вывалюсь полу-голая из примерочной. — Я думаю, Королева сильно наказала охранников, невзирая на слова Парламента.

— Наказала их? — Барби-подобные девушки обмениваются взволнованными взглядами. — Как думаете, что она сделала?

— Думаю, она приказала "Отрубить им головы", — он изображает нож, которым перерезает горло.

— Как Червонная Королева "Алисы в Стране Чудес"? — глаза не очень — умной девушки распахиваются.

Пиллар кивает и отстраняется.

— Только никому не говорите, — он показывает рот на замке.

Девушки в ужасе. Они не могут понять до конца, шутит он, или нет. Впрочем, как и я. Он предполагает, что Королева Англии — Червонная Королева? Мне даже не хочется рассматривать подобную возможность.

— И еще одно, — говорит он, разрушая всеобщее напряжение. — Есть соображения, кто оплатил королевскую систему безопасности?

Девушки качают головами.

— Вы. — Он указывает пальцем на каждую из них, делая серьезное лицо.

— Мы? — девушки выглядят озадаченными.

— С налогов, которые вы платите, — он потирает большим и средним пальцем, изображая деньги.

— Правда? — девушки поочередно раскрывают рты. На этот раз у них получается изобразить гнев. А я тоже платила за Королевскую систему охраны? Психи вообще платят налоги?

— Королевские орехи очень важны, — Пиллар заканчивает свой урок — бам, поднимает подбородок и поворачивается ко мне. — Алиса! — Он поднимает свою трость, оставляя за своей спиной чуть ли не плачущих девушек среднего класса. Одна едва не прекращает работать.

— Ты уже нашла себе подходящее платье? — спрашивает он.

Я смотрю на него. Действительно смотрю на него. В моей голове мелькают всевозможные мысли. Я хочу врезать ему. Я хочу отмотать время до того момента, когда я еще не была с ним знакома. Я хочу сдать его властям. Но, на ряду с этим, мне хочется смеяться вместе с ним. Когда он приближается ко мне, у меня перед глазами вспыхивает Страна Чудес. В этой вспышке я разговариваю с гусеницей на шляпке огромного гриба. Вспышка растворяется во вспышке.

— Кто Вы? — спрашиваю я Пиллара, который приближается ко мне в Харродсе. Я

действительно желаю услышать ответ. Или хотя бы фрагмент ответа. — Я имею в виду, кто Вы на самом деле, Пиллар?

Он смеется.

— Точно такой же вопрос я задавал тебе в Стране Чудес, — он останавливается передо мной, постукивая тростью по полу. — И я делал это с неким стилем. Ктоооо жеее тыыы?

Кальянный дым клубиться у него изо рта, когда он заканчивает предложение. Он ведь даже не брал с собой свой кальян. Я кашляю, и закрываю глаза, не желая снова уснуть. Если я закрою глаза, а затем снова открою их, измениться ли мир к лучшему?

Когда я открываю глаза, Пиллара рядом уже нет. Не удивительно, почему Доктор Тракл связывает его с Гарри Гудини.

Я вздыхаю на исчезновение Пиллара и возвращаюсь в примерочную. Конечно же, он вернется.

Я закрываю занавеску и примеряю новое платье. Я стараюсь не разряжаться. Ничего вычурного, впрочем, я была бы не против. Простое, но умеренно приметное платье прекрасно подойдет. Я же не на выпускной собираюсь. Просто спектакль в театре. Должна признать, весьма неплохой бонус для девушки, упрямой в психушке. Кроме того, все, что я ношу, в конце концов, пачкается кровью.

Я выбрала примерочную без зеркал — Пиллар притворился, что случайно разбил его, и сотрудникам пришлось полностью убрать его, когда мы только вошли в Харродс. Я сообщила им, что не прочь воспользоваться примерочной поменьше. Пиллар накрыл зеркало на стене вуалью, позаимствованной у пожилой дамы, и при этом сказал мне:

— Что проку от примерочной без зеркала? То же самое, что читать книгу без картинок, — он подмигнул мне, закрыл занавес и начал свою болтовню с девушками.

Когда я оглядываю выбранное мною платье, мне нравится, как оно сидит на мне. Неплохо для чокнутой. Думаю, я смогла бы выглядеть как и остальные нормальные девушки, у которых есть друзья, любящие родители, братья и сестры; все живут в большом и красивом загородном доме, их ждет светлое будущее и, прежде всего, у них есть воспоминания. Еще я думаю, что выгляжу как девушка, у которой мог бы быть парень. По крайней мере, парень с общими интересами. Интересно, смогу ли я когда-нибудь жить такой жизнью, когда все это закончится — если все это когда-нибудь закончится.

Накопившиеся мысли напоминают мне о Джеке Даймондсе. Как такое возможно, что он всегда появляется когда он мне нужен? Он никогда не жалуется, он всегда излучает позитивную энергию. Я польщена, что он всегда хочет пойти со мной на свидание. Теперь, когда я знаю, что он Адам Джей Диксон, мой мертвый парень, я понимаю, почему меня так тянет к нему. Мои чувства оправданы. Я не жаждущая любви девушка из психушки, которая влюбилась в первого попавшегося ей парня. Я влюблена в парня, который уже был моим парнем два года назад. В того самого парня, которого я убила два года назад. Но как Адаму удалось остаться в живых, и почему называет себя Джеком?

Яжимаю плечами, и молчание заполняет мои мысли. Лучше отодвинуть занавес и задать этот вопрос Пиллару, который будет оплачивать мое платье. Я знаю, что он исчез не полностью. Он просто играет со мной в свои игры.

Когда я отодвигаю занавес, я удивляюсь тому, кто стоит прямо за ней. Это не Пиллар. Некто, по кому я дико скучала, но никак не ожидала здесь увидеть. Джек Даймондс улыбается мне одной из своих самых милых улыбок. Сексуальная улыбка.

— Ты надела это платье ради меня? — он опирается рукой о дверную раму, в его глазах сияет соблазнительный блеск.

— Джек! — я поднимаюсь на цыпочки, как девушка, которая встретила своего возлюбленного после долгой разлуки.

— Платье настолько роскошное, что я хочу встать на колени и сделать тебе предложение. — Я уверена, что начинаю краснеть, потому опускаю голову, и сжимаю руки. Медленно, Джек приподнимает мой подбородок пальцем, чтобы я посмотрела на него. — Ты ведь знаешь, что я беден, и не смогу позволить купить тебе кольцо?

— Ты просто дурачок, — мои щеки покраснели до цвета лепестков красных роз.

— Я не дурачок. Я безумец.

— Ты не безумец. Поверь мне. — Мои пальцы обвиваются вокруг его запястья. Мир вокруг меня словно исчезает. Есть только он и я. — Это я безумная. У меня есть Сертификат о Бе...

— Ты сводишь меня с ума, Алиса, — говорит он. Не думаю, что он слышал, что я только что сказала. — Ради тебя я бы слетал на Луну и обратно. Ты даже не представляешь, Алиса.

— Ты настолько безумен, что даже готов умереть ради меня? — я пожимаю плечами. Во имя Мухоморов, зачем я это сказала?

— Алиса, — он наклоняется ко мне, по-прежнему источая запах карточной колоды. Обычно подобный запах испортил бы такой момент. Но этого не происходит. Мне нравится вся эта ерунда: черви, пики, трефы и бубны, которые он привносит в мою жизнь. — Можешь убить меня, когда только пожелаешь. Я не буду возражать, — шепчет он.

Противная слезинка угрожает сорваться с ресницы после этих слов. Зачем он так сказал? Неужели я должна признаться ему, что убила его? Стоит ли мне признаться ему, что я и понятия не имею, почему он стоит передо мной живой и невредимый?

— С кем это ты разговариваешь? — Пиллар машет мне из-за стойки с платьями неподалеку.

— С Джеком, — отвечаю я. — Раньше он никогда не появлялся в Вашем присутствии.

Пиллар ничего не говорит, молчаливо приближаясь ко мне. Он мельком оглядывает толпу вокруг нас, прежде чем произнести:

— С каким еще Джеком?

— С Джеком Даймондсом, — настаиваю я, тыкая пальцем в грудь Джека.

Пиллар оглядывается, затем снова смотрит на меня, в его глаза я вижу подозрение. Почти жалость.

— Послушайте, — вздыхаю я. — Я понимаю, он вам не нравится, но с вами ничего не станет от простого "здравствуй".

— Если бы я только мог, — говорит Пиллар. Его взгляд начинает меня беспокоить.

— И что это должно значить?

— Это значит, что я не вижу здесь Джека.

— Вот же Джек, Пиллар, — настаиваю я, — Адам, мой парень. Не играйте со мной в свои игры.

Пиллар приближается, останавливаясь прямо за спиной у Джека.

— Алиса, — он говорит практически шепотом, — тебе нужно успокоиться. Здесь нет

никого кроме нас с тобой. Позади нас каждый своим делом. Но прямо здесь, нет никакого Джека.

— Вы врете, — говорю я. — Я не выдумала его!

— Я этого и не говорил. Я просто не вижу его.

— *Чепуха!* — я смотрю на Джека. — Скажи же что-нибудь, Джек.

— Например, что? — Джек чувствует себя не вполне комфортно рядом с Пилларом.

— Скажи ему, что ты не плод моего воображения, — умоляю я. — Скажи Пиллару, что ты настоящий.

Джек вздыхает и уходит, проскальзывая мимо Пиллара. Я вижу, как Пиллар немного отодвигается, чтобы Джек не задел его. Почему же тогда он твердит, что не видит его? Куда уходит Джек?

— Я настоящий, Алиса, — издали заявляет Джек. — Я просто не нравлюсь этому человеку, — он указывает на Пиллара. — Думаю, он презирает меня. И честно говоря, я думаю, ты не должна находиться с ним рядом.

— Пиллар? — Я смотрю на него. — Вы слышали Джека. Это правда?

— Что сказал Джек? — Пиллар поджимает губы, но смотрит туда же, куда и я.

— Он говорит, что Вы обманываете меня.

— Пожалуйста, Алиса, — говорит Пиллар. — Давай забудем о Джеке. Я расскажу тебе кто он, когда мы поймаем Пекаря. Даю тебе слово.

— И что это должно значить? — возмущается Джек.

— Джека здесь нет, Алиса, — Пиллар нежно берет меня за плечи.

— Он стоит прямо вон там! — мой пронзительный голос привлекает внимание покупателей. Пиллар делает вид, что ничего не замечает.

— Ладно, — вздыхает он. — Попроси Джека поговорить с одной из продавщиц. Посмотрим, сможет ли она увидеть его.

— Не слушай его, Алиса, — говорит Джек.

— Сделай, как он говорит, Джек, — прошу я его. — Пожалуйста.

Джек медленно идет к одной девушке из персонала магазина и протягивает руку. Она улыбается и пожимает ее в ответ. Никто не в силах устоять перед этими ямочками. Они начинают разговаривать.

— Видите? Он настоящий, — я обижаюсь на Пиллара. — Он разговаривает с девушкой.

— Нет, его нет, — говорит Пиллар. — Какой девушкой?

— Я Вам не верю, — я отталкиваю Пиллара от себя. Мне хочется рвать на себе волосы и кричать. Я ощущаю сильную потребность вернуться к себе в камеру. Что-то не так. Это какая-то скрытая правда, которую я чувствую, но не могу ухватить руками. Я собираюсь вернуться в примерочную, забрать свои вещи и поскорее убраться отсюда. — Я не понимаю, зачем вы это делаете, — кричу я на Пиллара при всех покупателях. К черту людей. Я безумная. Я могу поступать так, как мне хочется. — Я сыта этим по горло! — я ухожу следом за Джеком. Пришло время положить этому конец.

В ярости я срываю с себя одежду и случайно задеваю вуаль, которая закрывает остатки зеркала. Мое сердце почти взрывается от ужаса от осознания того, что я сделала. Я тянусь за вуалью, пытаюсь снова набросить ее на зеркало, прежде чем она упадет на землю. Но уже слишком поздно.

Как только зеркало слепит мои глаза, будто летние солнечные лучики, я вижу того самого страшного кролика внутри. Мой страх перед зеркалами пробирает меня до самых

костей. На этот раз я слишком зла и разбита, чтобы вынести все это. Я теряю сознание и падаю на пол, словно пустое атласное платье, лишенное владельца, одиноко кружась на земле.

Королевский Театр, Друри Лейн, 1862 год

Я стою напротив Королевского Театра в Друри Лейн на Бриджес Стрит — два века спустя переименованной в улицу Катерины. Сейчас снова 1862 год. Я возвращаюсь в видение Льюиса, только на этот раз мы в Лондоне. Неподалеку стоит карета, и небольшая толпа людей ожидает за пределами театра. В целом, несколько человек.

Притаившись на самом краешке своего видения, я по — прежнему вижу великое множество бездомных и попрошайек, которые слоняются повсюду, словно невидимое заболевание. Ждущие возле театра притворяются, будто не замечают бедняков.

Мужчина с трубкой рассказывает своей жене историю театра. Здесь оказывается случился таинственный пожар в 1809 году. Ричард Шеридан, ирландский драматург и владелец театра, наблюдал за пожаром из кофейни с бутылкой вина. Мужчина смеется и снова затягивается трубкой, дым из нее пахнет в точности так же, что и дым из Кальяна Пиллара.

Со всей этой нищетой, бедностью и вонью, тем немногим аристократам, что стоят у театра, приходится ждать снаружи, дожидаясь начала знаменитого спектакля. Всякий раз, когда к ним приближается мальчик или девочка в изодранной одежде, они отмахиваются от них, словно от назойливой мухи. Они пьют вино, рассказывают друг другу истории и разговаривают о званом ужине, который состоится после спектакля.

Не уверенная до конца, что в этом видении я невидима, я медленно приближаюсь к ним, желая услышать разговоры. Они спорят о том, что прошлым вечером индейка была приготовлена не должным образом и им следует уволить повара. Жена того самого мужчины, на которой одето слишком много ювелирных украшений, мечтает о том, чтобы нанять знаменитого французского повара Алексиса Бенуа Сойера. Ее муж больше не может с нею спорить. Он лишь шутит, что не смотря на то, что они прилично платят своему повару в столь отвратные времена, все свои рецепты он, скорее всего, берет из книги Миссис Битон по Домоводству.

В голове вспыхивает лампочка, когда я слышу это имя. Я думаю, что видела экземпляр этой книги в частной студии Льюиса, когда вошла туда через Том Тауэр неделю назад. Но весь этот интерес к еде, будь это реальный мир или нет, смущает меня. Неужели мне следует читать между строк, и узнать что-то о еде?

Мир вокруг меня мерзкий и грязный, богатые мужчины и женщины агрессивно игнорируют его, ожидая входа в Театр на Друри Лейн. Краем уха слушая болтовню мужчины и женщины о стряпне, я наблюдаю, как мужчина поднимает свой бокал вина, указывая на кого-то в толпе. Этот кто-то одет как священник. Льюис.

Мужчины и женщины приветствуют его, когда он появляется из главного входа в театр. Они окликают его, кажется, они его обожают, однако у него отсутствующий и беспристрастный взгляд. Он проходит мимо них, вежливо кивая, и пытаюсь обойти их. Подмышкой у него зажат большой саквояж, набитый одеждой. В другой руке сверток, завернутый в газету.

— Прощу меня извинить, — говорит Льюис и исчезает в грязной тьме. Лондон настолько грязен, что луна решила сегодня не показываться.

Я слеую за Льюисом в темноту. Я даже зову его, но он не реагирует на мой голос. Вот оно. Наверняка, я появилась здесь именно за этим. Я тащусь сквозь мутные сумерки. Смои для меня единственный путеводный свет.

— Льюис! — наконец я вижу, как он опускается на колени, чтобы поговорить с бездомными детьми. Они окружают его, словно он Санта Клаус. Он разворачивает газету и достает оттуда буханку хлеба. Дети отламывают куски хлеба своими грязными руками. Если бы буханка упала вниз, в грязь, они бы достали ее оттуда и продолжили есть. Некоторые даже дерутся за кусочек хлеба, но Льюис их поучает и говорит, что в следующий раз принесет больше.

Я стою на месте, наблюдая за ним. Дети слишком худые, не смотря на толстые слои своей потрепанной одежды. Я делаю шаг вперед. Кажется, меня никто не видит.

Я осознаю, что дети немного старше, чем я думала. Их лица подсказывают мне, что им около пятнадцати лет, но их тощие тела, делают их девятилетних.

Один ребенок спрашивает у Льюиса, что у него в чемодане. Улыбка Льюиса сияет как полумесяц, которого так не достает на небе, но я не слышу, что он говорит.

— Льюис! — я снова зову его.

Он не отвечает.

— Льюис, — я ощущаю подступающее головокружение. Я слышу потусторонние голоса извне.

— Льюис, — повторяю я, прежде чем они вернут меня в реальный мир.

Но уже слишком поздно. Я покидаю свое видение, мои глаза смотрят на чемодан Льюиса. Почему внутрь напихана одежда? Похоже на костюмы. И после этого видение исчезает.

Своеобразный дым вторгается в мои ноздри. Я начинаю чихать и открываю глаза. Пиллар сидит напротив меня в машине скорой помощи, и говорит:

— Дым из кальяна Страны Чудес никогда не подведет, если нужно кого-то разбудить. Даже лучше, чем луковица.

Королевский Театр, Друри Лейн, улица Катерины, Лондон, Наши дни

Спектакль, на который мы пришли в Королевский Театр: Приключения Алисы под землей. Это новая постановка, которую запустили лишь неделю назад, когда начались убийства. Думаю, Пиллар мог оказаться прав. Уж слишком много совпадений. Сегодня мы должны встретиться с таинственным Пекарем.

— Глава "Поросенок и Перец" где появится Герцогиня, должна быть веселой, — вычитывает Пиллар из местной программки. Шофер позади нас покупает нам билеты.

— Правда? — я немного расправляю платье. Я не привыкла, чтобы одежда открывала мою кожу. Мне не комфортно на таких каблуках. Что не так с кроссовками, или еще лучше, что плохого в том, чтобы прийти вообще босиком?

— Так пишут в газетах, — Пиллар рассматривает рекламные щиты "Предыдущие представления". — Проклятие, — бормочет он. — Мы пропустили мюзикл Шрека.

— И "Каролину", Нила Геймана, — показываю я.

— Тебе больше по душе Льюис Кэрролл, или Нил Гейман? — он игриво указывает на меня пальцем.

— Кэрролл, — не колеблясь, отвечаю я. — Льюис Кэрролл или Дж. Р. Р. Толкин? — отстреливаюсь я.

— Кэрролл, — он даже не задумывается. — Льюис Кэрролл или К. С. Льюис?

— Хм..., - я люблю книги про Нарнию. — Хах, Кэрролл. — Не могу устоять. — Льюис Кэрролл или Чарли и Шоколадная Фабрика? — мне начинает нравиться эта игра.

— Не могу сравнивать автора и книгу, Алиса, — говорит он. — Вот еще одна хорошая идея: у кого абсурдней чувство юмора: у Льюиса Кэрролла или Бога?

Я поднимаю бровь. Я не могу ответить.

— А Вы как думаете? — я чувствую себя до жути игриво.

— У Бога, конечно же, — он машет рукой приближающемуся мышинному шоферу, который, запыхавшись, несет наши билеты. — Просто посмотри на то, что он создал, — он тайком указывает на шофера. — Что может быть абсурдней вот этого.

— Нет такого слова, "абсурдное", — я прикусываю губу от его грубого сарказма.

— Кто сказал, что это слово? Абсурд — это эмоция. — Он подмигивает и радуется билетам, что протягивает ему шофер.

— Восемь билетов, как Вы и заказывали, — сообщает шофер.

— Восемь? — я хмурюсь, глядя на Пиллара.

— Твои и мои места, — Пиллар загибает пальцы. — Два места слева и справа от нас, два позади и перед нами.

— Зачем?

— Меры предосторожности, Алиса, — говорит Пиллар. — Кто знает, что может произойти внутри? У меня плохое предчувствие по этому поводу.

— Все ваши места находятся прямо в центре театра, — уточняет шофер.

— Злые люди, вроде террористов, довольно тупы, — Пиллар избавляет меня от вопросов. — Они обычно начинают взрывать задние места, если начинают атаку извне. Или взрывают передние сидения, если пьеса весьма успешна. Посередине будет как раз в самый

раз.

— Если только театральная люстра не свалится Вам на голову прямо посередине зала, — Мои ответные издевки растут на глазах.

— Если нечто падает тебе на голову перпендикулярно с небес, то это не террористы, — возражает Пиллар, и протягивает мне свой портативный кальян. — Это Божественное чувство юмора.

— Это еще зачем? — я гляжу на его Лего-Кальян.

— Проносить кальяны внутрь запрещено, а я чувствую, что он мне понадобится.

Я прячу его в недрах платья, надеясь, что Пиллар по дороге обо всем договориться с охраной.

— Итак, позволь мне на сегодня стать твоим гидом, мисс Эдит Уандер, — ОН приглашает меня присоединиться к нему, и я соглашаюсь. — Притворись, что я твой отец, — шепчет он через практически полностью стиснутые губы, когда мы смотрим на охрану у входа. — Кстати, улыбка тоже творит чудеса.

Мы вместе улыбаемся, но я вынуждена спросить его шепотом:

— Почему Вы назвали меня Эдит?

— На случай, если случится нечто ужасное, не хочу, чтобы искали потом тебя, — отвечает он, не глядя на меня. — Можно подумать, твоя сестра что-то для тебя да значит. Давай подкинем ей проблем.

Мы продолжаем улыбаться охранникам.

— Скажи охраннику, что по твою сторону, что у него исключительный вкус в одежде. Это послужит неплохим отвлечением.

— Но он одет в скучную униформу, — прошипела я сквозь фальшивую улыбку.

— И раз уж так вышло, что ему порядка тридцати — пяти, на пальце нет кольца: и, вероятно, он уже совсем отчаялся услышать комплимент от красивой молодой девушки, — говорит Пиллар, пока мы подходим ближе. — Пусть он думает, что между вами особый разговор за спиной у папочки.

Я делаю, как он говорит, пока мы входим. Мужчина краснеет и даже не удосуживается проверить билеты. Я имитирую соблазнительный смех и поворачиваюсь к Пиллару, когда мы входим внутрь.

— Сработало. Как Вам удалось пройти мимо охранника? Вы же не наобещали ему того, чего не сможете потом выполнить?

— Нет, — он поднимает подбородок и приветствует нескольких дам, которых раньше даже и не видел. — Я выдохнул дым из кальяна ему прямо в лицо. Дым загипнотизировал его на некоторое время, и я успел пройти.

— Вот так просто? Вы даже ничего ему не показали?

— Конечно же, показал, — он широко улыбается толпе. — Средний палец.

— Театр находится на восточной границе района Лондона, Ковент-Гарден, — говорит Пиллар, притворяясь, что показывает мне все вокруг, на самом же деле, осматривая всех и каждого в надежде увидеть среди них Пекаря.

— Он располагается между Олдвичем и Хай-Халборном, — продолжает он. — Не удивительно, что многие в этом мире называют его Королевским Театром.

— Я бы предпочла, чтоб Вы рассказали мне, как со всем этим связан Льюис, — говорю я, пока мы входим в зрительный зал.

Пиллар нежно придерживает меня за руку, словно я принцесса и сопровождает к моим местам.

— Обещаю не портить воздух, — говорит он сидящей толпе, когда мы проходим к своим местам. Наконец-то мы садимся.

— Льюис Кэрролл недолго сотрудничал с театром, — говорит Пиллар, зажав мою ладонь между своими. — Он поставил несколько пьес до того как обезумел; имею в виду, до того, как он написал Алису в Стране Чудес.

Я сижу и слушаю, но, не упоминая о своем видении с Льюисом.

— Ты должна понимать, что те Викторианские времена были довольно тяжелыми, — рассказывает мне Пиллар. — Мы говорим о самых жестоких, мрачных, грязных и голодных временах Лондона. По внешнему виду человека даже нельзя было сказать, сколько ему лет. Из-за неестественной худобы и низкого роста, можно было принять их за гномов. — Он просит меня передать ему запчасти от кальяна и начинает собирать свое оружие. — Еды катастрофически не хватало, голодавшие люди становились тощими и маленькими. Это правда. Посмотри на меня. Я не так уж и высок. А ведь я как раз жил в те времена.

— Продолжайте, пожалуйста, — я пытаюсь принять позу той, кто частенько посещает театры.

— Кэрролл не любил Лондон. Он любил Оксфорд со всеми его книгами, большими залами; и студиями, — продолжает Пиллар. — Он пробыл священником, но недолго; Оксфордский церковный Хор никогда его не забудет. Но затем у Льюиса возник большой интерес к фотографиям, особенно к детским, таким как фотографии Констанции.

Свет в зале тускнеет, идут приготовления к началу представления.

— Как ты, возможно, слышала, фотографы говорят, будто камеры не лгут, — говорит Пиллар. — В случае Кэрролла так и было. Нищета, которую запечатлела его камера, была воистину душераздирающей. Если ты когда-нибудь обращала внимание на его фотографии, то замечала что он, по большей части, был одержим молодыми бездомными девочками, ты бы поняла его одержимость. Его снимки просто кричат о нищете, голоде и о бедных детях.

— Я могла себе вообразить Льюиса таким.

— Прежде чем писать книжки и загадки, Льюис устраивал небольшие представления в Оксфорде для бедных, тощих детишек в лохмотьях. Он делал это, потому что у него было недостаточно денег, чтобы купить им еду. Во все времена, искусство — еда бедняков, Алиса. Помни это, — на мгновение Пиллар кажется мне потерянным. Интересно, о чем он вспомнил. — Кэрролл называл свои намерения «спасением детей». Он хотел спасти детство детей. Он хотел спасти их от воспоминаний об испачканной грязи эпохе.

«Я не смог их спасти!» слова Льюиса звенят у меня в ушах.

— Представления, которые ставил Кэрролл, научили его искусству бессмыслицы, — объясняет Пиллар. — Дети бессмысленны по своей природе. Даже неудачная шутка может заставить их смеяться, потому что они просты в общении. В отличие от взрослых, потрепанных жизнью.

— Я до сих пор не понимаю, как это связано с театром на Друри Лейн, в котором мы, предположительно, должны повстречать Пекаря.

— Все просто, — отвечает Пиллар. — Пьессам нужны были финансирования. Кэрролл был умным и находчивым. Он ставил спектакли бесплатно в Королевском Театре, который сгорел за несколько лет до этого, и не мог позволить себе оплатить новые спектакли. В свою очередь, театр предоставлял Кэрроллу костюмы для его представлений.

— Вот почему он держал чемодан и улыбался, когда дети спрашивали его, — бормочу я.

— Прости?

— Ничего, — говорю я. — Так что связывает его с театром Друри Лейн.

— Мое предположение, вместе с подсказками Чешира, заключается в том, что Льюис Кэрролл повстречал Пекаря в Друри Лейн, — отвечает он. — Только Кэрролл никогда не ощущал необходимости упоминать Пекаря ни в одном из своих произведений.

— Может быть, Кэрролл писал детские стишки?

— Это все выдумки, и к тому же, нет никаких доказательств, — говорит он. — Все что мне известно, убийства начались с того самого дня, как здесь начали ставить «Алису в Стране Чудес», хочется верить, что Пекарь ожидает нашего появления. Должно быть, он хочет, чтобы мы стали свидетелями чего-то.

— Чего именно?

В этот момент Пиллар поворачивает шею на верхние ложи театра. На его лице появляется необычное выражение

— Чего-то вроде этого, — указывает он пальцем наверх.

Я смотрю вверх и прищуриваюсь в тусклом свете театра. На балконе я вижу появление важной женщины, в сопровождении множества охранников.

— Что здесь делает Маргарет Кент? — спрашиваю я.

— Герцогиня дома, — вздыхает Пиллар. — Становиться все страньше и страньше.

Он опускает голову, готовый к представлению.

— Я не ощущаю вины, что использовал ее кредитку, чтобы заплатить за твое платье.

— Что? — у меня от удивления вытягивается шея. — Что Вы сделали?

— Наши билеты куплены тоже за ее счет, — он пожимает плечами. — Это очень щедрая женщина, — затем на его лице появляется огромная ухмылка. — Что навевает мне воспоминания о....

Присутствие Герцогини провоцирует Пиллара. Последствия одновременно абсурдны и уморительны.

- Подержи-ка, — он передает мне назад свой кальян, плюет на свои перчатки и говорит. — Это будет весело.

Пиллар встает и поворачивается к толпе. Поскольку мы сидим в середине зала, люди смотрят на него со всех сторон.

— Сядьте же! — говорят некоторые.

— Леди и болваны Королевского Театра, — Пиллар сопровождает свой маскарад оскорблений приветствиями. Улыбка на его лице становится искренней, как у самонадеянного преподавателя. — Сегодня не обычный вечер. Подобные вечера заносят в книги по истории. Ведь вам ведомы лишь истории, что пишут победители, меняя ее на свой вкус?

В толпе кто-то хихикает. Некоторые по-прежнему продолжают требовать, чтобы он сел. Другие же клянут его, да такими словами, которые не следовало бы произносить в театре. А к моему удивлению, занавес на сцене наполовину распахнулся.

— Вы часть представления? — спрашивает ребенок.

Пиллар кивает.

— Итак, как я уже говорил, дамы и обезьяны, все вы дурачье — обожающее Страну Чудес, — Захихикала еще парочка зрителей. — Сегодня тот самый вечер. Все мы здесь в присутствии весьма необычайной женщины. — Он указывает вверх на балконы. Охрана герцогини остается спокойной, но тянутся к пистолетам. Световые техники, думая, что шоу уже началось, направляют прожекторы на балкон. Теперь все взгляды устремляются на нее. — Единственная и неповторимая Маргарет Уродина Кент! — драматизм Пиллара заслуживает Оскара.

— Это, правда, ее второе имя? — шепчу я.

Он отмахивается от меня рукой и обращается к оркестру театра.

— Это не тот восторг, которого я ожидал, — он выглядит разочарованным. — Ведь это самая важная женщина в парламенте.

Музыканты оркестра неожиданно принимают его за главного. Один из них советует поприветствовать Герцогиню еще раз, что они смогли сыграть достойное музыкальное сопровождение.

Пиллар фыркает и повторяет свое приветствие:

— Единственная и неповторимая, женщина года, которую вы все, идиоты, в тайне боялись, Маргарет Кент!

В этот раз музыка и свет просто взрывают это место. Толпа либо под давлением, либо по своей воле поднимается и хлопает Герцогине.

Маргарет Кент ощущая давление, и вынуждена встать и поприветствовать толпу в ответ, рыча сквозь стиснутые губы на Пиллара. Не думаю, что она хотела быть замеченной. Она появилась здесь в последнюю минуту. Неужели она тоже разыскивает Пекаря?

— Цветы! — требует Пиллар у сотрудников театра. — Где цветы?

Никто не предлагает цветов. Зачем им цветы на представлении? Пиллар меняет стратегию.

— Садитесь, граждане, — говорит он. Все так и делают. — Сейчас вы думаете, что ваша обожаемая Герцогиня — ах, я имею в виду Парламентская дама — здесь ради искусства? Да плевать она на него хотела, — продолжает Пиллар. — Ее не волнует театр, — лица в толпе краснеют. Некоторые даже вжимаются в свои кресла. — Но ее заботите вы, — некоторые из них подаются вперед. — Она любит вас. Любит на самом деле. И знаете, что она приготовила для вас? — он смеется. — Ох, нет, не говорите ерунды. Она не собирается отрубить вам сегодня головы. Это сделает Червовая Королева в сегодняшнем представлении, — Пиллар дает сигнал оркестровому ударнику, чтобы тот ударил по тарелке для эффекта. Многие из толпы нервно смеются. — У нашей любимой Маргарет Кент есть для вас сюрприз. И знаете почему? Потому что вы все — бараны — я имею в виду, послушные граждане, которые платят налоги и голосуют за нее, — его улыбка никогда не померкнет. — И поэтому, конечно же, она от имени всех роскошных, несносных членов Парламента, и от имени Королевы Англии, не забыла про Романа Ескелича, человека который нашел голову своего ребенка в арбузе, на прошлой неделе. От имени их всех, вы вознаграждаетесь бесконечно бесплатной едой от Мусоробургеров (TRASHburgers) Дональда Дака, — он вскидывает руки и несколько детей хлопает в ладоши. — И бесконечными напитками, — его голос становится еще громче. — От Содовых напитков "Напитки Дидерьмо" *(прим. пер. DiSHIT)*, — люди встают на ноги и хлопают в ладоши. — Пожизненное бесплатное питание! Можете себе такое представить?

Вскрики, аплодисменты и стоны, словно все они выиграли в лотерею. Толпа сходит с ума. Что происходит с человеческой признательностью в обмен на еду?

Герцогиня снова ощущает необходимость встать, и улыбнуться своим фанатам.

— И кого же вы должны благодарить за это? — Пиллар указывает на Герцогиню, которая энергично машет аудитории в ответ. — Вы должны любить Британию!

Голос Пиллара едва слышен среди голосов похвал. Театр на Друри Лейн превратился в один большой продуктовый магазин.

— Наслаждайтесь всем, что сможете съесть, — голос Пиллара становится все безумнее. — Наслаждайтесь холестерином, испорченными крабами, всем этим сахаром и насыщенными жирами! Жирнейте, люди Британии. Засахарите свои животы. Омойте пивом свой разум. К чертям «Билль о правах»! Да здравствует «Болезненный Билль»!*(прим. Ред. «Билль о правах» — Неофициальное название первых десяти поправок к Конституции США, которые закрепляют основные права и свободы человека и гражданина.)* Купите себе билет безумного рака. Быть психом — круто!

Пиллар, выдыхая, касается полей шляпы, приветствуя Герцогиню, которая улыбается в лицо врагу. Это фальшивая улыбка политика.

Пиллар садится, поправляет одежду и говорит:

— Итак, это было нечто, — он улыбается мне.

Должна признать, я улыбаюсь ему в ответ. Он может быть убийцей. Он может быть хитрым и крутить множество заговоров, но я не могу сдержать смеха.

— Так зачем же мы здесь?

Представление и вправду занимательное, полное смеха и необычных моментов. Игра актеров превосходная, очень правдоподобная и постановка на довольно высоком уровне.

Они начинают с главы «Вниз по Кроличьей Норе», в которой Алиса встречается с кроликом, пухлым, маленьким и забавным. Должна признать, что костюмы превосходны, и если хорошо окунуться в фантазию, то думаю, нельзя будет отличить этих людей от животных, которых они играют.

Я немного ерзаю кресле, когда на сцену выносят зеркало. Слава Богу, мы сидим в самой середине зала, и зеркало не оказывает на меня никакого эффекта.

— Алиса ужасна, — бормочет Пиллар. — В настоящей книге она носила желтое, а не синее. Синее сделал Дисней.

— Вы ненавидите Дисней.

— Что навело тебя на подобную мысль? — шепчет он. — Джафар из Алладина — мой кумир.

Следующая глава, "Бассейн Слез", изображена великолепно. На сцене течет настоящая вода. Понятия не имею, как у них это получается. Пиллар подозрительно вскидывает брови, намекая мне тем самым, что здесь что-то нечисто. И все же, игра актеров изумительна. Песни фееричны. Мне нравится, что пьеса поставлена в комедийном русле, а не в ужасном мире Алисы, в котором живу я.

Следующая глава "Бег по кругу". Это просто умора. Когда они начинают танцевать на месте, Пиллар не в силах больше сдерживаться начинает постукивать тростью по полу в такт музыке и двигать ногами.

Когда начинается глава про гусеницу, Пиллар просто извивается в кресле.

— Это не я, — бормочет он. — Абсолютно не я.

Он откидывается в кресло и сидит так четвертую и пятую главы, не проявляя особого интереса. Он говорит, что никогда особо не любил эти главы.

В середине занавес закрывается, объявляется перерыв. Снова включается свет. Несколько продавцов предлагают напитки в перерыве. Входит парень с мороженым громко предлагая его совершенно бесплатно. Взрослые не очень ему рады, а вот детишкам он явно нравится.

Несколько человек спишет к месту Пиллара, чтобы попросить автограф. Думаю, они на самом деле поверили, что он секретарь Герцогини. Я смотрю вверх: Герцогиня стискивает зубы, потому что камеры не дают ей продохнуть.

Занавес открывается снова и теперь нас ждет всеми любимая глава "Поросенок и Перец". Не понимаю, что в ней такого великолепного. Она банальна и скучна. Герцогиню играет актриса с блестящим макияжем, в этой сцене она злится на своего повара. Ее повар, исключительно высокий актер, да еще и с колпаком на голове, очень любит перец во всех необычных смыслах. Он продолжает добавлять перец в еду и наслаждается, наблюдая за тем, как гости Герцогини задыхаются.

Он подбрасывает перец в воздух, выкрикивая:

— Перец! Больше перца!

Толпа на самом деле находит это забавным. Возможно, я просто не в настроении из-за долгого ожидания появления Пекаря. Смотрю налево: Пиллар скучает и озадачен в

точности, как и я. Неужели мы здесь только за тем, чтобы посмотреть спектакль? Похоже, мы пошли по ложному следу.

Я делаю глубокий вдох и продолжаю следить за происходящим на сцене. Вдруг справа от меня кто-то садится. Он берет меня за руку и сжимает ее, но я не паникую. Я узнаю и доверяю этой теплой ладони. Это парень — мороженщик. Джек Даймондс.

— Эй, — шепчет он, сползая вниз в кресле и сжимая кепку мороженщика у себя на голове. — Я тут подумал.

Я не отвечаю. Я просто рада, что он здесь. Это нелогично. Бессмысленно, но я не могу противиться этому чувству.

— О том, чтобы жениться на тебе, — говорит он. — Я не могу.

— Почему же? — шепчу я, приподняв бровь и делая вид, что удивлена.

— Это не потому, что ты мне не нравишься, — отвечает он. — Я уже говорил тебе, что схожу по тебе с ума.

— Да, уже говорил об этом прежде, Джек.

— Даже если я буду говорить это каждой утро, это все равно не передаст все мои чувства, — он сжимает мою руку. — Но, просто.... Я еще не готов к свадьбе.

Я веду себя так, словно расстроена.

— Думаешь, ты слишком молод? — шепчу я.

— И слишком беден, но и это не причина, — говорит он. — Сегодня меня отчислили из Оксфордского университета, так что теперь у меня даже нет определенного будущего.

— Почему тебя отчислили? — улыбка приклеивается к моему лицу и, похоже, не исчезнет, пока Джек поблизости.

— Это глупо, — говорит он. — Мне заявили, что я мертв. Ты можешь в это поверить?

Яжимаю плечами и одергиваю руку. Я ощущаю себя виноватой, когда слышу это. Почему он постоянно затрагивает эту тему?

— Нет, — в его глазах появляются слезы, когда я одергиваю руку. — Я не настоящему мертв. Просто они так думают. Как я могу быть мертвым? Я здесь, разговариваю с тобой. Меня беспокоит то, что по их словам меня даже зовут не Джек, вот это уже настоящий абсурд.

— Тогда ты не отчислен. Тебя не могут отчислить, не зная настоящего имени, — предполагаю я.

— Я знаю. Я не сдамся, поверь мне. Я сделаю все возможное, чтобы стать великим человеком и заслужу тебя.

— Продавать мороженное — хорошее начало, — дразнюсь я, облегчая свое страдающее сердце.

— Я хочу попробовать гонки во Франции, но это не сработает, — говорит он. — Я словно не знаю, чего сейчас действительно хочу.

— Мне знакомо это чувство, — я снова беру его за руку. Он кажется самым счастливым парнем на земле.

— Алиса, — его голос становится мягче. — Не беспокойся обо мне. Только ты имеешь значение.

— Почему ты так говоришь?

— Просто послушай. Не думаю, что ты знаешь на что способна, — он держит обе мои руки, и пристально смотрит мне в глаза. — Поверь мне. Ты себе даже не представляешь. Я знаю, это ухабистая дорога, но ты справишься, — его глаза сверкают, когда он изучает каждую часть обожаемого им лица. Я думаю, он собирается меня поцеловать.

Прежде чем он делает это, ко мне поворачивается Пиллар и спрашивает, с кем я

разговариваю.

— С Джеком. — отвечаю я. Неподходящее время, Пиллар. Очень, очень неподходящее.

— С каким еще Джеком?

— Вы знаете с каким, — ворчу я.

— Ах, парень, которого здесь нет, — отвечает Пиллар, с интересом наблюдая за представлением. — Я предполагаю, что он сидит справа от тебя.

— Так и есть.

— Передай ему привет, и скажи, что я его не вижу, — говорит Пиллар. — Скажи ему что я не удивлюсь, если он окажется там же, когда включится свет.

— Так и будет, — отвечает Джек, наконец, давая ему отпор. — Ты не находишься рядом с этим человеком, Алиса, — Джек сжимает мою руку.

Тишина крадет мое дыхание, меня смущает реакция Пиллара на Джека. Мне греет сердце то, что Джек хочет стать лучше, чтобы жениться на мне. Затем тишину нарушает ослепительный свет, который направили на меня прямо со сцены. Когда я смотрю вверх, человек, остановивший спектакль, обращается ко мне.

— Эй, мисс, — говорит он в микрофон. Я молчу, в шоке от внезапного и необъяснимого внимания. — Да, Вы, — он указывает в моём направлении. — Вы вообще смотрите пьесу?

Толпа взрывается смехом.

— Мы выбрали вас и очень просим подняться на сцену, — говорит ведущий. — Я верю, что вы нас слышите.

— Зачем?

— Эту часть шоу многие критики называли освежающей. Глава "Свинья и Перец", — объясняет мужчина. — Мы выбираем девушку из толпы, которая изобразит Алису в короткой сцене. Любительская импровизация. У вас раньше никогда не было опыта актерского мастерства?

— Нет, — я пожимаю плечами.

— Сказочно, — говорит он. — Это будет действительно весело. Вы не возражаете пройти на сцену? — мужчина протягивает руку, приглашая меня пройти к нему.

Толпа призывает меня идти.

— Нет, спасибо, — говорю я. Я не собираюсь делать ничего импровизационного на этой сцене в свой пятый день в реальном мире.

— Да! — Пиллар поднимается и призывает толпу аплодировать. — Она пойдет. — он тянет меня с кресла, и насмешливо улыбается. Наконец я улавливаю посыл. Пиллар думает, что в этой части мы встретим Пекаря. Если подумать, он может оказаться прав. Почему ведущий выбрал меня, для участия в представлении? Это слишком большое совпадение.

— Я ее дядя, — говорит Пиллар. Ему не нужны другие представления перед толпой. — Она никуда не пойдет без меня, а значит, я пойду на сцену вместе с ней.

— Хмм..., - вздыхает ведущий. — Если она будет играть Алису, кого будете играть Вы?

— Я буду играть дверную ручку, — отвечает Пиллар. Толпа сходит с ума от смеха. — Я всегда хотел быть дверной ручкой, — Пиллар снова улыбается как ребенок. — Знаете, дверная ручка, которая говорит с Алисой, когда та переплывает Бассейн Слез.

— А я ее муж, — появляется Джек. — То есть, ее парень, я Джек. Я мог бы играть... хм... Джека. Бубнового Валета, — он заикается, ему неудобно от стольких взглядов.

Я вслушиваюсь, чтобы услышать реакцию толпы на Джека. Они его видят, или нет? Ну же. Ведь они же видели его, когда он продавал мороженое. Почему бы им не видеть его

сейчас? Долгое мгновение спустя, ведущий произносит:

— Почему бы нет. Проходите на сцену, — мужчина поворачивается к нам спиной и манит нас пальцем. Сердце уходит в пятки. Я хочу знать, видит ли он Джека.

Через несколько шагов спустя, мужчина поворачивается к нам, раздраженный нашей медленной реакцией.

— Поторопитесь, у нас ограниченный запас времени. Выходите на сцену втроем.

Сцена, Театр на Друри Лейн, Лондон

Я держу Джека за руку, пока мы поднимаемся на сцену. Пиллар идет следом за нами, избегая моего сердитого взгляда. Я до сих пор не понимаю, почему он хочет, чтобы я поверила в то, что Джека не существует. Все люди в зале не могут ошибаться.

Оказавшись на сцене, я поражена реальности, что нас окружает. Это огромная сцена, но все выглядит таким настоящим. Деревья, ведущие к дому Герцогини, где мы должны встретить ее, вместе с безумным поваром, пахнут как настоящие деревья. Когда я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к ним, ведущий обиженно шлепает меня по руке и советует сосредоточиться на роли. Он так же говорит Пиллару и Джеку подождать за кулисами, пока не придет их черед появиться на сцене.

— Мой дядя может сыграть Чеширского Кота, — говорю я ведущему, улыбаясь Пиллару во весь рот. Если он по-прежнему будет делать вид, что Джека не существует, то это мой шанс отомстить ему. Знаю, это ребячество, но я скорее бы назвала это безумием.

— Не глупи, Алиса, — Пиллар пытается не ударить в грязь лицом.

— На самом деле это было бы весело, — говорит Джек ведущему. — В правильном костюме кота зрители полюбят его.

— Договорились, — ведущий протягивает Пиллару костюм кота. Пиллар корчится от одной только мысли о том, что ему нужно будет надеть костюм своего злейшего врага. Я не могу сдержать улыбки. Маленькая месть удержит его от очередного вранья.

— Если ты подойдешь ко мне, я убью тебя, сварю, и съем с большим количеством перца, — рычит Пиллар. — Отдайте его лучше нашему непревзойденному Джеку, — говорит он, все еще не указывая на него.

— Значит, Вы все-таки видите Джека, — говорю я.

— Конечно. Конечно, — бормочет он. — А сейчас давай играть свои роли.

Джек надевает костюм кота, думаю, ему стоило бы попробовать себя на актерском поприще. Ведущий отдает мне светлый парик, чтобы я играла Алису. Когда я спрашиваю его, что именно я должна делать, он отвечает, что я должна сыграть в сцене, где Алиса попадает в дом к Герцогине и встречается с ее одержимым перцем поваром.

— Но если вы хотите придерживаться содержания книги, то в этой сцене еще должен быть ребенок, — безукоризненно поучительным тоном произносит Пиллар. Он и вправду верит, что на сцене должно произойти нечто плохое.

— Ну, у нас был ребенок, — говорит ведущий. — Но защита по правам ребенка запретила участвовать детям до семи лет, пока Арбузные Убийства не прекратятся.

— Оно и понятно, — Пиллар смотрит вверх, вероятно на балкон Маргарет Кент. Портьеры закрывают нам весь угол обзора. Я думаю об актрисе, которая сейчас будет играть Герцогиню. Она хоть понимает, что ее актерскую игру будет наблюдать настоящая Герцогиня? Неужели Маргарет Кент здесь по этой причине?

— Что ж, начнем? — обращается ведущий к актерам, включая актрису, играющую Герцогиню и высокого повара, чьи длинные волосы закрывают глаза. Он выглядит очень послушным и спокойным.

— По местам, — произносит он, и занавес начинает открываться. — Да начнется

безумие!

Занавес открывается, позволяя ворваться на сцену ослепительному свету. Я почти ничего не вижу из-за прожекторов направленных на сцену.

Возникает чувство, словно каждый актер попадает в новый фантастический мир. Совершенно иная реальность.

Я на мгновение зажмуриваюсь. Лица зрителей пропадают в этом свете. Я вижу лишь волнистые силуэты сидящие внизу. Делаю глубокий вдох и открываю глаза. Сцена чем-то напоминает мне Мухоморню. Я думаю, это и называется страхом перед сценой. Но на самом деле это срабатывает. Актриса, играющая Герцогиню, с огромной глупой шляпой на голове, хорошо исполняет свою роль. Уродливо привлекательна. Толпа ее обожает.

Я начинаю нести какой-то бред, частично взятый из книги. Я играю непринужденно, не поддаваясь страху. Сцена к этому определенно располагает. Похоже на пение в душе, только твой ужасный голос приглушает шум воды

Мой внутренний страх исходит от чего-то другого. Чего я пока не могу объяснить. Скорее всего, меня растревожил страх Пиллара. Я смотрю на него, он стоит за занавесом, и словно сыщик осматривает все вокруг на предмет угрозы, которая может произойти в будущем.

Да ради Бога, что на сцене может пойти не так?

Я продолжаю играть. Люди не реагируют на мои реплики, словно меня здесь нет. Но я не жалуясь. Они безмерно увлечены Герцогиней. Это забавно еще потому, что я должна была вести себя не совсем подобным образом. Мы показывали сцену того, что на самом деле произошло со мной в Стране Чудес.

Божже ж мой! Парадоксальное безумие.

Джек выпрыгивает на сцену, сворачивается на столе повара и мяукает в части Чешира. Джек изумителен, впрочем, как и всегда. Я слышу, как аплодируют зрители. Мне тоже хочется похлопать ему, аж руки чешутся. Джек с легкостью придумывает очаровательный бред, кажется, у него есть талант к актерскому мастерству.

Затем наступает черед повара. Он высокий, интересный парень, немного отличается от того, что изобразили в Стране Чудес. Кроме того, огромный рост и черные волосы, которые закрывают большую часть его лица, придают ему довольно жуткий вид для столь комичного представления.

А вот одет он, весьма, уникально, должна я признать.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Пиллара и вижу, как тот смотрит на повара. Пиллар пристально разглядывает его. Судя по всему, ему он не пришелся по нраву. Я оглядываюсь назад, чтобы увидеть, что же такого странного он увидел в поваре.

Потом я вижу.

Повар одет в двубортную белую рубашку, как и все повара. Только эта похожа на смиренную рубашку, одетую задом наперед.

Я с трудом проглатываю комок в горле, когда вижу смирительную рубашку. Это что, такая художественная задумка от дизайнера по костюмам? В книге Любиса повар был вспыльчивым безумцем, одержимым перцем. Тем не менее, смирительная рубашка также подразумевает, что человек мог вполне себе сбежать из психушки.

Пиллар спешит на сцену и появляется в игре. Поскольку это импровизация, в этом нет ничего страшного. Он приближается ко мне и говорит мне на ухо. Очевидно, он хочет сообщить мне что-то о поваре. Я не слышу его, и не знаю, как связать все это с игрой.

— Кто ты такой, странно разодетый человек? — вызывающе спрашивает Герцогиня.

— Заткнись, уродина — говорит Пиллар. — Я дверная ручка. Все это знают.

Публика истерически смеется и аплодирует. Это дает Пиллару время, чтобы обратиться ко мне:

— Повар!

— Я знаю, — говорю я. — С ним что-то не так.

— Посмотрим, что он из себя представляет, — Пиллар указывает на него своей тростью. — Почему он прикрывает глаза волосами?

— Он может оказаться Чеширом, — шепчу я.

— Это не Чешир, — вмешивается Герцогиня, думая, что все это часть сценки. — Это мой повар. Он одержим свиньями и перцем.

— Заткнись, ведьма, — говорю я. — Мы тут пытаемся раскрыть преступление.

Почему никто не смеется над моими шутками?

— Перец! — повар разъяренно достает баночки с перцем из-под стола. — Больше перца! — он начинает сыпать невероятно большое количество перца в кипящий котел.

Я понимаю, что котел кипит по-настоящему. Неужели это не опасно для актеров? Повар определенно Чешир. Я смотрю на Пиллара, ожидая согласия, но вижу, что он сам в замешательстве. Быть может, мы оба просто параноики.

Пока повар сыпет перец, на сцену выбегают несколько детей актеров, и просят у Герцогини еды. Не знаю, есть ли такая сцена в настоящей Алисе в Стране Чудес. Но ведь невозможно в точности передать содержание книги.

— Подите прочь, вы гадкие, противные оборванцы! — Герцогиня пинает одного из детей. Он скручивается в три погибели и хватается за живот. Эти ребята блестяще играют. Все так правдоподобно.

— Свинка деткам, — объявляет повар, держа поросенка в одной руке. Поросенок настоящий. — Хотите, чтобы я приготовил его для вас, вместе с пикантным перцем?

— Да! — умоляют дети. — Мы голодны. Мы не ели несколько дней.

Тут уж я не могу не заметить, что дети выглядят в точности так же, как и в моем видении. Но в этом есть смысл. По пьесе сейчас Викторианские времена, так что это не должно меня волновать. Пиллар по-прежнему присматривается к повару.

Происходит еще одна неожиданная вещь, актриса, исполняющая роль Червонной Королевы выбегает на сцену. Она низенькая, круглолицая и одета в шутовской наряд. В ее руках топор, который больше ее самой раза в два.

— Отрубить всем головы, — кричит она. — Ужасные дети съедают всю еду в моем королевстве.

Даже женщина играющая Герцогиню пугается Королевы.

— Простите меня, моя Королева, — говорит Повар. — Могу ли я воспользоваться вашим топором, чтобы отрубить свиные голову? Мне необходимо приготовить ее для детей, — затем он повторяет ненужную фразу, — Перец! Больше перца!

— Это еще что такое? — спрашивает у меня Пиллар. Никогда прежде я не видела, чтобы подобная чепуха вызывала в нем такое отвращение. Но, честно говоря, это даже безумнее, чем я ожидала. — Что происходит?

Вряд ли мы все еще часть пьесы. Толпа наслаждается каждой частичкой мешанины с персонажами.

— Свой топор я отдать не могу, — отвечает Червонная Королева повару. — Но зато я могу сама отрубить свиные голову, — широкая улыбка на ее лице глубоко меня тревожит. Конечно же, никто из зрителей не видит ее, мы слишком далеко. Неужели Чешир еще и Червонная Королева?

Повар бесцеремненно хватается за ноги. Несчастное животное брыкается вверх тормашками. Оно сильно чихает от перца.

— Опустит свинью! — кричу я. Это больше не игра. Что за фигня? — Спектакль окончен. Опустит бедную свинку!

Вместо того, чтобы поддержать, толпа освистывает меня.

— Давай ее мне, — Червонная Королева приказывает повару. Он опускает брыкающуюся свинью к ногам Ее Высочества, так близко, чтобы та смогла достать ее.

А затем...

Затем...

Происходит нечто невероятное, нечто такое, что ломает всяческие барьеры между реальным и нереальным.

Червонная Королева взмахивает своим топором и отрубает свиные голову. В моей голове все происходит словно в замедленной съемке. Для меня все это слишком ужасно, чтобы воспринимать все как должное.

Топор отрубает голову свиные, и та падает в котел с кипящей водой. Я никогда не видела, чтобы толпа так упивалась представлением.

Разинув рот, я чувствую как что-то горячее брызжет мне на лицо. Я почувствовала это после того, как Королева отрубила голову, но понимаю это только тогда, когда что-то стекает по моему подбородку. Я притрагиваюсь рукой к лицу и поднимаю ладонь перед глазами.

Это кровь свиные.

Представление происходит на самом деле.

Я остолбенела, замерла и оцепенела от жестокости тех, кто выглядел вполне нормальными людьми, будь то актеры или толпа.

Червонная Королева усмехаясь, начинает отрубать детям головы. Дети начинают колоть Герцогиню. Повар не колеблясь, варит все то, что попадает в его котел: свинью, ее голову, и даже ногу Герцогини — которую отрубили дети.

Джек крепко обнимает меня, по-прежнему оцепеневшую. Все что он говорит, рассыпается на миллионы кусочков. Кажется, я оглохла.

Я отстраняюсь от Пиллара и Джека. Они уводят меня от сцены. Когда я пытаюсь оглянуться, Пиллар обхватывает мою голову руками, не давая возможности мне сделать это. Он не хочет, чтобы я видела происходящее. Цена шока может оказаться слишком высокой, чтобы я смогла ее вынести.

Мы спешим вниз по ступенькам и убегаем. Толпа все еще ничего не понимает. Они восхищаются и аплодируют. Вокруг одни овации. Интересно, как они будут себя чувствовать, когда поймут что это настоящая кровь. Они до сих пор считают, что все это — актерская игра.

Когда я смотрю на них, мой слух возвращается. Их крики оглушительны.

— Идем же, — говорит Пиллар. — Нам нужно уходить!

Возле самого выхода я пытаюсь придать хоть какой-то смысл всему произошедшему. С какой стати Чеширу вытворять все это? Только чтобы свести меня с ума? Не клеится. Я что-то упускаю. Ответ приходит ко мне быстрее, чем я ожидала.

Толпа внезапно перестает ликовать и хлопать в ладоши, и некоторые даже начинают кричать.

Когда я останавливаю Пиллара и оглядываюсь назад, то вижу трепещущие на сцене тела. Все взгляды устремлены на повара. Он возвышается на сцене. Теперь совсем один. Его двубортный пиджак почти весь красный от крови всех тех, кого он убил. Кажется, он убил всех, теми двумя ножами, что поблескивают у него в руках. Ранее я и не заметила, что у него черно-белые брюки в клетку, словно шахматная доска. Его глаза до сих пор скрывают волнистые волосы. Повар молчит, но его присутствие ошеломительно. Не уверена, что толпа пока понимает, что тут происходит.

Молча, повар достает несколько баночек с перцем. Они отличаются от тех, которые он использовал раньше. Он расставляет их рядом с котлом, словно ученый, скурпулезно готовясь к эксперименту.

Мне на ум приходит лишь одно — эпидемия. Сердце колотится сильнее от понимания того, что побоище на сцене, это лишь начало перед грандиозным финалом его безумной задумки.

У толпы перехватило дыхание; кажется, они наконец-то понимают всю реальность происходящего.

— Перец, — произносит повар. Голос больше не похож на тот, что был в пьесе. Голос хриплый, словно человек неразговорчив. Это голос человека, который сам себя упрятал в психушку на долгие годы, дожидаясь шанса на побег. — Вы начнете чихать от перца, что у меня в руках.

В толпе раздаются смешки, которые тотчас прекращаются, когда он поднимает палец и

подносит его к губам. Этот человек не Чешир. Он — сущая тьма. Зачем он творит все это?

— На этот раз вы будете чихать по-другому, — поясняет повар. Его глухой голос заполняет зал. Будто разговариваешь с богом. Ему не возразишь. — Прошу Вас, мадам, подойдите.

Женщину в первом ряду подталкивают в сторону повара. Одна овца будет принесена в жертву во спасение многих. Повар велит ей остановиться в нескольких футах от него. Он открывают свою банку с перцем, и распыляет щепотку в воздухе.

Возникает долгий момент ожидания, прежде чем женщина начинает чихать.

Единожды.

На этот раз никто не смеется.

Затем дважды.

Никто не произносит ни слова.

После, она уже не может контролировать себя. Она чихает и чихает до тех пор, пока ее не начинает трясти и она не падает на пол.

- Зачихалась до смерти, — бормочет Пиллар.

Прежде чем толпа начинает паниковать, повар поднимает банку выше.

- Все двери в театре закрыты, — его голос по-прежнему заполняет все пространство. — Все вы умрете здесь, этим вечером. Это не предупреждение. Это факт, и камеры наблюдения в театре станут тому свидетелями, мир увидит все.

Все снова замолчали. Я тоже. Мысль броситься и сбить его с ног мелькает у меня в голове, но он держит в руках открытую баночку. Все что ему нужно сделать, это немного встряхнуть ее и бросить в толпу.

Я смотрю на Джека, но он снова пропал. Может быть, его здесь никогда и не было. Все равно это не честно. Позади меня, Пиллар держит меня за руку. Я в недоумении. Неужели мы умрем? Это конец всему безумию? Смерть от перца?

— Конечно же, ваша возлюбленная Маргарет Кент ушла, — повар показывает на пустой балкон. — Такие люди как она, всегда уходят, — говорит он. Горькая улыбка кривит его губы. Я замечаю в его последних словах оттенок грусти. Это повар Герцогини из Страны Чудес, и теперь Чешир использует его как марионетку, чтобы посеять хаос во всем мире?

— Прежде чем все вы умрете, я должен вам показать кое-что, — повар поддевает ногой нечто тяжелое из-за котла. Это нечто выкатывается на сцену.

Арбуз.

Наконец, мы понимаем кто он. Мы смотрим на Пекаря собственной персоной. Загадочного человека, ответственного за арбузные убийства.

Пекарь поворачивается ко мне и Пиллару.

— Ты попался на крючок, Профессор Пиллар, — говорит он. — Ты и твоя ученица Страны Чудес, сегодня вы умрете. Только настоящая Алиса сможет найти выход отсюда.

Шок достигает апогея. Не смотря на то, что его глаз мы не видим, ухмылка на его лице предназначена нам. Он каким-то необъяснимым образом видит нас. Даже Пиллар рядом со мной чувствует себя глупцом.

— Неужто он заманил нас сюда на верную смерть? — Пиллар шокирован не меньше меня. Никогда не думала, что застану этот день.

Толпа начинает бежать, куда глядят глаза, бессмысленная беготня.

Повар, он же Пекарь, распыляет перец во все стороны, словно безумец, распространяя по всему миру Чуму.

Все вокруг меня чихают. Эффект быстрый и внезапный.

Один чих.

Два чиха.

Три чиха, и если к четвертому вы еще стоите на ногах, то вам смело можно выдать свидетельство о смерти.

Неужели я и вправду умру здесь? Разве Джек не обещался умереть за меня? Если я не в силах найти выход, стало быть, я — не Настоящая Алиса? Настоящей Алисой?

Мне грустно от того, что те, кто не умрет от чиханья, будут растоптаны под ногами безумствующей и паникующей толпы, пытающейся убежать. Некоторые люди пытаются выбить двери, но они сделаны из стали и на них установлены кодовые замки извне. Интересно, охранники в курсе того, что происходит внутри зала? Возможно, они тоже замешаны в этом преступлении, или же Чешир вселился в каждого из них?

Сейчас, мне лишь остается ждать первого чиха, удивляясь, зачем я вообще оставила свою уютную палату в лечебнице. Я все же признаю. В безумии есть свои плюсы.

Неожиданно, мои глаза, будучи уже на мокром месте, встречаются со взглядом Пиллара. Никогда бы не подумала, что увижу подобное выражение на его лице. Он шокирован не меньше меня, глядя на бесконечно чихающих людей вокруг нас. Умирать от чихов — не только унижительно, но и страшно.

— Ну, что ж. — Пиллар обдумывает свои последние слова. — Меня все терзала мысль о том, что я умру не от икоты, так от чихания. — Он выглядит сердитым, что Чешир и Пекарь одурачили его.

Внезапно, до меня доходит, что у меня есть право на последнее желание.

— Пиллар. — Хватаю я его за воротничок. — Перед смертью мне нужно узнать, кто такой Джек.

— Не беспокойся на счет своего бойфренда, Алиса, — отвечает он, выглядывая из-за моего плеча. — Ты встретишься с ним через несколько минут, когда мы умрем.

Мои руки безжизненно падают вниз. Я уже ни в чем не уверена. Это еще одна Уловка — 22, я полагаю. Если я умру сейчас, я уже не буду сумасшедшей. Какой прекрасный способ доказать чье-либо благоразумие.

— Мы были вынуждены разгадать цепь загадок, которые лишь привели к нашей же собственной смерти, — последние слова Пиллара, прямо перед тем, как я чихнула в первый раз.

Королевские покои, Букингемский дворец, Лондон

Королева Англии потягивая свой пятичасовой чай, сидит в бамбуковом кресле в частном саду, окруженная своими Вельш-корги. Она одета в теплое красное пальто, подходящее по цвету к красной шляпке с белыми перьями, и вплетенными в нее цветами. Впрочем, чай она не очень-то жалуется.

Несколько часов назад ей стало до смерти скучно, и она делала селфи у себя в комнате. Селфи отстой, когда у тебя с трудом получается улыбаться, решила она. Так что она делала снимки своих Бразильских орехов, которые выглядели еще аппетитней на фото с высоким разрешением.

Теперь же, попивая свой чай на балконе, она кого-то ожидала. Королева не любит ждать, но кое-что вышло из-под контроля. Она хотела все исправить, встретившись с нужными людьми.

Еще один глоток чая напомнил ей о том, как она скучает по чаепитиям с Безумным Шляпником. Этот чай Твайнингс, который она потихоньку потягивала, не имел ничего общего с его безумной изобретательностью — и ох, теми безумными вечеринками. Но эти времена уже позади. Она теперь даже не уверена, что Безумный Шляпник станет на ее сторону, если Война Страны Чудес все же произойдет.

Она задумалась над тем, так ли уж необходима эта война. Но ведь люди любят войны, хочет она того или нет. Война всегда была прибыльным делом, и годы подавляемого гнева выливались в реки крови. Но Войны Страны Чудес были совершенно иными. Кровь, пролитая в сражениях, была лишь задним фоном. Это была война разума. Война истины. И более, нежели все остальное, война безумия. Тот, кто сможет оставаться в своем уме достаточно долго — победит.

Королева отхлебнула своего плохого чая и выплюнула его на пол рядом со своей любимой собакой. Не Бульдогом. Рядом с Безумным Псом, своей любимой корги. Она уже избавилась от запора и теперь чувствовала себя гораздо лучше. Собака слизала чай с пола, а затем умоляюще взглянула на хозяйку. У нее были глаза цвета бледного жемчуга.

— Больше никаких орехов сегодня, — объявила Королева. — Они вызывают привыкания и стоят мне целого состояния. И у тебя снова будет запор.

Собачка выглядела разочарованной.

— Прошу извинить меня за опоздание, Ваше Величество, — Маргарет Кент явилась в своем сером деловом костюме. На левой руке у нее красовалось кольцо с кровавым диамантом, в двадцать четыре карата. Но не это отвлекало от ее раздраженности на ее хирургически измененном лице. Прекрасная женщина из Парламента сегодня выглядела чрезмерно уставшей.

— Извинения приняты, — Королева взмахнула рукой в белой перчатке. — Тебе повезло, что я не могу отрубить тебе голову, — пробормотала она с фальшивой улыбкой на лице, которая открыла ее супер-белые зубы. — Ты мне по-прежнему нужна.

Маргарет Кент села рядом с ней, не в силах больше смотреть в глаза Ее Величеству.

— Я знаю, что ситуация вышла из-под контроля, — начала она. — Никогда бы не подумала, что Чешир зайдет так далеко.

— А он и не зашел бы так далеко, если бы не вернул свою ухмылку, — Королева налила себе в чашку еще чая, чтобы выпить его и сплюнуть на пол, как и предыдущую. — Это была ужасная ошибка. Ты должна была остановить его.

— Это все из-за Алисы Уандер, — сказала Маргарет. — Она отдала Чеширу его ухмылку, чтобы спасти жизнь одной несчастной девчужке.

— Это не Алиса, — Королева потянулась за ложечкой, раздраженная пятном на ней.

— Как Вы можете знать это, Ваше Величество? — спросила Маргарет. — Вы уверены?

— Уверена, — Королева уставилась на ложечку, подумывая над тем, чтобы отрубить слугам головы.

— Но снадобье Кэрролла заставило нас позабыть ее истинный облик, — задумчиво произнесла Маргарет. — Таким образом, он защитил ее от нас.

— Это правда, — Королева подозвала свою любимую корги, чтобы та облизала ложку для нее. — Но так же зелье Кэрролла не дает Настоящей Алисе понять, кто мы такие на самом деле. — Собачка облизала ложку, и Королева вернула ее назад в чашку, размешивая два кубика сахара внутри. — Если бы это была настоящая Алиса, она бы узнала нас всех и поубивала.

— Это наиболее вероятное предположение, — говорит Маргарет. — Но ведь произошел инцидент, в котором Алиса убила всех своих друзей в автобусе. Может быть, поэтому она все забыла.

— Если и так, под влиянием Пиллара она бы уже все вспомнила, — Королева снова потягивает свой чай.

— Я сомневаюсь, что Пиллар не знает что делает, — говорит Маргарет. — Если он выбрал девушку, и считает, что она — Алиса, у него есть на то веские доказательства.

— Конечно же, Пиллар знает, что делает, — Королева удивилась, почему на этот раз в ее чае оказалась собачья слюна. — Он играет с нами в игры.

— Я не понимаю, Ваше Величество.

— Будь проклят этот чай! — Королева снова выплюнула свой чай на пол. Собака слизала его. — Пиллару против нас нужно сильное оружие. Что может быть лучше, чем иллюзия того что он нашел настоящую Алису?

— Думаете, он выбрал обычную девушку и играет с нами?

— Не обычную девушку, — Королева снова наливает себе чай, надеясь, что в этот раз там не будет слюны собаки. — Он очень мудро выбирал ее. Подумай сама: безумная девушка, убила своих друзей, а теперь твердит, что она Алиса из Страны Чудес. Почти каждая девушка в стране мечтает стать Алисой, съесть гриб, вырасти до немыслимых размеров, и стать сильнее. Пиллар же выбрал беспокойную, одинокую, безумную девушку, затем использовал ее необычную историю, чтобы состряпать из всего этого маленькую милую сказочку. Кроме того, ему нужна была одинокая и запутавшаяся девушка, способная поверить в его рассказы о том, что она — Настоящая Алиса.

— Значит, нам не стоит беспокоиться о Пилларе?

— Тебя должен беспокоить весь бардак, происходящий в этой стране! — Королева потянулась за своей ложечкой, но остановилась. Она решила использовать новую ложечку, чтобы быть уверенной в ее чистоте. — Голова в футбольном мяче на глазах у миллионов зрителей? После арбузы, нафаршированные детскими головами? А теперь массовое убийство в театре Друри Лейн? — она уставилась на новую ложку и убедилась что она чистая. Улыбка появилась на ее лице, когда она начала размешивать нею сахар. — Смерть от

перца? — спросила она Маргарет Кент. — Что за чертовщина!

— Этого больше не повторится, я обещаю, — говорит Маргарет Кент. — Чешир помог Пекарю сбежать из психушки. Он научил его своим грязным трюкам и помогал ему с убийствами. Он обратил гнев Пекаря против всех нас.

— Пекарь всегда был зол из-за произошедшего с ним в Стране Чудес, — говорит Королева.

— Не только в Стране Чудес, — начинает Маргарет, но Королева прерывает ее взмахом руки.

— Довольно, — видимо Королева больше не хочет углубляться в эту тему. — Я не хочу ничего из этого вспоминать, — она решила еще отхлебнуть своего чая, когда встретила взглядом со своей любимой корги. Она опустила руку и дала собачке хлебнуть из чашки. Если она не может дать ей несколько орехов, может, хоть чай сделает собачку счастливее. — Ты должна была убить Пекаря, я имею в виду Повара из Страны Чудес, — сообщает она Маргарет и откидывается в кресле.

Маргарет вздыхает.

— Должна была, — она изо всех сил старается избегать взгляда Королевы.

— На этот раз Пекаря нужно остановить, Маргарет, — говорит Королева.

Маргарет молча, кивает, уставившись себе под ноги.

— Убийства людей — наихудшее из того, на что он способен. Тебе ведь известна настоящая угроза, которую являет собой Пекарь, — добавляет Королева.

— Я знаю, — говорит Маргарет. — Он мог бы разоблачить...

— Тсссс, — Королева снова предупреждает ее. — Я сказала, что даже не хочу об этом разговаривать. Этого же хочет и Чешир. Он хочет раскрыть секрет, который ты едва не выболтала. Британцы, да и остальной мир, не должен ничего знать о наших секретах.

— Будь ты проклят, Чешир! — вздыхает Маргарет. — Не следовало нанимать его в качестве киллера, тогда бы он не узнал так много. Но у меня было столько грязной работенки, о которой следовало подсуетиться. Судан, Ливия и...

— Я сказала, довольно, — Королева начинает терять терпение. — Ты говоришь так, словно мы единственные кто занимается грязными делишками. Думаешь, американцы не занимаются тем же? А страны третьего мира, чем они лучше нас? Если хочешь править, приходится чем-то жертвовать.

— Вы правы, — Маргарет изображает закрытый на замок рот. — Я просто иногда озадачена тем, на чьей стороне Чешир. А на какой стороне мы? И Пиллар, на чьей стороне он, черт побери?

— Сейчас нам не нужно этого знать, — Королева потягивает свой чай с непревзойденным восторгом. — Война Страны Чудес невозможна без Настоящей Алисы. Все что нам нужно сделать — поймать Пекаря. И у меня есть четкое представление как это сделать, — Королева облизнула губы, обиженная тем, что собачья слюна в ее чае появляется снова и снова.

— Как, Ваше Высочество?

Недовольная вкусом чая, Королева встает и швыряет чашку об стену. Маргарет пригибается, чтобы увернуться от летящей чашки, а Бешеный Пес бежит слизывать чай с пола.

— Чертов ужасный чай, все время отдает собакой! — восклицает Королева.

Маргарет задумывается над тем, что ей лучше сейчас же уйти отсюда. Но затем

Королева делает глубокий вдох и немного успокаивается.

— Чтобы остановить Пекаря, ты должна найти Чешира. Давай заключим с ним договор. Пообещай ему кусок пирога.

Дом Алисы Уандер, Фолли Бридж 7, Оксфорд

Девушка у двери была вся в слезах. Она стояла лицом к лицу с матерью Алисы, не в силах вымолвить ни слова.

— Что случилось? — мама Алисы покачала головой, почти предвосхищая то, что скажет ей девушка.

— Простите, но ваша дочь, Алиса Уандер, умерла вчера, — объявила девушка. Мать Алисы опустилась на колени, держась за руки девушки, словно всегда боялась что ее дочь умрет такой юной.

— Как она умерла? — поинтересовалась Эдит, старшая сестра Алисы. Ее тон был любопытным и неверующим. Она стояла в нескольких шагах от порога, не в восторге от сентиментальности матери.

— Она находилась в театре Друри Лейн, когда зрители погибли от отравления перцем.

— Нет такого понятия, как "отравление перцем", — Лорина, вторая сестра Алисы, проворчала из-за спины Эдит, подпиливая ногти. Смерть сестры, казалось, не тронула ее. Не смотря на это, ей все же интересно было узнать, как та умерла. — Зрителей отравили чем-то очень похожим на перец.

— Это не так, — Эдит ударила по руке свою сестру, чтобы та прекратила пилить ногти. Этот звук сводил ее с ума. — Они умерли от чиханья.

— Нельзя умереть от чиханья, Эдит, — Лорина закатила глаза. — То же самое, будто человек умер от слишком большого количества косметики.

— Если человек может умереть от икоты и смеха, то может умереть и от чиханья, — сказала Эдит, не отрывая глаз от незнакомой девушки у двери.

— Заткнитесь! — завопила их мать. — Ваша сестра — мертва!

— Аллилуйя! — Лорина снова закатила глаза.

— Мы еще не уверены, Лорина. Рано радоваться, — сказала Эдит. — Почему Алиса была не в психушке? Она сбежала? — спросила она девушку у двери.

— И куда? В театр? — Лорина снова почувствовала желание закатить глаза.

— Если только она не сумасшедший повар, который заставил чихать зрителей до смерти, — захихикала Эдит и дала пять Лорине.

— Она не была поваром, — вежливо ответила девушка у двери. — Она погибла. Примите мои соболезнования.

— Вы здесь затем, чтобы отдать нам свидетельство о ее смерти? — любопытствовала Эдит.

— Нет, боюсь вам придется самостоятельно забрать его, после того как вы опознаете ее тело в морге.

— Не собираюсь я идти в какой-то там морг, — заявила Лорина. — Я только что сделала прическу.

— А у меня встреча... по укладке волос, — ответила Эдит.

— Я пойду, — мать, дрожа, поднялась на ноги.

— Но я здесь не за этим, мадам, — сказала девушка у двери. — Я здесь, чтобы взять у вас фото Алисы Уандер для некролога, который сделает Королевский Театр в память

погибшим.

— Я дам вам фотографию, — предложила мать.

— Я бы предпочла выбрать сама, если вы не возражаете, — сказала девушка. Две сестры бросили на нее долгий, подозрительный взгляд. — Для вас полагается огромная компенсация, если я сама выберу фотографию, которая будет соответствовать стандартам нашего театра, — добавила девушка.

— Ох, — произносит Эдит, не обращая внимания на всю абсурдность просьбы девушки. — Что ж Вы сразу не сказали? Пожалуйста, проходите. Вы, случайно, не знаете, сколько театр нам заплатит?

Комната Алисы Уандер в доме ее матери

Загадочная девушка попросила, чтобы ее оставили в комнате одну. Чтобы две сестры выполнили ее просьбу, она дала им в награду билеты: пожизненный запас продовольственных талонов в большинство ресторанов быстрого питания Британии и искренние соболезнования от Королевского Театра о смерти их дочери.

Пухленькая Эдит с веснушками на лице, не могла скрыть своего волнения. Еда на всю жизнь? Теперь ей не придется беспокоиться о деньгах потраченных на батончики Сникерс, пироги Червонной Королевы или последние Мяу-Маффины.

Лорина же, заявила, что не сможет часто пользоваться билетом, потому что она заботится о своей фигуре — и конечно, о своих изнеженных ноготках. Она сказала, что пригласит всех своих друзей и сделает их своими должниками. По ее мнению, друзья всегда должны были ей чем-либо обязаны.

Мать Алисы сказала, что раздаст еду бедным, и попросит их помолиться за ее умершую дочь.

— Чокнутую дочь, — поправила Эдит свою мать. — Тот факт, что она умерла, не отменяет того, что она была чокнутой. Если плохие люди попадают в ад, а хороший в рай, куда же отправляются безумцы? — она решила, что это весьма презабавная мысль, и посмеялась над своей собственной шуткой.

— Она и вправду была безумной? — поинтересовалась девушка из театра.

— С тех пор как ей исполнилось семь лет, — ответила Лорина, недовольная пятном на билете.

— Правда? Что же случилось? — спросила девушка, собираясь войти в комнату Алисы.

— Она потерялась, когда была еще ребенком, — ответила Эдит. — А когда она вернулась, то сказала...

— Сказала что? — девушка оказалась на редкость любопытной.

— Она вообразила себя Алисой, и заявила, что побывала в Волшебной стране, и вернулась назад, — ответила Лорина. — Она чокнутая, в этом нет никаких сомнений.

— Ты еще не все рассказала, — вмешалась Эдит. — Почему ты скрываешь самую интересную часть о возвращении Алисы?

Девушка из театра едва не подпрыгнула. Ей наверняка, захотелось услышать об этом.

— Так что же было самое интересное?

Лорина пожала плечами. Эдит оглянулась и посмотрела на маму. Она окинула взглядом дом, желая убедиться, что никто не подслушивает.

— Когда она вернулась, ее платье было испачкано кровью, — прошептала она, вытянув шею вперед, — а еще в ее руке был сверкающий кухонный нож, залепанный чьей-то кровью.

Глаза девушки широко распахнулись. Сестры или ненавидели Алису, или рассказывали самую странную правду. Она решила, что хватит с нее этой семейки. Перед ней стояла конкретная задача. Ей нужно выполнить ее как можно быстрее, и поскорее выбираться из этого дурдома.

Внутри комнаты Алисы, девушка не стала разглядывать фотографии самой Алисы. Вместо этого, она обращала внимание на все, что было связано с друзьями Алисы, аварией

или Адамом Дж. Диксоном.

Несколько мгновений спустя, девушка, оказавшись уже за пределами дома Алисы, стояла напротив знаменитого Радужного Озера, которое вытекало из реки Темза. Это место было знаменито еще и тем, что здесь Льюис Кэррол обрел вдохновение и впоследствии написал Алису в Стране Чудес. Но этого девушка уже не знала. Ей заплатили, что она пришла сюда, одурачила семью Уандеров и проникла в комнату Алисы. Миссия выполнена. Она взяла телефон и набрала номер.

Сад Том Квад, Крайст Чёрч, Оксфордский Университет, Оксфорд

Выслушав девушку по телефону, я пару раз киваю и благодарю ее. Кладу трубку и, откинувшись на спинку лавочки, смотрю на Том Тауэр в Оксфордском университете. Небо над головой серо-голубое. Дождь стекает по моему лицу, словно слезы. Делаю глубокий вдох, закасывая рукав свитера, который выменяла у той самой девушки по телефону. Она отдала мне его, вместе со своими туфлями и брюками, в обмен на мое окровавленное театральное платье. Платье прекрасное, вспоминаю я ее слова. Кровь можно отстирать.

В Крайст Чёрч продолжает моросить мелкий дождик. Те немногие студенты, что находились в саду, теперь скрылись в безопасных и сухих залах университета, оставив меня одну в самом его центре. Я не собираюсь уходить. Мне нравится, как вода стекает по моему лицу. Это помогает мне поразмыслить над тем, что сказала девушка по телефону.

— Иногда я спрашиваю самого себя, что если дверь в Страну Чудес скрыта где-то здесь, в университете? — раздается голос Пиллара за моей спиной. Я не звала его, но он сам нашел меня. — Представь, что настоящая кроличья нора прямо у тебя под ногами, — он присаживается рядом со мной и наклоняется вперед. Он опирается подбородком на свою трость и смотрит на Том Тауэр как послушная собака.

— Как Вы меня нашли? — спрашиваю я.

— Люди склонны посещать определенные места, когда чувствуют себя потерянными, — говорит он. — Места, которые напоминают о Боге, разными способами. Будь то отец, мать, священник, вторая половинка, церковь, мечеть, синагога, или даже настоящий Бог, — он потирает нос в преддверии чиха, последствие бесконечного количества перца которого мы нахватались в театре Друри Лейн. Слава Господу, мы не нанюхались его до смерти. — Для девушки вроде тебя, персонажа книги, вне сомнений Богом для тебя является тот человек, что написал ее.

Пиллар прав, а я ненавижу, когда он прав. Я пришла сюда в надежде встретиться с Льюисом, пройдя через маленькую дверь в Том Тауэр. Я пришла сюда, чтобы спросить его, что значат видения о Викторианской эпохе и почему он "не смог их спасти". И если будет возможно, я хотела спросить, как у него получалось оставаться таким причудливым и оптимистичным в такие трудные времена. Может быть, воспользовавшись его советами, я смогу справиться с жестоким миром, в котором живу.

— Как мы выбрались из театра? — не глядя на него, я нарушаю тишину по-прежнему не отрывая взгляда от Том Тауэр.

— Это зависит от твоего последнего воспоминания, — он откидывается назад, обеими руками держась за трость.

— Я помню чиханье, и затем вы дунули мне в лицо дым из своего кальяна. Затем думаю, я...

— Потеряла сознание, верно.

— Что случилось после того как я отключилась? Мы единственные кто сумел выбраться из закрытого театра?

— Мы сбежали тем же способом, каким я покидаю свою закрытую палату в лечебнице, — я чувствую гордость в его словах.

— Это не ответ.

— А это и не был ответ, — отвечает он. — Подобным образом ты сбежала из моего лимузина, после того как я тебя спас.

— Я очнулась в перепачканном свиной кровью платье, — объясняю я. — Чувствовала себя ужасно и хотела побыть подальше от всех.

— Даже от меня?

— Особенно от Вас.

— Не смотря на то, что я спас тебя от чихотошной смерти?

— Вы сделали это не ради меня. У вас есть какой-то план, и меня он больше не интересует. Я всего лишь хочу узнать, как я осталась в живых.

— Почему для тебя так важно знать это?

— Чтобы убедиться, что я не сумасшедшая, — я пожимаю плечами. — Чтобы убедиться в том, что все это происходит на самом деле.

— То, как я ускользаю из закрытых комнат должно остаться в секрете, — говорит он. — Тут я тебе не помощник.

Предположение Доктора Тракла о Пилларе и Гудини теперь кажется весьма вероятым.

— Вы фокусник, Профессор Пиллар? — я поворачиваюсь к нему, и сама посмеиваюсь над своим бессмысленным вопросом.

— Разве люди способны увидеть магию, если они верят только фактам? — он произносит эту фразу словно поэт, цитирующий Шекспира.

— Еще один расплывчатый ответ, — я разочарованно вздыхаю. — Пора бы уже прекратить требовать от Вас ответы. Знаю, что найду их где-нибудь в другом месте, если спрошу нужного человека. — Я оглядываюсь на башню.

— Так вот зачем ты подослала ту девушку в дом к матери, чтобы собрать информацию относительно инцидента с автобусом?

Я не удивлена, что он знает, но мне плевать. Я решаю промолчать.

— Нашла она что-нибудь полезное?

— Фотографии моих друзей, некоторые из них она прислала на мой телефон.

— Узнаешь кого-нибудь?

— Нет. Она также нашла бесконечное количество клочков бумаги исписанных моих почерком.

— Там написано что-то особенное?

— Я не могу вернуться в прошлое...

— ...потому что тогда я была кем-то другим, — заканчивает он.

— Снова и снова. Не хотите поделиться со мной, что это значит?

Он неохотно пожимает плечами.

— Что действительно меня беспокоит, так это то, что она не нашла никаких доказательств о существовании Тигровой Лилии в моей комнате, — говорю я. — Я имею в виду, если я так привязана к этому цветку, почему его нет ни на одной фотографии, или почему в комнате нет ни одной книжки о цветах?

— Забудь ты про свой цветок, — говорит он. — Она нашла какие-нибудь фотографии Джека?

— Да. Очень хорошие фотографии. Мы были влюблены, — я сдерживаю одинокую слезу, сжимая телефон.

— Откуда ты знаешь, что вы были влюблены?

— То как мы смотрели друг на друга. Такой взгляд бывает лишь у влюбленных.

— Всего то?

— Вы не поймете, — говорю я. — Есть одно фото, где я и Джек находимся на каком-то вечере, посвященном "Алисе в Стране Чудес, где-то в Оксфорде, я предполагаю.

— "День Алисы", — говорит он. — Обычно празднуется целую неделю, начиная с 7 июля. Люди одеваются в костюмы Алисы и едят пирожные. Парад начинается прямо там, у магазина Alice Shop, в который ты не так давно навевывалась, дальше по улице, — он указывает за ворота университета. — И что дальше?

— На этом фото я одета в костюм Алисы. А Адам... — я пожимаю плечами, — Бубновый Валет, притворяется одной из карт Королевы.

— Понятно, — он постукивает тростью по траве.

— Поэтому я и придумала себе Джека? — я поворачиваюсь к нему лицом. — Это воспоминание было так важно для меня, что я решила, будто Адам воскрес в качестве Джека? Это правда?

— Я думал, ты уверена в его существовании. Много других людей тоже его видели, не так ли?

— Но Вы никогда не признавались, что видите его

— Я указал на Джека в театре и спросил ведущего, почему бы не одеть его в костюм Чешира, разве нет?

— Возможно, вы блефовали, — предполагаю я. — Чтобы избавиться от костюма Чешира. Даже если так, почему Вы сделали вид, что не видели его раньше? Почему Вы сказали, что я встречу с Джеком через несколько минут, если умру в театре?

— Твоя жизнь не станет проще, узнай ты настоящую личину Джека, Алиса, — он говорит со всем уверенностью мира в голосе.

— Но Вы расскажете мне об этом лишь когда миссия подойдет к концу?

— Я могу рассказать тебе об этом хоть сейчас, если пожелаешь, — он оборачивается и смотрит мне в глаза.

Я не выдерживаю взгляда. Я не ожидала, что он так скажет. Рот приоткрывается. В груди слишком много смешанных чувств.

— Я так и думал, — говорит он. — Ты еще не готова узнать правду. Это типично для людей, которые не в силах справиться с ответами на свои вопросы. Вопросы задавать легко. У каждого есть вопросы. Ответы получать трудно, и порою очень неприятно.

Пиллар как всегда прав. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Я не умру, если узнаю правду на день или два позже. Я так боюсь, что Джек лишь плод моего воображения. Я не выдержу, если это окажется правдой. У кого есть парень, вернувшийся из мертвых? Это благословение, не могу отрицать.

В темноте моих закрытых глаз я мельком вижу образ бездомных детей в Викторианской Англии. Это заставляет меня снова открыть глаза и спросить:

— Теперь скажите мне, зачем вы здесь на самом деле.

— Я знаю, кто такой Пекарь, и мне известна причина, которая кроется за всеми его убийствами.

Я подаюсь вперед и смотрю прямо на него.

- Я вся внимание.

— Я не знал повара — имею в виду Пекаря — лично, в Волшебной Стране, — начинает Пиллар. — Я тогда даже не знал его имени. И меня все еще озадачивает, почему они называют его Пекарем. Думаю, ему больше подошло бы имя, вроде — Перчик, — он остановился. — Честно говоря, он был для меня никто; гражданин третьей степени, человек средних лет с множеством детей, если я правильно помню.

— Гражданин третьей степени?

— Низший ранг в Стране Чудес. Таких зовут "Хромоножками". То есть "Проклятыми", — рассказывает он. — Ходили слухи, что он был одним из советников Королевы, специализирующимся в возделывании культур той страны. Но наверняка сказать не могу. Мое предположение — Королева наказала его, отправила восвояси в услужение Герцогине, фаворитке Королевы. Но я не уверен. В Стране Чудес я никогда не бывал в гостях у Герцогини. Я дружил со своими грибами и кальяном больше, чем с кем — либо. Какова бы не была история Пекаря, уверен, Льюис знает ее куда как лучше.

— Вы хоть, по-крайней мере, узнали, почему он так одержим перцем, это упоминалось в книге?

— Понятия не имею, — отвечает он. — Но, должен тебе сказать, это запутанная история, так что потерпи меня и выслушай очень внимательно. — Он поднимается, раскинув руки в стороны, и наслаждается изморосью на лице. — Давай прогуляемся за пределами университета. Терпеть не могу, когда тебе приходится проводить свое свободное от лечебнице время сидя сложа руки.

Я повинуюсь. Он берет меня под руку. Я не возражаю. Мы медленно идем по Сейнт Олдейтс без единого слова. Словно на пару секунд он хочет насладиться обычными вещами. Это действительно помогает мне снова почувствовать себя в своей тарелке.

Пиллар останавливается рядом с несколькими детьми, которые едят шоколадные батончики, и просит один. Я замечаю, что большинство детей полные, как и те, что умерли и те, что я видела в Начальной Школе Ричмонда. Я смотрю, как эти дети уходят. Большинство из них через чур полные для своих лет. Девочка дает Пиллару шоколадный батончик, но он возвращает его обратно и просит двойной.

— Можно мне Твикс. Одна палочка для меня, другая для моей подруги. — Он указывает на меня и ерошит ее кудряшки. Мы продолжаем идти. — Видишь вот этот вот шоколадный батончик? — спрашивает он. — Это Твикс, как и "Счастливый пирожок", и "Пирожное Боржом", и все прочие конфеты производства "Алиса в Стране Чудес", в последнее время наводнившие мир.

— Мяу — Маффины среди всего прочего, — напоминаю я ему. — Ну и что на их счет?

— Не считаешь, что этот батончик слишком велик для своего размера и одиночной порции?

— Вы отвечаете вопросом на вопрос. Я не понимаю.

— Правильные ответы появятся, как только ты начнешь задавать правильные вопросы, — отвечает он, недовольный тем, что я перебила его. — Ты когда — нибудь останавливалась перед магазином фаст-фуда и задумывалась, почему в подобного рода пище столько недостатков? — Он чертовски серьезен. — Все напичкано углеродом, насыщенными жирами, а масла наливается столько, сто теряется упругость и естественный цвет? Ты когда-

нибудь задумывалась, что такая еда ничем не отличается от медленного самоотравления?

— Ну?

— Ну? — Спрашивает он, будто я глупая ученица, неспособная внять профессорским объяснениям. — Ты когда-нибудь изучала ингредиенты только что съеденного тобою гамбургера, или интересовалась, чем они накачивают цыплят, чтобы те в свою очередь выглядели такими жирными и вкусными? Почему мясо ощущается на вкус таким пластмассовым, когда ты его кусаешь?

После недолгого знакомства с Пилларом, я уже знаю, что он никогда не говорит прямо. Мне необходимо сосредоточиться и прочесть между строк. Надеюсь, это к чему-нибудь да приведет.

— Вообще-то, да, — отвечаю я. — Вальтруда Вагнер, медсестра из лечебницы, постоянно ест всякую гадость. Снеки, конфеты и прочую ерунду. Она редко ест настоящее мясо или фрукты с овощами.

— Я рад, что тебе не все равно. — Он взмахивает тростью и идет. Он смотрит на людей так, будто его послали с небес изучить людскую тупость. — Неужели ни один из вопросов, что я только что задал не вызвал у тебя удивления, а какую роль во всем этом играет правительство? Почему разрешается продавать нездоровую пищу, в то время как все эти юные тела отчаянно нуждаются в витаминах, здоровых жирах и протеинах, вместо бесконечных источников глюкозы и кукурузного сиропа?

— Я никогда не думала об этом, но теперь, когда Вы упомянули....

— Как на счет того, что так мало рекламы овощей, фруктов или натуральной еды? — Он словно поезд безостановочных вопросов. — Почему по большей части это шоколад, печенье и газировка?

Я тяну его за руку, чтобы остановить. Он повинуется.

— Что из этого связано с Пекарем? Что конкретно из того, что Вы говорите?

— Этот батончик у меня в руке. Почему в нем две палочки, Алиса? — Он с остервенением стучит им по ладони.

Я читаю обертку.

— Потому что он для двоих людей, а не одного.

— Когда ты в последний раз делилась Твиксом с кем-нибудь, Алиса? — Это был риторический вопрос, как и все остальные. — Ответ — "почти никогда".

— Вы хотите сказать, что Пекарь наказывает нас за то, что мы позволяем детям толстеть в столь юном возрасте; что позволяем им есть еду, которая больше вредит им, нежели помогает вырасти здоровыми? — я пытаюсь пропустить лекцию и перейти к самой сути.

— Если хочешь узнать Пекаря получше, тебе стоит изучить его окружение. — Он держит меня за руки, словно желает пробудить ото сна. — Каждый убийца, террорист или коррупционер, что встречается на твоём пути — отражение общества. Взгляни на мир вокруг нас и его безумие станет для тебя понятным, — отвечает он. — Знаешь, почему большинство террористов и тех, по чьей вине гибнет человечество, никогда не ловят, Алиса? — Впервые за все время — это не риторический вопрос. Пиллар ожидает моего ответа. Он объяснит, почему Войны Страны Чудес вне юрисдикции полицейских, кто следует лишь вещественным доказательствам, да логическим процедурам, упуская при этом основной метод ловли психа: узнать кто он такой на самом деле. — Потому что, чтобы поймать этих безумцев, мы будем вынуждены..., - я смотрю Пиллар в глаза. Меня озаряет.

— Нам придется поставить себя на их место и сойти с ума, чтобы узнать, как именно они рассуждают.

Пиллар отпускает мои руки и улыбается. Теперь я его умная и преданная ученица. Он — довольный профессор. Он лишь добавляет:

— И быть готовым жить с последствиями от воздействия ужасного разума.

- Мы закончили с лекциями? Может, Вы уже перейдете к делу?

Он кивает с закрытыми глазами.

— Тогда расскажите мне хоть что-нибудь, — говорю я. — Расскажите мне что —
нибудь, конкретно относящееся к данному случаю.

— Горгон Рамштайн, — Пиллар открывает свои глаза.

— Что?

— Профессор Горгон Х. Рамштайн.

— Разве он не владелец сети ресторанов "Жирная Утка", которые так славятся своим черепашным супом? — говорю я, припоминая одержимость Доктора Тракла этим самым супом.

— Да, но тут все гораздо сложнее, — отвечает Пиллар. — Горгон Рамштайн является профессором Оксфордского университета, который несколько лет назад бросил вызов компании "Фочн 500", одной из крупнейших в мире производителей продуктов питания, если быть точным.

— Продолжайте.

— Много лет назад, пытаясь приумножить свои доходы, это высоко-квалифицированная компания начала выпускать двойные шоколадные батончики, — говорит он, указывая на шоколадку в своей руке. — Огромный кусок карамели, вдвое больше прежних размеров, врачи даже запрещали его к употреблению.

— И?

— Горгон, специализируясь в области глобального здравоохранения и производстве, научно обосновал недостатки этих батончиков. Горгон доказал, что если употреблять в пищу эти батончики в течении, скажем, целого года не менее одного раза в неделю, то это может привести к медленному отравлению, а так же веской причине для ожирения детей. Таким образом, это медленная смерть британской молодежи.

— Я не понимаю...

— Горгон также доказал, что эти батончики влияют на детские мозговые клетки и вызывают привыкание: становятся зависимыми от большого содержания сахара в них. Эти дети в впоследствии вырастают очень чувствительными ко всему.

— Неужели ни одно специализированное сообщество не заинтересовалось исследованиями Профессора Рамштайна? — Мне самой становится интересно.

— На академическом уровне все нашли его исследования правдоподобными. С другой стороны, правительство относилось к нему словно к человеку — невидимке, — рассказывает он. — Профессор Рамштайн подал иск против продовольственной компании, на основе своих академически доказанных результатов.

— И каков был вердикт?

— Суд был убежден научными исследованиями и постановил приостановить производство двойного шоколадного батончика. Он также оштрафовал компанию на изрядно огромную сумму миллионов фунтов, — отвечает Пиллар.

— Довольно справедливо.

— Год спустя, глава компании одурачил суд и перевыпустил кишачий сахаром двойной шоколадный батончик, якобы для двоих, — говорит Пиллар. — Это был юридически умный ход. Ведь не существовало никаких убедительных доказательств, что половинка может причинить кому-либо вред. Но нам-то известно, что когда ребенку перепадает в руки такая конфетина, он слопает ее целиком. Двойным был только обман.

— А как же прежний вердикт?

— Он больше ничего не значил, — отвечает Пиллар. — Ведь мы говорим о практически новом продукте.

— Что же случилось с Профессором Рамштайном? — предполагаю, в конечном итоге

все должно связаться в одно целое.

— Он не сдался. Он подал еще несколько других исков, но все они были бесполезны, поскольку члены суда сменились. Новые же каждый раз оправдывали продовольственную компанию. Дело было проиграно.

— Даже не смотря на то, что Британские ученые научно подтвердили вред батончика?

— Нет, конечно же, — говорит Пиллар. — Исследования Рамштайна были превосходными и, скорее всего, точными, но в этом безумном мире, что мы живем нельзя запретить даже курение. Черт, в мире до сих пор существуют страны, где все еще разрешены казни.

Не вижу, как все это связано с Пекарем, но я уверена, что Пиллар сумеет подвести черту. Еще, понимаю, что невероятно увлечена историей.

— И где же теперь Профессор Горгон Рамштайн? — спрашиваю я.

— А ты как думаешь, где, Алиса? — Пиллар склоняет голову набок и изображает улыбку Чешира.

— Мёртв? — я борюсь с желанием прикрыть руками рот. — Убит Чеширским Котом?

— Сперва, адвокат Рамштайна был убит в подстроенной автокатастрофе, — отвечает Пиллар. — Знаешь, кто заказал убийство?

— Маргарет Кент. — Слова сами срываются с губ. Пиллар кивает и я издаю долгий вздох, расставляя все точки над *i*. Каким-то образом, все ужасные вещи происходят по воле уродливой Герцогини. — Но почему? Кого защищает Маргарет Кент?

— Тех же самых людей, которые наняли Красных преследовать нас в Ватикане. Те же самые люди, которые стоят за всей коррупцией этого мира. Этим людям выгодны войны, голод и нищета, — отвечает он. — Я не смогу их назвать, но Белой Королеве нравится называть их "те, кто ходят по черным клеткам на шахматной доске жизни". Короче, "Черные Шахматы".

Я беру паузу, чтобы переварить все услышанное. Неужто так устроен мир? Неужели все злодеи связаны одной и той же паутиной жестокости и обмана? Остались ли еще герои, которые пытаются противостоять им..., я мысленно представляю Фабиолу во главе... беспомощную и слабую. Меня конечно же, несколько озадачивает на чьей же стороне Пиллар, но сейчас это кажется неактуальным.

— У меня есть еще один вопрос, — говорю я. Солнце просто утопает под тяжестью откровений Пиллара. — Прежде чем я спрошу Вас, как все это связано с Пекарем, мне бы хотелось узнать название компании, которая продает шоколадные батончики.

— Кто же еще? — Пиллар выпрямляется и ладонью проводит по набалдашнику трости. — Маффит эн Паффит, та же компания, что выпускает пирожные "Червонная Королева" и "Мяу — Маффины".

— Какое — то отстойное название, что злобной организации, тайно управляющей миром.

— Само собой, — соглашается он. — Маффит эн Паффит всего лишь филиал главной компании, которая редко упоминается, и, думаю, управляется наиболее злобными Монстрами Страны Чудес, но скоро мы и до этого доберемся.

— А у этой главной корпорации существует название?

— Ну, а как же, Алиса, — отвечает он. — Черные Шахматы.

— Так каким образом Пекарь имеет отношение ко всему этому? — наконец, удастся мне вымолвить.

— Пекарь считает, что оказывает миру услугу, — отвечает Пиллар. — Как я уже сказал, всей картины я не вижу, но Чеширу удалось подбить его на это, поэтому они разоблачают нас.

— Разоблачают нас? — смеюсь я.

— Нас, то есть, людей, — объясняет Пиллар. — Чешир хочет разоблачить нас. Никогда не слышала о серийных убийцах, который пытаются побудить мир на семь грехов? Мужчина взрывает невинных граждан, чтобы доказать свою точку зрения? Мир полон такого рода безумств.

— Но Чешир ни слова не сказал об этом.... как, собственно, и Пекарь.

— Уверен, вскоре мы о них услышим, — говорит Пиллар. — Им как-нибудь удастся объяснить преступления и, быть может, попросят человечество покаяться в чем-либо. Кто знает, что взбредет в его кошачью голову?

Проигрывая этот разговор в голове, меня кое-что удивляет в поведении Пиллара.

— Честно говоря, я не доверяю Вам, Профессор Пиллар, — произношу я, и в это же самое мгновение дождь начинает лить как из ведра. — Последние два дня Вы ели как сумасшедший, вытворяли множество разных безумств касательно еды, а теперь говорите, что Пекарь наказывает мир за то, что тот позволяет есть детям вредную пищу. — Я выплевываю дождь. — Потом Вы рассказываете мне все, что Вам известно о Горгоне Рамштайне, а я даже понятия не имею откуда Вы все это знаете. Вы говорите так, будто Вас заботит человечество, в то время как я знаю, что Вам глубоко на него наплевать. И Вы еще ожидаете, что я поверю, будто Вам есть дело до людей?

— Вовсе нет, — отвечает он. — Мне наср*ть на этот мир. — Он подзывает здоровяка, который спешит, пробегает мимо, пытаясь укрыться от дождя. — Я похож на того, кто ср*ть хотел на этот мир?

— Иди в задницу. — Мужчина показывает ему средний палец и уходит.

— Ты спрашивала меня о Пекаре и почему он убивает. Я всего лишь рассказываю тебе, Алиса. — Пиллар поворачивается ко мне, его взгляд замечает слишком большое количество людей, которые одновременно пялятся в свои телефоны. Их действия также вызывают у меня подозрения. Но я вынуждена прекратить этот разговор.

— Тогда, докажите это. — Я делаю шаг вперед. — Докажите, что все, что Вы только что мне сказали — правда!

— Мне это и не нужно, — отвечает Пиллар, доставая телефон из кармана. В то же самое время мой телефон жужжит.

Что происходит?

Я кликаю по новому сообщению. Появляется ссылка на видео. Я открываю ее. Оно в режиме настоящего времени, и все остальные, включая Пиллара, сейчас его смотрят. Это Пекарь, он же повар, он же арбузный убийца на прямой связи по интернету обращается к миру.

Присутствие Пекаря в прямом эфире повергает всех в молчание. Люди на улицах с предельным вниманием смотрят на экраны своих телефонов. Пекарь безжалостно сливает потоки монтированных фото с убийств: голова в футбольном мяче со Стэмфорд Бридж; детские головы, найденные полицией внутри арбузов; чихающая толпа в Королевском Театре. Бойня транслируется по всему миру.

Затем камера показывает голову Пекаря. Он сидит в месте, напоминающем огромной Викторианской кухне с гигантским камином за спиной. Сцена сюрреалистическая. Уникальность кухни сводится к тому, якобы он вещает из прошлого. Этого не может быть. Должно быть другое объяснение. На Пекаре по-прежнему униформа повара; двубортный пиджак теперь одет правильно демонстрируя всем смиренную рубашку. На голове французский поварской колпак. Волосы, словно листья пальмы, закрывают все лицо, кроме изогнутых губ. С ним рядом в поле зрения два сияющих кухонных ножа.

— Добрый день, граждане Великобритании, — его первые слова. Он говорит медленно, уверенно, но небрежно, не по-человечески. — Буду краток и по существу. — Он откашливается. — Как уже прежде вас предупреждал мой друг Чешир., — люди вокруг меня вскрикивают при упоминании Убийцы Чешира. — Любое вмешательство со стороны ваших властей будет устранено. Я прошу вас держаться подальше от всего этого, поскольку в этом вся суть Войн Страны Чудес.

В любом другом случае..., в другом, более разумном мире, быть может...эта фраза показалась бы смешной. *Суть Войн Страны Чудес?* Но это не так. Это настоящая жизнь, безумная по мере своих возможностей.

— Я не безжалостный серийный убийца, — он начинает читать по бумажке. — Я опасен. У моих так-называемых убийств великая цель, — признается он. — Я убиваю детей..., — Вся Британия ахает. — Жирдяев, — объясняет он. — Жирдяев, которые не должны быть толстыми и больными, какими мы их видим на сегодняшний день. — Он замолкает и, прижав руку к лицу, чихает. После этого он выглядит таким уязвимым. На долю секунды. Должно быть, у него есть некий иммунитет к перцу или же это был беспрецедентный случай чиха. — Вы мерзкая, неблагодарная пародия на общество, — продолжает он, в то время как прядь волос сдвигается, на мгновение, открывая его глаза. Или даже скорее на один глаз, вторая глазница пуста. Теперь он определенно не выглядит уязвимым. Женщина рядом со мной теряет сознание прямо на улице.

— Вот несколько фактов, которые вам следует знать, чтобы понять, почему я это делаю, — он продолжает читать. — Каждый пятый Британец имеет избыточный вес. — Он делает быстрый вдох. — Среднестатистический Британец весит на три раза больше, нежели двадцать лет назад. Ваше поколение детей толстое и больное, у них самый высокий показатель диабета в истории и довольно серьезные заболевания для их возраста.

Пиллар рядом с какой-то старушкой, складывает руки на груди и шепчет:

— Мне плевать. Я на диете Доктора Оза. Не волшебника, а врача, конечно же.

Женщина игнорирует его, ее взгляд прикован к телефону.

— Пищевая промышленность не менее опасна, чем сигаретная. — Пекарь звучит гораздо образованней обычного Викторианского повара, готовящего для Герцогини. — Пищевая отрасль медленно убивает вашу нацию. Я знаю, что вы боитесь апокалипсиса, но

поверьте мне, вы долго не проживете, продолжая питаться подобным образом. — Он тянется за стаканом воды, медленно пьет и откашливается. Судя по тому, как он держит стакан, о нем можно сказать, что он человек несколько другого калибра, нежели я считала. Кто же ты такой, Пекарь? Я чувствую, что знаю, но не могу сложить все воедино. — Компании тратят миллионы фунтов на маркетинг своих продуктов. Они утраивают свою прибыль на детях, которые клянчат у родителей ту или иную дрянь. Дети вырастают больными. Медицинская промышленность делает на этом деньги, ребенок — теперь пациент. Доктора выписывают нам лекарства для того, чтобы нам якобы стало лучше....и это ложь..., чтобы мы потратили еще больше денег. Это бесконечно замкнутый круг.

— Вот и Уловка — 22! — Пиллар щелкает пальцами. Несколько человек бросают на него пронзительные взгляды. Он прячет пальцы обратно в карман. — Извините, не знал, что щелкать пальцами невежливо.

— Вы, должно быть, спрашиваете самих себя, кому это выгодно? — Пекарь смотрит на камеру, отрываясь от бумаги. — Люди, проснитесь и задайте себе вопрос, каким образом вы становитесь толстыми, больными и без гроша в кармане, если все это не ваша вина.

— Ну, конечно же, они во всем виноваты, — говорит Пиллар. — Никто не заставлял их есть так много. Люди снова смотрят на него. Пиллар изображает, будто закрывает рот на замок.

— Мы живем в век "купи одно и получишь другое бесплатно", — говорит меж тем Пекарь. — Ничто в этом мире не дается бесплатно.

— Пекарь скорее напоминает мне Вилли Вонку из "Чарли и Шоколадная Фабрика". - не сдерживается Пиллар. — Я боялся его до лысых чёртиков.

На этот раз никто не смотрит на него. Думаю, они его даже не слышат. Сообщение Пекаря требует всеобщего внимания, верят в его теории или нет.

— Теперь, когда я всецело завладел вашим вниманием, вот чего я хочу, — говорит Пекарь. — Во-первых, самое легкое. — Теперь убийца качает права. — Я хочу личные извинения от Королевы Англии и Парламента к жителям Британии за то, что позволили пищевой промышленности манипулировать нами и загубить здоровье наших детей. — Он замолкает. — Во — вторых, я хочу, чтобы провели тщательное расследование по делу о пищевой отрасли, подкрепленное исследованиями Профессора Горгона Рамштайна, и виновные понесли наказание. Я требую, чтобы их доходы разделились среди бедных жителей Британии поровну.

— Довольно благородные требования от человека, которые начиняет арбузы отрубленными головами детей, — бормочет Пиллар. — А он не будет столь любезен продемонстрировать нам, как у него получается запихивать их головы в арбузы? — Пиллар по большей части говорит сам с собой.

— Если эти требования не будут выполнены к пяти часам завтрашнего дня, — объявляет Пекарь, — я отравлю британских детей теми же самыми сладостями, от которых они разжирили. — На этот раз пауза гораздо дольше, словно он обдумывает то, что сказать далее.

Я оглядываюсь. Все затаили дыхание. Они знают, что вот-вот увидят нечто такое, к чему не готовы, но вынуждены испытать.

— Если после всех этих убийств, у вас еще остались какие-либо сомнения, — говорит Пекарь, — вот снимки из города Мадфог, в семидесяти милях от Лондона, сделанные пару минут назад.

В эфире появляются кадры Мадфога, тихого и мертвого, словно это самый безлюдный

город на земле. Затем, камера делает приближение, чтобы показать, что все замертво лежат на земле с белой пеной у рта. Еще ближе, камера демонстрирует бесчисленные упаковки из-под Сникерсов, Пирожных "Червонная Королева" и прочих сладостей и напитков, которые раскрытыми, валяются тут и там. Кадры меняются на съемки, сделанные час назад. На экране горожане повсеместно вгрызаются в батончики. Затем, внезапно детей начинает тошнить, одной рукой они держатся за животы, сласти Страны Чудес повсюду. Остальные жители Мадфога один за другим разделяют эту судьбу.

— Потребовалось несколько минут, чтобы убить город с населением семьсот тысяч жителей. — На экране снова появляется Пекарь. — Если у вас есть сомнения касаясь моих способностей отравить вашу еду, спросите себя, как я смог засунуть отрубленные головы в арбузы.

— Видишь? — говорит Пиллар.

— Мне понадобится всего несколько часов, чтобы убить всех в Лондоне, — говорит Пекарь. — А затем, я отравлю вашу воду. Отомстите людям, которые вас обманули или умрете. — Его угрожающий тон уверен и безошибочен. — Даже если вам удастся выжить, спросите себя: что если вся еда будет отравлена, что же вы будете есть?

Трансляция резко обрывается логотипом с оскалом Чешира на экране. Тишина закрадывается в каждый дом и душу Британии.

Тишина воцаряется лишь на несколько мгновений. Это похоже на несколько секунд перед стартом Олимпийских спортсменов, прежде чем весь ад вырывается на свободу. Мир вокруг меня взрывается, люди бегут во всех направлениях. Одни выдвигают теории, другие паникуют, все прочие наблюдают за теми, кто паникует, подумывая присоединиться к всеобщей панике. Солнце кануло во тьму. Мы пропустили закат. Никто не может гарантировать, что наступит завтра.

— К тому времени, как Королева Англии сядет завтра распивать свой пятичасовой чай, все эти люди могут быть уже мертвы, — произносит Пиллар, качая головой, а после уходит.

— И куда по вашему вы уходите? — я бегу за ним, уклоняясь пешеходов, которые чуть не сбивают меня с ног. — У нас еще полно работы!

— Это у *тебя* еще полно работы. — Он идет, не останавливаясь.

Паника вокруг нас усиливается. Люди спорят о том, что еда тоже может быть отравлена. Одни говорят, что отправлены закуски. Другие же выдвигают предположения, что будут отравлена еда лишь одной фирмы, поэтому можно пожертвовать несколькими людьми, чтобы протестировать еда какой фирмы окажется отравленной, а какая — нет. После возникают вопросы о закупке еды впрок, на случай, если паника на завтра выйдет из-под контроля. Несколько довольно образованных человек спорят, что Пекарь блефует, ведь невозможно отравить еду всех компаний, он противоречит сам себе. Другие же утверждают, что все это пропаганда, чтобы продать еще больше пирожных "Червонной Королевы". Я, не прекращая, выслушиваю все эти теории, протискиваясь сквозь толпу в поисках Пиллара. Я даже слышу, как люди становятся на сторону Пекаря и называют его героем, заявляя, что еда этих компаний ничем не отличается от химических отходов, что они производят. Родители запрещают детям Мяу-Маффины. Наконец, я вижу Пиллара. Я прибавляю ходу и хватаю его за плечо. Он останавливается, вздыхая, но не сопротивляясь.

— Что Вы имеете в виду, что у меня полно работы? — спрашиваю я.

— Я похож на Алису или ты? — отвечает он.

— Что это должно значить?

— Ты — Алиса, ты должна сражаться с Монстрами Страны Чудес, — говорит Пиллар, в то время как кто-то отвлекает его, суетливо бегая рядом. Он пытается удержать равновесие и уйти от запаниковавшего бегуна. — Я пытался сказать тебе уже больше недели, пока ты все это время скулила о Джеке и терялась в догадках, на самом ли деле ты прикончила своих друзей. — Он скрежещет зубами, по-прежнему раздраженный мужчиной, который продолжает нарезать вокруг нас круги. — Только не надо снова ныть о том, что реально, а что нет.

— Вы хотите сказать, только я смогу остановить все это? — Я боюсь, что он подтвердит мои опасения. Не думаю, что сумею с этим справиться.

— Да! — он бьет надоевшего горожанина тростью, а после смотрит на меня пронизывающим взглядом.

— Я... — Правда в том, что у меня нет слов, и самое мое большое желание, чтобы все происходящее сейчас оказалось лишь выдумкой. Мне бы даже понравился этот кошмар, ведь тогда я смогла бы проснуться. Но, кажется, я не проснусь. Страх и паника людей вокруг для меня слишком реальны, чтобы представить себе такое.

Ты — Настоящая Алиса, — говорит он. — Алиса. — Он закатывает глаза. — А я всего лишь гусеница. Впрочем, весьма необычная. — Похоже, он жалеет об этом. — Но лишь я смогу направить тебя, научить и порой даже спасти. Я просто не могу дать отпор Пекарю.

Паникующая толпа по-прежнему вокруг нас, но ощущение такое, словно все они исчезли. Я уже ушла в себя, пытаюсь найти слова оправдания. Видения Льюиса, каждое пережитое мной мгновение, кажется, имеют важное значение. В основном, они о борьбе Льюиса с ужасными условиями детей в Викторианскую эпоху. У Пекаря все то же самое, только в наши дни. Безумие, ведь подобного я и предугадать не могла. Может, стоит рассказать Пиллару о видении?

— Профессор Пиллар, — говорю я.

— Да? — Он вытягивает шею.

— Что я должна сделать, чтобы остановить Пекаря? — я делаю глубокий вдох, сердце бьется все быстрее.

— Из того, что я вижу, ты ничего не сможешь сделать. — Он пытается перекричать толпу. — Не в этой жизни.

На мгновение я растеряна, расстроившись, что он снова будет играть в свои игры. Он рисует в воздухе чей-то другой силуэт тростью и говорит:

— Помнишь, когда он хотел остановить Чешира, чтобы спасти Констанцию? Помнишь, что я сказал тебе, прежде чем мы узнали его мотивы?

— Слабость этого человека кроется в его прошлом.

— Умная ученица. — Кивает он.

— Как нам прямо сейчас удастся узнать что-либо о прошлом Пекаря? — спрашиваю я. — У него нет имени. Нет каких-либо упоминаний о нем. О его жизни в лечебнице мною не расскажешь. Он скрывает свое лицо.

— Мне известно о его прошлом в этом мире, но поверь мне, это не имеет значения.

— Не нужно меня путать, — вежливо говорю я. — На это у нас нет времени.

— Время. — Пиллар размахивает тростью в воздухе и чертит вокруг меня круг, отбрасывая всяческий мусор на своем пути. — Время, Алиса! Ты должна оправиться в прошлое. — Он ведет себя, словно бродвейский актер, того гляди и запоем финальную песню.

— В Страну Чудес?

— Не совсем, но отчасти. — Он продолжает кружить, пританцовывая, словно Джинн Келли из "Поющие под Дождем", в то время как мир вокруг нас рушится на части. — Чтобы узнать настоящие мотивы Пекаря, ты вернешься в прошлое и остановишь то, что с ним произошло и превратило его из повара в серийного убийцу.

— Это вообще возможно?

Он останавливается напротив меня.

— Только если ты — Настоящая Алиса.

— А если нет?

— Ты умрешь, где — нибудь в прошлом, — без обиняков говорит он. — Честно говоря, кому нужна чокнутая девчонка, если она — не Алиса? — Беспечно произносит он.

— Я готова, — отвечаю я.

— Будет трудно.

— Вот только не надо!

— Не буду, — улыбается он. — Так позволь рассказать тебе, как тебе удавалось

путешествовать во времени в прошлое, чтобы спасти будущее. — Он подзывает меня к себе. — И, кстати, Алиса, кто сказал, что у Пекаря нет имени?

— У него есть имя?

— Ну, конечно же. Если бы он только что не заявился на национальное телевидение, у меня было бы время рассказать тебе.

— Зачем тогда мне возвращаться в прошлое, если нам известно его имя?

— Потому что его зовут Горгон Рамштайн.

Кухня Вулси, Крайст Чёрч, Университет Оксфорда

Горгон Рамштайн, облаченный в одеяние повара, нарезал морковь на кухонном металлическом столе на кухне Вулси. На самом деле он ничего не готовил и не собирался. Нарезание моркови было для него своего рода медитацией, чтобы успокоиться и совладать с желанием убить снова. И сейчас и в прежние времена ему случалось случайно пораниться. Ему было плевать. Кровь прекратила отвлекать его внимание еще много лет назад.

А теперь?

Сейчас ничто не имело значения кроме публичного извинения Королевы, до тех пор, пока его требования не будут выполнены.

Горгон снова порезался. На этот раз, гнев его был слишком силен. Он метнул тяжелый кухонный нож в стену и его рев огласил пустую кухню. Нож воткнулся в один из черепаших панцирей, что видели на стене. Прищурив один глаз, он посмотрел на них. *Тот черепаший панцирь*, подумал он. Лишь немногие знали, что именно этот панцирь вдохновил Льюиса Кэрролла на создание персонажа Черепахи Квази. Еще меньше подозревали об историческом значении столь редко посещаемой кухни под Оксфордским Университетом. *Кухня Вулси*. Легендарная оксфордская кухня шестнадцатого века, на которой похоронено и сокрыто множество тайн. Горгон постигал искусство готовки на этой самой кухне. Он узнал о страсти к готовке. Что в ней был и ритм, и темп, и песня и даже танец. Кем были Огюст Эскофье, Алексис Сойер или Изабелла Битон по сравнению с ним? Быть может, их великие имена были вписаны в Викторианские книги истории, но Горгону было известно кое-что еще. Он сам был легендой. Иконой, если будет угодно. Он был не просто поваром. Он был ученым, который стал поваром. Он, как никто другой, подходил ко всему со всей своей дотошностью. Но сейчас все это прошло. И не из-за того, что Маргарет Кент сотворила с его адвокатом и его семьей в этом мире. Его гнев и ненависть вскармливались в течение многих лет, что он провел под жесточайшим гнетом в Стране Чудес.

Он стукнул тяжелым кулаком по столу, припоминая все то, что Червонная Королева сделала с ним в Стране Чудес. Ложки и ножи зазвенели, несколько чашек упали на пол. Боль была настолько сильной, что он упал на колени, охваченный ею. А после слезинка скользнула по его лицу, будто капелька оливкового масла. Слезинка, вышедшая из пустой глазницы.

Медленно, Горгон поднялся и направился к боковому столу, за которым проглотил пару маффинов, целиком, не разжевывая. Горгон любил маффины...и перец. Он обожал их, потому что его дети сходили по ним с ума.

Горгон смыл кровь с рук, глядя на свое отражение в зеркале. Не то чтобы он не видел его прежде, но на этот раз, его облик шокировал его. Из жертвы он превратился в безжалостного убийцу, и он не знал, как к этому относиться.

Вот Чеширу это определенно нравилось.

Горгон выпрямился во все свои шесть футов, четыре дюйма. Его руки были долговязые, но весьма искусные в кулинарии. На нем был надет двубортный белый жакет, который на самом деле был смиренной рубашкой. Той самой, что на него надевали в лечебнице. Основной задумкой повара надевать двубортные жакеты заключалась в том, что их можно

было надевать и так и этак, тем самым маскируя пятна от готовки. В прошлом, когда эта самая кухня гордо именовалась кухней Вулси, на переодевания времени не оставалось, когда как нужно было подать блюдо Викторианским богачам, у которых водилось много денег, чтобы заплатить за угощения. В течении нескольких минут, жакет выворачивался наизнанку, демонстрируя чистую сторону.

Задумка пригодилась Горгону практически в той же целью, когда он совершал преступления, за исключением тех кровавых пятен, что он прятал от предыдущих жертв. Он успевал убить двоих, прежде чем переодеть жакет. Убей, переодень и снова убей. Или еще лучше: убей, переодень, сматывайся, пока выглядишь чистеньким. Никому и в голову не могло прийти, что повара станут серийными убийцами.

Опять же, жакет Горгона защищал его от множества прочих факторов. Плотная хлопчатобумажная ткань жакета защищала его от жара плиты и дьявольской печи в Стране Чудес. Нынешние кухни куда безопасней Викторианских. В те времена готовка была профессией опасной: безумно громадные печи и брызги кипящего варева. Хороший жакет стал необходимостью. В настоящие дни, она помогала ему скрываться в довольно жарких местах, которых люди старались избегать.

Под жакетом он носил специально — скроенные брюки. На них были черно-белые узоры. В прошлом, повара носили узорчатые брюки, чтобы скрыть пятна. Горгон же надел их, чтобы посмеяться над верой Белой Королевы в то, что она именovala Шахматной Доской Жизни, по правилам которой хорошие ходили лишь по белым клеткам, а плохие — по черным. Горгон верил, что ему подвластны и те, и другие.

Горгон устался на поварской колпак, что он носил на голове, отчасти похожий на корону, что носили короли вроде Филиппа II. Некоторые именовали его просто колпаком, как и традиционный головной убор мировых судей — офицеров государства. В наши дни этот термин обычно применим к судье. Глядя на него в зеркале, это совпадение показалось ему весьма ироничным. В своем психотическом стремлении исправить этот мир, он во многом был похож на судью. Но эта мысль его не рассмешила. Он редко смеялся над своими мыслями. Горгон, в отличие от прочих сумасшедших убийц знал, кем он был на самом деле. Он знал, что голова его гудит не от верных поступков. Но, тем не менее, он ничего не мог с этим поделать. То, что Червовая Королева сделала с ним, разрушило каждую молекулу человечности в его организме.

— Портмане. — Горгон приподнял колпак, глядя в зеркало. Французское слово, то единственное, что вызывало улыбку на его лице.

Портмане — искусство сочетания двух слов, звуков и значений в совершенно новое слово. Льюис Кэрролл просто обожал подобное. Именно таким образом он изобрел слова вроде "хливкий", что означало "гибкий" и "скользящий". *(стихотворение "Бормоглот". Именно там упоминается словосочетание Slithy Tove — «Хливкий Шорёк»)* Горгону нравилось слышать подобное от Льюиса. То были славные дни. Но опять же, Льюис не смог спасти его от Королевы.

Порой, его поражала сама нелепость мысли о том, что он упоминается в главе "Свинья и Перец" всего лишь в качестве повара. Он презирал людей за суждения о том, будто его уволили за то, что он добавлял во все слишком много перца и Королева чихнула, когда обедала в доме у Графини. Он потянулся за книжицей "Приключения Алисы под Землей", одной из немногих оригиналов — он знал, что у Пиллара тоже была такая, и, скорее всего, он был дико зол, что какой-то повар поубивал столько народу, но ему было плевать на Пиллара.

Пекарь открыл книгу на главе "Свинья и Перец", где говорилось: *" В воздухе и правда было слишком много перца. Даже Герцогиня время от времени чихала, а уж ребенок просто вопил и протяжно чихал одновременно. Единственными на кухне, кто не чихал были повариха и большой кот, сидевший на камине и широко улыбавшийся."*

— А, вот ты где. — Чешир появился позади него из ниоткуда. Горгон увидел в зеркале отражение его настоящего лица. — У нас с тобой иммунитет к перцу. — На его лице появилась ужасающая и уродливая улыбка, от которой даже Горгону стало не по себе.

— Ты не постучал. — Горгон ненавидел сюрпризы.

— Я же кот, Горджи, — ухмылка Чешира стала шире. — Мы проскальзываем без разрешения. Готов?

— Королева не принесла извинений? — Он знал, что она не станет, но ему так этого хотелось.

— Ты же знаешь, что этого никогда не произойдет, — сказал Чешир. — Поэтому мы все это и делаем.

— Я думал, мы делаем все это ради того, чтобы разоблачить ее перед миром, — произнес Горгон, предпочитая говорить с зеркалом.

— Ну, отчасти. — Чешир порыскал по кухне в поисках еды. — Но мы также покажем ей, что мы не слабее нее.

— Какая нам с этого выгода?

— Мир сложно устроен, Горджи. — Чешир подобрал рыбий хребет и вгрызся в него. — Грядет Война Страны Чудес. У Королевы и ее приспешников будет преимущество. И поскольку нас с тобой к хорошим парням отнести нельзя, нам стоит найти в ней свое местечко.

— Как это так?

— Доказав, какие мы с тобой отморозки. — Он облизал пальцы. — Обожаю словес "отморозок". Людям в этом мире оно тоже по нраву.

— Ты говоришь, что мы делали все это отчасти потому, чтобы она перестала нас недооценивать, и мы смогли присоединиться к ее лиге? — обернулся Горгон, гнев вспыхнул на его лице. Этого в его плане не значилось. Он ни при каких обстоятельствах не собирался присоединяться к королевской армии.

— Конечно же, нет, — солгал Чешир, и выбросил рыбий хребет. Он отряхнул руки и произнес. — Я шутил. Конечно же, все это лишь ради того, чтобы разоблачить Королеву.

— Я знал, что тебе не следует доверять, — проворчал Горгон. — Но я должен отомстить.

— У всех у нас свои грязные приемчики, Горджи. — Подразнил его Чешир. — Не перетрудишься. Ты всего-то убил пару детишек, делов то. В мире каждый день умирают дети: будь то голод, армия или болезнь. И никто не поднимает шум по этому поводу.

— Не уверен, что это правильно. Я сделал это лишь ради того, чтобы...

— Знаю, знаю, — отмахнулся Чешир. — Разоблачить компании, работающие на Королеву и Герцогиню. Это мы уже говорили.

— Мне по-прежнему нужно знать, зачем ты мне помогаешь, — произнес Горгон. — В Стране Чудес мы не были близкими друзьями.

— Моя цель — Пиллар и Алиса. Я отправил им сообщение, которое они, очевидно, получили. Довольно кошмарное, должен признать. Но какое это имеет значение? Теперь ты в моей команде. Взгляни на себя. — Чешир обошел Горгона, чтобы заглянуть в зеркало. Он

указал на его отражение с гордостью и энтузиазмом. — Взгляни на всю ту славу, которую ты обрел. Из никчемного повара Герцогини, которого едва помнили дети, читавшие книжку, до безумного ученого этого мира, самого ужасного злодея на всей земле. — Чешир был горд, а Горгон был загипнотизирован его словами. Чешир знал толк в том, как придать зловещим и отвратительным вещам хорошее звучание. Вроде сломленного человека вроде Горгона, это было восхитительной чертой характера. — Из ничтожества до гордого Монстра Страны Чудес, — повторил Чешир. — А теперь, давай покажем миру твое главное творение. Пускай людишки помучаются! — Он потер руки. — Массовое отравление Лондона. Красота.

Горгон кивнул, в его глазах вспыхнула ярость.

— Впрочем, миру это просто необходимо, — произнес Чешир. — Нечто броское. Знаешь, людям нравится реклама и прочая ерунда.

— Нечто броское?

— Ага, вроде броских названий их продуктов: "Хохотун" и прочий бред. Я придумал! — он взмахнул когтем. — Дадим название "Чумовые Пирожки". — Рассмеялся Чешир.

Гостиная Выпускников, Крайст Чёрч, Университет Оксфорда

Четырнадцать минут первого, Пиллар ведет меня по пустынным коридорам Тома Седьмого в Крайст Чёрч, Университета Оксфорда. Он, предположительно, собирается отвести меня в комнату, которая может помочь мне вернуться обратно в Викторианские времена. Учитывая все увиденное мною безумие, я до сих пор скептически отношусь к самой концепции возвращения в прошлое. Если бы все было так легко и просто, неужели Монстры Страны Чудес не воспользовались бы этим?

— Мы уже на месте? — прошептала я.

— Терпение, моя дорогая Алиса, — отвечает он, считая двери справа и слева. — Прошло немало времени с тех пор, как я бывал здесь. В университете вечно все меняют, — он использует карманные часы в качестве некого компаса. Я уже даже и не спрашиваю. — Несколько лет назад университет превратили не знаю во что, когда снимали фильм о Гарри Потере, — по голосу слышно, как он ему не нравится. — Но Дамблдором я себя что-то не ощущаю. И на том спасибо.

— Пока вы не нашли ту самую дверь, я позволю себе любопытствовать, почему Профессор Горгон Рамштайн, то есть Пекарь, делает это, — говорю я, пренебрегая всяческими глупыми шутками с его стороны на эту тему. — Я имею в виду, я знаю, что правительство отвергло его исследования, убило его адвоката, и он ощущает себя ответственным за то, что продовольственные компании подверглись коррупции. Но разве этого достаточно, чтобы убить всех этих людей?

— Конечно же, нет. — Пиллар все еще ищет дверцу, ведущую к комнате путешествий во времени. — Пекарь, как и прочие Монстры Страны Чудес, принял новый облик в этом мире. Он стал профессором. Он даже женился и обзавелся тремя детьми. Маргарет Кент приказала убить его детей.

Я застываю на месте. Пиллар замечает и оборачивается, чтобы взглянуть на меня. Я ощущаю, как тихая ярость разливается по венам.

— Шокирована? — он вскинул брови. — Ну, все еще хочешь узнать, как были убиты его дети?

— Думаю, я догадываюсь. — Не смотря на то, что я начала привыкать к шокирующим смертям, озвучить мне этого не хочется.

— Маргарет Кент заставила его детей съесть большое количество просроченных пирожных Червонной Королевы, — отвечает Пиллар. — Достаточно, чтобы это привело к отравлению...медленному. Когда Горгон отвез детей в больницу, медсестры оказались в сговоре с Маргарет, и им было приказано не оказывать никакой помощи, пока дети не умерли.

— Подобным образом он хочет убить всех в стране, — возмущаюсь я. — И Вы по-прежнему считаете, что в Стране Чудес с ним могло произойти нечто более злое?

— Надеюсь, что так, — говорит Пиллар. — Поскольку если Пекарь лишь подпитывает свой сегодняшний гнев, я не знаю ни единого способа остановить его. Честно говоря, этот человек раздавлен, словно таракан, в этой жизни. И я не знаю, как пользоваться этой машиной времени, чтобы вернуться на несколько лет назад. Это Чудесная машина времени.

Она возвращается лишь в Страну Чудес. Будем надеяться, что мы сумеем найти спусковой крючок в его прошлом и остановить историю в самом начале. — Пиллар поворачивает дверную ручку ближайшей двери и открывает ее. — Добро пожаловать в комнату путешествий во времени!

Я прочла надпись на двери, когда вошла.

— Гостиная Выпускников?

— Формально известна, как Комната Профессора Эйнштейна. — Пиллар идет следом и запирает двери за нами.

Комната оформлена в современном стиле с заметным штрихом в виде камина и огромного письменного стола со старинной английской резьбой. Повсюду множество сувениров, словно их перевезли из Музея Науки. Парочка красно-черных диванчиков стоят у стены. Перед большим окном с видом на сад, стоит журнальный столик. Выделяется одна единственная вещь: школьная доска с математическими вычислениями.

— Альберта Эйнштейна? — спрашиваю я.

— Он какое-то время преподавал в Оксфорде, и в 1930 ему была отдана эта самая комната. — Пиллар снимает свой пиджак, что делает крайне редко. — Полагаю, ты знаешь, что Эйнштейн во многих смыслах является прародителем концепции о времени.

— Хотя я и чокнутая, но в школу я ходила, — отвечаю я, устремив взгляд на доску. — Значит, Эйнштейн на самом деле знал, как путешествовать во времени?

— Конечно же, знал. Эйнштейн, как и Льюис, был тот еще безумец. В то время как Льюис заикался, Эйнштейн был аутистом, но лишь немногие знали об этом. Эйнштейн был отличным парнем, вот только стрижка была...так себе. — Пиллар вытаскивает доску на середину комнаты. Он делает это с осторожностью и уважением. — Эта комната на протяжении пяти лет принадлежала Льюису Кэрроллу, когда он учился здесь.

— Вау. — Мне понравилась связь. Я даже не знала о таком. — Это же за семьдесят лет до появления Эйнштейна.

— Никто, кроме безумного профессора Эйнштейна, не смог за семьдесят лет раскрыть секретов Кэрролла. — Пиллар начисто вытирает доску. Мел не стирается.

— Секреты?

— Технически, Кэрролл отрыл путешествия во времени. — Пиллар смотрит на меня. — Он был не уверен, что Монстры Страны Чудес не захотят тоже ею воспользоваться, потому держал это в секрете.

— И Альберт Эйнштейн открыл этот секрет семидесятью годами позже, когда вошел в комнату?

— Наряду со всеми прочими вещами, вроде Загадки Эйнштейна, но сейчас это не столь важно. Льюис Кэрролл был крайне необычным человеком, Алиса. Он был художником, фотографом, писателем, священником и математиком. Доводилось ли тебе встречать кого-то подобного? — щебечет Пиллар. Внезапно, я вспоминаю, что Льюис рассказывал мне об Эйнштейне, когда я приходила в Том Тауэр в прошлый раз. Верю, что Пиллар не лжет. — Эйнштейн переосмыслил работу Кэрролла, оставаясь в его оксфордской комнате на протяжении многих лет. Ты знаешь, что его безумная прическа была результатом от бесчисленного использования машины времени в этой комнате? Видать совсем спалил.

— Почему тогда Эйнштейн не рассказал об этом миру?

— Ты шутишь? Представь себе только, что бы эти чокнутые политики и бизнесмены сотворили с подобным устройством? — Он замолкает и смотрит на доску. — Кроме того,

машина путешествий во времени функционировала не полностью.

— То есть, она не работает?

— Сам никогда не пробовал, — отвечает Пиллар. — Я лишь читал об этом и Кэрролл всегда намекал на это. Она работает лишь четырнадцать минут, и, верю я, это ее предел.

— Четырнадцать? — морщусь я. — Почему это число отовсюду выскакивает?

— Оно выскочило всего лишь однажды — на стене твоей палаты. Это всего лишь второй раз, — отвечает Пиллар, а после бросает на меня подозрительный взгляд. При чем уже не впервые. — Ты где-то еще его видела?

Я пожимаю плечами. Видение Льюиса было 14 Января, но он просил не рассказывать Пиллару об этом.

— Ага. — Он водит языком по внутренней стороне щеки. — У маленькой Алисы были видения. — Я пытаюсь вести себя обыденно, когда он произносит эти слова. — Ты уверена, что Льюис ничего тебе не давал, когда вы в прошлый раз виделись с ним в Том Тауэр?

Я колеблюсь, раздумывая, знает ли он о ключе к одной из дверей в Страну Чудес. Я рада, что спрятала его в стене.

— Все в порядке. — Пиллар не давит на меня. — Поговорим об этом позже. Теперь тебе нужно вернуться обратно во времени, чтобы встретиться с Пекарем.

— И как нам это сделать? — я выгибаю шею и прищуриваюсь.

Пиллар ничего не отвечает и указывает на доску с мелком на липучке.

— Это Доска Эйнштейна, та самая, которую он использовал на лекциях, будучи здесь. Одна из наиболее ценнейших мировых артефактов. Историки хранят оригинал в Музее Истории Науки, а эта всего лишь дубликат. На самом деле, все совсем наоборот, но им об этом неизвестно. Первоначально доска принадлежала Кэрроллу и использовалась для путешествий во времени.

— И как такое возможно?

— Легко, — отвечает он. — Напиши число, время и имя человека, которого хочешь встретить, а после воспользуйся ею, словно проходом в прошлое.

Доска довольно большая. Гипотетически она похожа на дверь, в которую могла бы войти такая безумица, как я. Но если поверхность доски должна подернуться рябью воды или воздуха, я этого не вижу.

— Значит, мне просто нужно войти в него? — я сдаюсь и фантазирую.

— Ох. — Пиллар скривил губы. — Конечно же, нет. Не будь глупышкой.

Пиллар направляется к красной портьере у окна и ищет за ней что-то.

— Вот же оно, — бормочет он, и оглядывается на меня с улыбкой, которая тут же исчезает, уступая серьезному выражению лица. — Прежде чем я покажу это тебе, тебе нужно знать, во что ты ввязываешься.

— А я все ждала, когда же Вы это скажите.

— Это путешествие во времени продлится лишь четырнадцать минут. — Он вынимает карманные часы и сует мне в руки. — Как от сердца отрываю. Береги их и верни обратно... вместе с собой, конечно же. Это старинные часы, поэтому на них нет таймера. Придется самой отсчитывать четырнадцать минут.

— Что еще мне нужно знать?

— Существует две вероятности: либо ты никогда не вернешься, либо наверняка погибнешь, — Снова у него этот его пронзительный взгляд. Я делаю вид, что мне не страшно, и стараюсь держаться. — Первое что может случиться — ты умрешь, если пробудешь там дольше четырнадцати минут. Я не смогу тебе ничем помочь.

— А вторая вероятность? — я чувствую, что с первой проблемой смогу справиться и сама.

— То, что ты — Ненстоящая Алиса, — говорит он. — А я верю, что это ты.

— Верите или знаете?

— Вера и есть знание, — отвечает он. — Решать тебе: верить в себя или нет. Ты все еще можешь отказаться от всего этого.

— И что потом? — говорю я. — Завтра умрут миллионы?

— Я думал, ты скажешь, что не сможешь жить без меня, — он делает грустное выражение лица.

— С тем же успехом, я могла бы вернуться обратно и обнаружить, что Вас больше нет, — дразнюсь я.

— Я уязвлен. — Он прижимает ладонь к груди и дважды моргает. — Кстати, вспомнил. — Он вынимает лист бумаги. По формату он похож на А4 и бережно сложен, поэтому стал более компактным. — У меня для тебя подарок. — Он не отдает его мне, вместо этого лишь запикивает его в карман моих джинсов. Выражение его лица беспокоит меня.

— Что это?

— Там написано, кто такой Джек на самом деле.

Мои пальцы щекочет желание вырвать бумагу и прочитать ее содержимое сейчас же. В груди жгучее ощущение предвкушения.

— Я подумал, что если с тобой что-то случится, или ты там умрешь, то тебе можно узнать то, чего ты больше всего желаешь, — говорит Пиллар, направляясь в сторону красной портьеры перед балконом. — Не то чтобы я тащусь от Джека, ни капельки.

— Думаю, мне следует поблагодарить Вас, — говорю я.

Он качает головой, поджав губы.

— Нет, не следует, — говорит он, выглядывая из-за портьеры, словно проверяя что-то. — Потому что единственный способ пройти в Доску Эйнштейна не обещает быть приятным, — он снова поворачивается ко мне.

— Я готова узнать, как это сделать, — говорю я, выпрямляясь.

— Нет, не готова, — он уверен в своих словах. — Подумай, почему никто не мог понять секрет путешествия во времени Кэрролла. Я говорю, что доска прямо здесь, она была прямо перед ними. Кэрролл и Эйнштейн заполняли архив университета. Еще никто и никогда не узнал этот секрет.

— Скажите мне как, Пиллар, — говорю я. Я так взволнованна и нетерпелива одновременно. — Я не боюсь.

— Чтобы путешествовать во времени тебе придется пройти через одну вещь, которой ты боишься больше всего.

У меня тут же вырывается вскрик. И речи об этом идти не может. Меня пугает великое множество вещей, но от одной у меня подгибаются колени.

— Зеркало, — произносит Пиллар, подтверждая мои опасения. — За портьерой у меня зеркало. Если я положу его напротив доски, ты сможешь войти в...

— Зазеркалье. — Теперь я вижу во всем связь. — Прямо как Алиса в книге Льюиса "Алиса в Зазеркалье". — Я отчетливо помню, как в одной из глав, она пропала в Страну Чудес сквозь зеркало. Значит, Льюис не выдумывал. Это была правда, за исключением того, что зеркало нужно было положить напротив Доски Эйнштейна.

— Книга называется "Алиса в Зазеркалье и что Она Там Нашла", — снова просвещает меня Пиллар. — Теперь же это скорее "Зазеркалье Доски Эйнштейна". — Он пытается пошутить, но не выходит. Он знает, сколь серьезны мои страхи.

— Поэтому только Настоящая Алиса может сделать это?

Он кивает.

— Но я невообразимо боюсь зеркал, — говорю я. — Я упаду в обморок, как в примерочной.

— Ты можешь закрыть глаза, Алиса, а я смогу провести тебя внутрь, держа за руку пока ты не шагнешь внутрь, — предлагает он. — Проблема возникнет лишь когда ты захочешь вернуться назад.

— Как мне вернуться назад?

— Точно такое же зеркало и доска должны быть в студии Кэрролла на крыше университета, рядом с Том Тауэр.

— Но там никто не сможет помочь мне с закрытыми глазами пройти сквозь зеркало.

— Я знаю, — говорит он. — Может быть, Кэрролл сможет помочь.

— Почему мы не можем использовать Том Тауэр, как в прошлый раз?

— Том Тауэр — Мост Реалий, — отвечает Пиллар. — Это вроде пересечения мира снов и реального. Чтобы там не случилось, будущее это не изменит.

— Но именно я в прошлом подала Льюису идею написать книгу "Алиса в Стране Чудес".

— Могла, но не обязательно это послужило тому причиной. Кто знает, почему он написал книгу, верно? — Пиллар снова тянет руки к портьере. — Как я уже сказал, нам по-прежнему нужно вернуться в лечебницу и жить безумно и счастливо. Ты не обязана этого делать.

— Если кроме меня больше никому, тогда я вынуждена сделать это. — Я потираю карман джинсов с запиской, в которой говорится о Джеке. Безумно, но с ней мне гораздо спокойнее.

Я подхожу к доске и пишу дату "*14 Января, 1862*" и место, где учился Льюис...

поскольку не знаю, как добраться до Пекаря, кроме как через него. Повернувшись спиной к доске, я закрываю глаза, прошу Пиллара принести зеркало и прошу его провести меня через него. Как только он подносит его, я ощущаю, как стены сужаются вокруг меня, могу ли я доверять моим глазам, не подведут ли они меня, открывшись в любой момент?

Студия Льюиса Кэрролла, Университет Оксфорда, 1862

Путешествие в прошлое оказалось не таким уж и сложным, как мне думалось. Как только я шагнула в зеркало, я ощутила под своими ногами скрип деревянного пола. И вот я в студии Льюиса Кэрролла. Воздух благоухает фиалками и ароматом Цветы Болгарии (*прим. пер. Fleurs de Bulgarie — женские духи*). Не знаю, откуда мне это известно. Просто знаю, даже не смотря на то, что сейчас их уже не продают.

Мне страшно, что если я открою глаза и увижу перед собой еще одно зеркало. Логически, оно должно оказаться позади меня, но я слишком боюсь снова увидеть того жуткого кролика. Впрочем, я наверняка уверена в одном. Мне снова семь лет, прямо как тогда, когда я встретила Льюиса в Том Тауэр.

- Мне нужно больше одежды, Алиса. — Голос Льюиса облегчает мои страхи. — Кажется, я купил мало одежды на Друри Лейн.

Я медленно открываю глаза. Передо мной нет зеркала. Я издаю вздох облегчения и бросаю взгляд на карманные часы в своей руке. На часах без четырнадцати минут семь. Здесь, в Оксфорде, время определенно идет по-другому, поскольку сейчас должна была наступить полночь. Я смотрю на Льюиса, который стоит перед большим ворохом костюмов. На верхушке кучи стоит кролик; грызет морковку и чешет затылок. Оба смотрят на костюмы, надеясь решить какую-то проблему. Сваленные в кучу костюмы разрезаны только затем, чтобы их сшили снова, но уже куда меньшего размера. Интересно, зачем Льюису потребовалось делать нечто подобное со своими драгоценными костюмами.

— Зачем вы порезали костюмы? — спрашиваю я, предполагая, что я только что удачно вписалась в сцену, а не появилась из ниоткуда. Кто знает, как устроены эти путешествия во времени.

— Я говорил тебе, Алиса, — говорит Льюис.

— Он говорил тебе, Алиса, — повторяет кролик.

— Каждый костюм сшит на взрослого, — объясняет Льюис. — Разрезав их напополам, мы сделаем, таким образом, из одного костюма два для детей.

— Ты хочешь, чтобы они играли в твоих пьесах? — спрашиваю я.

— Не в пьесах. — Вздыхает Льюис, по — прежнему, глядя на грудку одежды. — Сначала, я использовал одежду, чтобы развлекать бедных и бездомных детишек. Но потом, я узнал, что одежда нужна им, чтобы защититься от холода.

Чем больше я узнавала Льюиса, тем больше восхищалась им.

— Может, нам порезать костюмы на три части, — предлагает кролик. — Дети гораздо меньше своих обычных сверстников. Думаю, это может сработать.

— Почему эти дети меньше своих сверстников? — спрашиваю я, удивляясь между отличиями прошлого от будущего. В наши дни все чаще встречаются дети с излишним весом.

— Голод, плохое здоровье и холод, — отвечает Льюис. — Эти времена довольно суровы, Алиса. Оглянись. Дети бездомны и голодают. И это только в Оксфорде. В Лондоне грязь и нищета еще хуже. Это разбивает мне сердце, Алиса. Я должен найти способ спасти их.

Слова звенят тревожными звоночками в моей голове. Спасти их, сказал он. Значит, их

он не смог спасти? Удастся ли мне изменить прошлое и помочь ему спасти их?

— Мы могли бы построить укрытие в университетской церкви, Льюис, — говорит кролик. — Быть может, дать им немного морковки. — Кролик пожимает плечами, и его уши уныло повисают. Он осознает всю роскошь житья с Льюисом и достаток еды, в качестве моркови. Он опускает глаза и разламывает морковку на две части. Одну часть он откладывает на потом, другую медленно грызет.

— Нам нужно найти способ раздобыть для них еды. — Льюис выглядит так, словно ответственен за все их невзгоды. — И нам нужно обучить их. Большинство даже не умеют читать.

Не смотря на то, что я очень хочу помочь ему с детьми, мне необходимо попросить их помочь Горгону.

— Льюис, — выдавливаю я. — Мы должны спасти Пекаря.

Льюис ощущает мое внезапное напряжение и поворачивается ко мне.

— Какого еще Пекаря?

— Пекаря. Пекаря. Что живет на Друри Лейн, — подпевает кролик.

— Того самого Пекарь. — Я указываю на кролика.

— Ты имеешь в виду детскую песенку? — спрашивает Льюис.

— Нет, я имею в виду, Пекаря, — возражаю я. — Хмм...повара. Да, я имею в виду повара.

— Повара? — Льюис обменивается озадаченными взглядами с кроликом.

— Того самого, что работает на Герцогиню. — Не ожидала, что это будет так сложно.

— У Герцогини нет повара, — отвечает кролик. — Она подыскивает себе повара, но пока не нашла.

— То есть повар Королевы. — Я вспоминаю, что Пекарь раньше работал на Королеву, по словам Пиллара. — Червой Королевы.

Кролик ныряет в карман Льюиса, не говоря ни слова. Я слышу, как у него от страха стучат зубы.

— Ты напугала его. — смеется Льюис. — Он боится Червой Королевы. Думаю, ты имеешь в виду Горгона, королевского хлебороба?

— Да, это он. — Боже, я уже потеряла столько времени на одни только разговоры.

— А что с ним?

— Он в опасности, — говорю я. — Мы должны спасти его.

— Какого рода опасности? — запинаясь Льюис. Это второй раз, когда я слышу, как он начинает заикаться. Интересно, он уже родился таким?

— Не знаю, но мы должны помочь ему, прежде чем с ним кое-что случиться.

— Это же б-б-бесмыслен-н-но. — Он кажется смущенным от внезапного приступа заикания. Он потирает лоб. Думаю, у него мигрень.

— Знаю, но прошу, Льюис. Позволь мне увидеться с поваром.

— Аа, — говорит Льюис. — Т-тты используешь Горгона в качестве предлога, чтобы вернуться в Ст-т-ттрану Чудес. — Видимо он имеет в виду некий предыдущий разговор, о котором я даже не помню. — Как я уже сказал. Я заточил их и не планирую открывать эти двери в ближайшее время.

— Но нам придется. — Я хватаю его за руки. Он не понимает. — Ты должен спасти его. Разве ты не помнишь о видении, когда говорил мне, что не смог пасти их? Думаю, это касалось и повара.

— У тебя было видение обо мне?

— Прошу, Льюис. Ты ведь не из тех, кто бросает человека в беде. Поверь мне.

— Хорошо. Хорошо, — говорит он. — Давай посмотрим, что там опять приключилось в Стране Чудес. Закрой глаза. Я проведу тебя сквозь одну из дверей в Страну Чудес. — Я киваю и закрываю глаза. Значит, двери в Страну Чудес и вправду находятся в университете, как и предполагал Пиллар? — Не вздумай открывать глаза, пока я не скажу тебе.

Я снова киваю, не смотря на то, что я борюсь с желанием открыть их и узнать расположение двери. Опять же, нельзя. Что если я все испорчу? Пекарь превыше всего. Я чувствую, как Льюис берет меня за руку, и мы идем. Почти целую минуту. Мы спускаемся по лестнице, а затем я слышу звук поворота ключа. А мой ключ открывает дверь в Страну Чудес? По этой причине он отдал его мне? После мы проходим сквозь что-то... не уверена, что это дверь... он просит меня открыть глаза.

Это все та же Страна Чудес, что я видела в своем видении. Фееричная и с бесконечным разнообразием красок. Вдалеке виднеется радуга, а поблизости растут несколько огромных грибов, похожих на деревья. К сожалению, у меня нет времени детально разглядывать все это.

Льюис осторожно оглядывается, чтобы исключить опасность любой разновидности. Я замечаю, что он прихватил свой меч.

— Действовать нужно быстро, Льюис, — говорю я.

— Не весь всей этой красоте, Алиса, — произносит он. — Страна Чудес уже не та, какой была прежде.

— Это не имеет значения. — Я смотрю на часы. Десять минут до семи. — Прошу, мы должны найти Горгона.

— Погоди. — Льюис достает из кармана кролика и приказывает ему бежать как можно скорее и порасспрашивать, знает ли где Горгон. Кролик колеблется, но затем прыгает и исчезает в лесу.

— Не можем мы сразу пойти к нему домой? — спрашиваю я.

— Я не знаю, где Горгон живет.

Кролик выпрыгивает, но уже с новостями.

— Она права, Льюис. Червонная Королева заключила Горгона под стражу, — говорит он. — Она наказала его за кражу перца и маффинов с ее кухни.

— С какой стати ему это делать? — я должна выяснить.

— Они с детьми ужинали, и они попросили его купить перца, чтобы приправить еду и маффинов на десерт, — говорит кролик. — Горгон живет в бедном районе, потому он отправился на поиски, но никто не согласился дать ему перца задаром. В итоге он позаимствовал горстку с королевской кухни. Королева разозлилась и послала за ним Красных. Говорят, сегодня она в плохом расположении духа, как, впрочем, и в прошлом году, и все последующие годы.

— Дети в Стране Чудес также бедны, как и дети Лондона, — рассказывает мне Льюис. — Мы не должны допустить, чтобы Королева причинила ему вред. — Льюис берет меня за руку и бежит. — Горгон — хороший человек. Его жена умерла при родах последнего ребенка, и он заботиться о них, упорно работая, чтобы вырастить их. Думаю, перец лишь послужил поводом, чтобы придрататься к нему. Гнев Королевы разрушителен.

Я задыхаюсь, следуя за Льюисом. Кажется, он выбрал дорогу подлиннее, пытаюсь тем самым избежать всего того, что пугает его в лесу. Кто я такая, чтобы жаловаться. Главное добраться до места.

Мы выбегаем к огромному замку, у меня даже нет времени рассматривать его. Мы становимся позади орды Красных, которые окружили Королеву и Горгона. Оба слишком далеко от нас. Не могу даже разглядеть их лиц.

— Пойди, посмотри что происходит, — приказывает Льюис своему кролику.

Кролик появляется снова. Мы пригибаемся, боясь, что Красные заметят нас. Пока мы ждем, я чувствую, что мне нужно спросить кое-что у Льюиса.

— Льюис, есть какой-либо шанс, что мы сможем использовать Чепу Ху против Красных?

— Без шансов, Алиса, — отвечает Льюис. — Я даже еще не изобрел подобное искусство.

Значит, Джек не блефовал. Чепу Ху действительно существует, боевое искусство, о котором он рассказывал мне в Ватикане. Но откуда Джек узнал о нем?

Минуту спустя, кролик возвращается с огромными от ужаса глазами.

— Червонная Королева пытается Горгона перед подданными, — сообщает кролик.

— Неужели она хочет отрубить ему голову? — спрашивает Льюис.

— Хуже, — отвечает кролик. — Она намерена пытаться и унижать его перед знатью, которых пригласила на угощение с чаем и пирожными. Сейчас она набивает его нос тоннами перца, пока он не начнет чихать без остановки.

— Она хочет заставить его чихать до смерти, — бормочу я. Неужели, поэтому он превратился в Пекаря, из любящего отца в убийцу. Все это кажется бессмысленным и неуместным.

— Ее стражники держат его за руки, им приказано держать его до тех пор, пока от чихания у него не вывалятся глаза. — Кролик находит это отчасти забавным, но поспешно прячет свои чувства.

— В этом вся Королева. — Вздыхает Льюис. — Я не хочу иметь с ней ничего общего, но бросать его в беде просто неправильно.

— Ты уверен? — спрашиваю я, поглядывая на карманные часы. Шесть минут до семи.

— Почему ты спрашиваешь, Алиса? — говорит Льюис. — Человек потеряет глаз из-за чихания. Разве этого мало?

Я не отвечаю, потому что как бы жутко это ни звучало, это не кажется мне достаточной причиной для того, чтобы обратить обычного человека в жестокого зверя. Зачем тогда он принялся убивать невинных детей?

— Извини. Я ожидала худшего, — отвечаю я. — Давай спасем его.

Теперь Горгон кричит громче. Должно быть, они уже начали пытаться его.

— Ладно. — Вздыхает Льюис. — Полагаю, именно я должен сделать это. Оставайся здесь, Алиса. — Он поворачивается к кролику. — Ты отвлечешь Красных. Пусть погоняются за тобой немного, чтобы я смог пройти. Я знаю, как сражаться со стражей и освободить Горгона. Он должен убежать, понял?

— Не думаю, что он сильно ранен, — говорит кролик. — За исключением глаз, кажется, один он потерял.

В этот самый момент Горгон громко вскрикивает, и мы слышим звук, похожий на звук пробки, вылетающей из бутылки. Мои глаза широко распахиваются, а кролик обхватывает голову лапками. В Стране Чудес бред продолжается безостановочно. Я слышу, как Королева громко и радостно смеется, словно ей рассказали невообразимо смешной анекдот.

Все становится еще страньше, когда глаз Горгона выкатывается и останавливается перед нами. Кролик поднимает голову и смотрит прямо на глаз, его ушки дергаются, а по выгнутой спинке побежали мурашки. Знаю, что это жутко и несправедливо, но я по — прежнему считаю, что это недостаточная причина, чтобы обратить его в детоубийцу. Кажется, я стала отчасти равнодушной ко всей этой крови вокруг меня.

— Помогите им! — раздается из круга чей-то крик, но мне не разглядеть.

— Кто это говорит? — спрашиваю я.

— Это Горгон! — отвечает кролик.

— Почему он кричит "Помогите им?" — спрашивает Льюис.

— Кому помочь? — говорю я.

— Может, он потерял уже оба глаза, отсюда и крики. — Кролик вынимает сумку и сует в нее потерянный глаз, оглядываясь в поисках другого.

— Довольно. — Гнев Льюиса усиливается. Он поднимается, не дожидаясь пока кролик отвлечет Красных. Он начинает отрубать головы карточной армии.

Я поражена, насколько ловок и опытен Льюис. Неужели из-за Страны Чудес ему пришлось научиться драться? Что же такого здесь произошло, что заставило его заточить их всех?

Судя по часам, у меня осталось всего лишь четыре минуты. Я поднимаю свое хрупкое семилетнее тельце и бегу, уклоняясь от Красных к сражающемуся Льюису.

— Червонная Королева, — кричит Льюис. — Я требую, чтобы ты освободила этого человека.

— Помогите им, прошу! — кричит Горгон.

Впервые за все время, я вижу его. Он не может освободиться, его держат Красные. Руки и ноги привязаны к четырем деревьям. Королева, чьего лица я детально не вижу, посыпает его перцем. Горгон чихает, рискую лишиться второго глаза. Ей нравится мучить его. Ее вовсе не беспокоит Льюис, который за ее спиной сражается со стражниками.

— Это научит тебя никогда больше не воровать мой перец, — рычит она. — Это научит всех и каждого бояться меня в Стране Чудес. — Она смеется, словно злая ведьма.

Я, пользуясь своим маленьким ростом, проскальзываю мимо красных плащей вокруг меня. Я должна добраться до Горгона. Быть может, само страшное случится с ним не сейчас, а гораздо позже. Если я помогу ему сбежать от Королевы, это изменит события в будущем и спасет его от превращения в убийцу.

Я спотыкаюсь обо что-то и падаю плашмя. На часах осталось три минуты. Обыскивая взглядом то, обо что я споткнулась, вижу крокетные мячи. Жаль не молоток. Я набираю пригоршню крокетных мячей и несу их в подоле своего желтого платица. Прежде чем я успеваю воспользоваться ими, двое Красных хватают меня под руки. Я кричу и брыкаюсь в своем детском тельце, но все без толку.

— Помогите им, прошу! — Горгон начинает плакать слепым глазом. Я теряюсь в догадках, как такой здоровяк не смог высвободиться от Королевы? И кто он такой, чтобы просить нас о помощи? Я этого не понимаю!

Я пинаю Красного по лицу, но это не слишком — то помогает. За моей спиной раздается крик Льюиса.

— Алиса, я же сказал тебе держаться подальше! — Он рубит Красных направо и налево, но все равно никак не может приблизиться ко мне и к Горгону. Льюис Кэрролл в одеянии священника сражается с Красными в Стране Чудес; эта сцена надолго останется в моей памяти.

— Прошу Вас, Ваше Величество, — говорит Горгон. — Освободите меня, или они умрут.

— А я и хочу, чтоб они умерли, — рычит Королева. Такой страшный рык, для столь миниатюрной персоны. — У детей маленькие головы. Я использую их в качестве шаров для игры в крикет. — Фыркает она и осыпает его перцем.

Наконец, я понимаю, что имеет в виду Горгон. Кто-то должен спасти детей в его отсутствие. Я достаю мяч и ударяю им одного из Красных по затылку. Это срабатывает, но мне нужно освободиться от другого.

— Он хочет спасти своих детей, Льюис! — кричу я. — Он, скорее всего, оставил их дома, когда пошел раздобыть перца.

— Я не знаю, где он живет. — Судя по голосу, Льюис устал после битвы.

Я бью другого Красного мячом, но он не причиняет ему особого вреда. Поэтому, я бью мячом по его хрупким ножкам. Станным образом, это срабатывает. Красный плащ падает наземь и то, что было внутри — исчезает. Я снова вскакиваю на ноги, и на бегу забрасываю их мячами. Раз у них мечи, у меня — мячи, полный каламбур.

Издали я целюсь в крохотную голову Королевы. В яблочко. У нее кружится голова, вокруг начинают порхать птички, и она медленно оседает, словно подкошенная. Я бегу к Горгону и пытаюсь освободить его. Узлы слишком тугие для моего детского и щедедушного тельца. Он привязан сразу к четырем деревьям в саду.

Судя по моим карманным часам, осталось две минуты.

— Где твои дети? — спрашиваю я.

— Они заперты в моем доме. — Он безостановочно плачет, пытаюсь освободиться, в то время как у нас под рукой нет ни ножа, ни меча. — Я живу в грибном доме, и я запер их внутри.

— Что? — я хватаюсь за голову руками. — Зачем ты запер своих детей?

— По Стране Чудес бродит чудовище, которое ест детей. Они попросили у меня перца. А самый младший попросил у меня маффинов. Я заплатил Герцогине за маффины, но она съела их прямо у меня на глазах, сразу после того как взяла деньги. Она сказала, что Хромоножкам вроде меня не пристало есть маффины, такое изысканное лакомство только для богачей. Я всегда старался исполнять желания своих детей, после смерти их матери. Я совершил ошибку и украл с Королевской кухни. Она поймала меня. Спасите моих детей, пожалуйста. Они заперты в доме.

— Все хорошо, — говорю я, пытаюсь перегрызть толстую веревку зубами.

— Что?

— Я имею в виду, все в порядке, — отвечаю я, не совсем самой себе веря. — Если они заперты, мы доберемся до них, как только Льюис убьет Красных и освободит тебя.

— Все хуже некуда, — возражает Горгон. — Я оставил их три дня назад. Еды в доме совсем мало. Они умрут от голода.

— Три дня назад? — Мир вокруг меня закружился, когда я слышу его слова. Я сама должна пойти и спасти их. Быть может, взять Льюиса с собой.

— Скажи мне, где ты живешь, Горгон? — требую я. — Где твой гриб?

И прежде чем он успевает ответить, ответ уже звенит у меня в голове.

— Я живу на Друри Лейн!

Я бегу, пока в голове зудит детская песенка. Та самая детская песенка, которую написали в его честь. Потому что Пекарь, схваченный Королевой, никогда больше не вернулся на Друри Лейн, чтобы спасти своих детей. Поэтому в моем видении, Льюис сказал мне, что не смог спасти их. Смогу ли я спасти детей Горгона?

Я прошу кролика показать мне дорогу на Друри Лейн в Стране Чудес. У меня осталась всего минута. Льюис подхватывает меня на руки, узнав, что мы должны спасти детей. Он ведет меня к другой доске, что спрятал в лесу для того, чтобы иметь возможность в любой момент сбежать от зверя, которого смертельно боялся сам. У Льюиса повсюду были спрятаны Доски Эйнштейна с зеркалами, чтобы он без труда мог сбежать из Страны Чудес в свою студию в Оксфорде.

— Выслушай меня, Алиса. — Он падает на колени и хватает меня за руки. — Прямо перед доской стоит зеркало. Сквозь него ты вернешься обратно в Оксфорд. Я больше не в силах рисковать твоим присутствием здесь. Ты уже сделала все, что было в твоих силах. Боюсь Красные выследят нас и могут навредить тебе. Ты так много для меня значишь, Алиса. И ты всего лишь дитя. Я не хочу, чтобы ты погибла совсем юной от лап королевских стражников, — говорит он, не зная, что я так или иначе не могу здесь больше оставаться. Если я останусь, я умру без помощи стражников. — Я спасу детей.

— Но он сказал, что они провели там три дня...

— Верь мне, Алиса. — Успокаивает он меня. — Я спасу их. Надеюсь, они еще живы.

— Я тоже надеюсь, — говорю я, глядя на карманные часы. У меня почти не осталось времени. Я даже не знаю, как я смогу вернуться обратно через зеркало, которого так боюсь. Но Льюис единственная надежда Горгона на спасение его детей и лишь он один в силах предотвратить его превращение в Пекаря. Черт подери, Льюис единственная надежда Англии от массового отравления еды.

Льюис разворачивает меня лицом к зеркалу. Он делает это настолько быстро, что у меня нет времени сопротивляться. Когда глаза встречаются с отражением, я вскрикиваю, думаю, что увижу страшного кролика. Но там его нет.

Льюис целует меня в лоб и убегает спасать детей, его преданный кролик следует за ним. Я всем им желаю удачи, сожалея, что прямо сейчас вынуждена вернуться... если еще не опоздала.

Что касается зеркала, теперь мне все понятно. Я понимаю, почему не боюсь его. Думаю все оттого, что сейчас мне всего лишь семь. Все мои страхи касательно зеркал пришли позже, когда я повзрослела.

Я смотрю на карманные часы и понимаю, что четырнадцать минут истекли. У меня начинает кружиться голова. Нечто подстегивает меня опустить руку в карман и прочесть записку Пиллара о том, кто такой Джек на самом деле. По крайней мере, я заслужила знать это. Сунув руку в карман, я понимаю, что он пуст. Внутри не оказывается письма. Как такое возможно? Думаю все потому, что в этом мире на мне другая одежда. Если я умру, я никогда не узнаю кто такой Джек. Собрав все свое мужество в кулак, я заставляю себя шагнуть в зеркало, надеясь, что Льюис спасет детей Пекаря.

Сеанс Психотерапии, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Я снова лежу на спине. На этот раз я на удобной кожаной кушетке. Температура в комнате нормальная. Комнату наполняет запах цветов, которая практически не освещена, за исключением слабой желтой лампы напротив меня. Я чувствую себя уставшей, но мне уютно. Думаю, я просто очнулась ото сна.

Где я? Почему я не оказалась в комнате Эйнштейна в Университете Оксфорда?

— Ты понимаешь, что все, что было сказано тобою, не имеет смысла, — говорит мне мужчина. Я не вижу его лица, которое скрыто в тени. Я лишь ощущаю запах табака из трубки, что он курит. Аромат весьма специфичен, вот только руки у меня не двигаются. — Пиллар, Чешир, Белая Королева; ты понимаешь, что они всего лишь персонажи из детской книжки, — говорит он; стул, на котором он сидит, скрипит по паркетному полу.

Я слишком устала, чтобы осматриваться или попытаться встать. Лежать на кушетке намного лучше. Знакомо ли мне это место? Бывала ли я здесь раньше? Почему я не ощущаю потребности сопротивляться мужскому голосу? Его голос успокаивает и мне это нравится.

Где я? Кто я?

— Вижу, ты предпочитаешь тишину, — произносит мужчина. В его голосе проскальзывает оттенок жалости. — Желаешь закончить сеанс прямо сейчас?

Руки налились тяжестью и не двигаются. Я что, под препаратами? Меня загипнотизировали? Почему этот человек говорит, что Пиллара не существует? Неужели я вернулась не в свое время?

— Мы достигли большого прогресса в твоей истории, — говорит человек. — Обычно пациентам нужно дать своей фантазии разгуляться. — Он делает затяжку из трубки. Что за табак он курит? — Мы сознательно побуждаем пациентов активно выдумывать, поскольку какой бы креативной не оказалась выдумка, она всегда выходит из-под контроля и разбивается о воздвигнутые стены абсурда. — Он замолкает, а я не ощущаю желания говорить.

Как можно говорить, когда ты не уверен с кем ты говоришь? Когда ты не знаешь кто ты такой?

— Абсурд — это хорошо для пациентов. Так их можно заставить понять, что у них галлюцинации. Потому что, честно говоря, в некоторые истории нельзя поверить, даже самым бредовым пациентам. Вроде той истории, что ты рассказала мне сейчас о том, как ты попала в Страну Чудес через комнату Эйнштейна в Оксфордском Университете, потом пыталась спасти Горгона из лап Червонной Королевы. Человека, у которого выпал глаз из — за чихания? Ты и сама не веришь во все это. Да?

У меня такое ощущение, словно рот исчез и мне хочется кричать. Руки по — прежнему, словно каменные. Я понятия не имею где я или кто этот человек.

- Как я уже сказал, на сегодня хватит, — говорит мужчина и пишет что-то на бумаге. Скрип его карандаша меня раздражает. — Я выпишу тебе новый наркотик под названием "Колыбельная". Он поможет разгуляться твоему воображению. Мне необходимо, чтобы твой разум сам увидел и осознал насколько все это неправда. Все из тобой сказанного, всего лишь плод твоей буйной фантазии под влиянием книги, что ты прочла, будучи ребенком. — Он

вынимает лист бумаги. — Я скажу Вальтруде ненадолго прекратить шоковые терапии. Увидимся на следующей неделе? — Судя по голосу, он похож на заботливого доктора, который улыбается мне, но я до сих пор не могу разглядеть его лицо в полумраке. — Замечательно. — Он поднимается. Я слышу шаги у ближайшей двери.

Я выгибаю шею, чтобы посмотреть на свои онемевшие руки. Они не онемели. На самом деле с ними ничего такого, за исключением того, что на мне надета смиренная рубашка, от которой на этот раз я не в силах освободиться.

Палата Алисы, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Вальтруда и Оджер входят в комнату и помогают мне пересест в кресло. Сперва я говорю им, что мне не нужно инвалидное кресло, потом что я сама прекрасно могу идти. Я позволяю им везти себя по коридору подземного блока. Пациенты прильнули к решеткам, не говоря ни слова. Ни Вальтруда, ни Оджер не разговаривают со мной. Они закатывают меня в палату, которая пугает меня еще больше, как только я вхожу. Ничего особо не изменилось, кроме зеркала в полный рост на стене прямо напротив меня.

Я закрываю глаза и кричу.

— Что это зеркало здесь делает?

— Расслапись, — произносит Вальтруда с немецким акцентом. — Зеркало тебя не укусит.

— Ты не понимаешь, — я зажмуриваюсь еще сильнее. — Унеси его отсюда.

— Ты должна встретиться лицом к лицу с твоими страхами, — говорит Вальтруда. — Прикаси доктор.

— Не могу, — умоляю я. — Прошу, унеси его.

— Я тоже не могу, — отвечает она. — Твой доктор скажи, что ты должна заглянуть в зеркало. Ничего плохого оттуда не выйдет, кроме правды. И настает время встретиться с правдой, Алиса. Ты больше не можешь отрицать того, что с тобой произошло. Взгляни своим страхам в глаза, и как знаешь, быть может, ты выйдешь отсюда раньше, чем ты думаешь.

— Отрицать то, что произошло со мной? — Я понятия не имею, о чем она говорит. Затем меня осеняет мысль, и я меняю свое решение.

Я сумасшедшая. Абсолютно сдвинутая по фазе, мир в моей голове выдуманный. Затем, я очнулась на кушетке и доктор говорит мне, что мне нужно попридержать свое воображение, если я хочу вылечиться. **ХОЧУ ВЫЛЕЧИТЬСЯ.** Быть может, стоит послать все к чертям и заглянуть в зеркало. Что я теряю? Меня стошнит или я снова потеряю сознание, когда увижу жуткого кролика?

Делаю глубокий вдох и открываю глаза. Ничего не происходит..., как и в Стране Чудес. Быть может, я, наконец, исцелилась от своей фобии. В зеркале передо мной нет кролика. На поверхности лишь несколько грязных пятен, да паутина в верхнем левом углу. Белый кролик больше не скалится, глядя на меня из отражения. Это еще не значит, что мне не нужно паниковать. Фактически, вместо этого я могла бы кричать. Днями. Годами.

Девушка в зеркале передо мной одета в смиренную рубашку и сидит в инвалидном кресле не потому, что ее ноги онемели, а потому, что она — парализована.

— Это случилось после твоей атаки, — говорит Вальтруда. Она выглядит счастливой от того, что я наконец осознаю свое затруднительное положение и встречаюсь лицом к лицу со своими страхами. — Ты единственная, кто выжил, но вот так. — Она указывает на мои ноги. — Видишь, что доктор имеет в виду. Встреть свой страх лицом к лицу. Ты выдумать эту глупую историю о кролике в зеркале, чтобы отрицать реальность того, что ты парализована.

Взгляд мечется по комнате в поисках Тигровой Лилии, но ее нет. Я чувствую себя еще

более одинокой; меня словно затолкали в темный угол, который слишком тесен для меня.

— Я бы хотела побыть одна, — говорю я, по — прежнему сдерживая слезы, не уверена, как долго я смогу их сдерживать.

— Не могу отрицать. Ты счастливица. Доктор отказай мне в сеансе шокофой терапии для тебя на целый неделю. — Она поворачивается, чтобы уйти, но затем останавливается и смотрит на меня в зеркале. — Но я уфрена, ты выкинуть какой-нибудь глупость и снофа станешь моей рапыней в Мухоморне. — Она смеется и захлопывает дверь.

Снова одна. Я больше не могу это выносить. Правда или ложь, я закрываю глаза и молю Бога, чтобы все это прекратилось, даже если это означает снова вернуться в тот безумный мир, что я себе нафантазировала. Я не против побыть сумасшедшей. Я не против всего того безумия, что творится в мире, если только я снова очнусь и смогу ходить. Если реальный мир на самом деле таков, тогда я просто обожаю свой, безумный. Выдумки или нет, я хочу быть девушкой, которая спасает жизни. Прошу, я хочу очнуться от этого кошмара.

Лимузин Пиллара, где-то по дороге обратно в Лондон

— Все в порядке, милая? — лицо Фабиолы освещает широкая и спасительная улыбка, даря чувство безопасности, которого мне всегда так не хватает: редкий момент ощущения, когда кто-то по-настоящему заботиться о тебе.

Я не отвечаю ей. Я понимаю, что лежу в лимузине Пиллара, моя голова покоится на коленях Фабиолы. Перво наперво, я смотрю на свои ноги. Они выглядят нормально. Но этого недостаточно. Я шевелю носком. Все в порядке. Но и этого недостаточно. Я сгибаю колено, и оно работает. Я не калека. Тогда что все это было? Плохой сон? Или прямо сейчас я живу в выдуманном мною мире?

Значит, так тому и быть! Я не возражаю.

— Где я? — Я выпрямляюсь на сиденье в лимузине Пиллара. За рулем шофер. Фабиола, она же Белая Королева, элегантно сидит рядом со мной, а Пиллар расположился напротив на пассажирском сидении. Полагаю, Фабиола заставила его сесть там, вопреки его желаниям.

— Мы в..., - начинает Пиллар, поворачиваясь ко мне лицом.

Фабиола тут же шикает на него.

— Мы в лимузине Пиллара, едем в Лондон. Кажется, ты вернулась в наш мир обратно сквозь зеркало, но немного позже четырнадцати минут. — Она передает мне стакан воды. — Хвала Господу Богу, ты опоздала не на много. Несколько секунд после четырнадцати привели к потере сознания, а не к большему вреду. По-крайней мере, так гласили надписи Льюиса на Доске. Ты вернулась назад без сознания, и Пиллар подумал, что ты умерла. Он послал ко мне за помощью. И я рада, что оказалась полезной.

— Послал за Вами? — я сделала глоток, который не утолил ни жажды, ни вопросов, которые лишь продолжали множиться. — В Ватикан?

— Это заняло у меня несколько часов, включая дорогу и ожидание в аэропорту, — объясняет она. — Прошли те дни в Стране Чудес, когда я могла оказаться там, где пожелаю в мгновение ока.

Я помню, как входила в Доску Эйнштейна несколько минут спустя полуночи. Сколько же сейчас времени? Как долго я не могла очнуться? Я сунула руку в карман, в поисках часов. Оказалось, что я потеряла их вместе с часами.

— Я взял свои часы назад, если не возражаешь. — Пиллар показывает часы у себя в руке. На его лице играет слабая улыбка. Он и вправду сердит оттого, что его место заняли. Как всегда, Фабиоле он не может и слова поперек сказать, и мне до сих пор интересно почему.

— Сейчас три часа дня, — сообщила Фабиола. Ее успокаивающий голос обладает способностью с легкостью переносить столь ужасные известия. В противном случае, я бы запаниковала. Срок, установленный Пекарем, заканчивался через два часа.

Нельзя паниковать. Нельзя жаловаться. Чтобы ни происходило в этом безумном мире, я обожаю это. Потому что, если в реальной жизни, я калека в психиатрической лечебнице, то мне не хочется возвращаться туда, не смотря ни на что. Мне нравится здесь. Рука зудит, в том самом месте, где располагается татуировка. Прямо в месте где слова: Я не могу вернуться в прошлое, потому что там я была кем-то другим. Что если "прошлое" означает

"реальность".

— Я так долго пробыла без сознания? — спрашиваю я.

— Твое задание было не из легких, — ответила Фабиола. — Я имею в виду, никто из нас не смог бы вернуться вовремя сквозь то зеркало. В записке, что оставил Льюис говорилось, что "девушка сможет".

— Неужели это значит, что я — Алиса?

— Не могу сказать, — сказала Фабиола. — "Девушкой", что упомянута в его записке, может оказаться кто угодно. Мы лишь предполагаем, что это — Алиса.

— Но я прошла.

— Это было нелегко. Ты чуть не умерла. Пришлось использовать специальные и крайне редкие снадобья, чтобы вернуть тебя назад, — рассказывает Фабиола. — Мне, правда, очень жаль; до сих нет никакого подтверждения, что ты — Настоящая Алиса.

Не смотря на то, что я обожаю Фабиолу, я ужасно зла на нее. Почему она просто не скажет мне, что я и есть Алиса? Теперь мне так нужно это услышать, потому что я так боюсь снова потерять сознание и вернуться обратно к ужасной "реальности".

— Не слушай ее, — фыркает Пиллар. — Религиозные люди как всегда нерешительны и старомодны. Они едва ли могут с чем-либо справиться, если это не относится к их древним верованиям. Будто мы не должны развиваться и творить. — Фабиола пытается шикнуть на него, но Пиллару плевать. Не тогда, когда разговор заходит о том, Настоящая ли я Алиса. — Ты единственная и неповторимая, Алиса. Хочешь, чтобы я это доказал?

— Пиллар! — Фабиола деликатно повышает голос.

— Да, докажите, пожалуйста. — Я всем телом подаюсь вперед.

— Если ты не Настоящая Алиса, зачем тогда она спасла тебя? — Пиллар показывает на Фабиолу, которая, потупив взор, избегает моего взгляда. — Зачем тогда сейчас мы отправляем тебя на последнюю новую миссию? Спроси ее!

Я снова смотрю на Фабиолу и не могу поверить, что она могла солгать. Когда-либо. Но зачем тогда она отводит взгляд?

— Когда Галилей открыл вращение земли, подобные Фабиоле убили его за предположения о "человеке в небе", — говорит Пиллар.

— Прекрати! — Фабиола напрягает челюсть. — Мы могли бы спорить, кто ты такая целый день напролет, — говорит она мне. — И позволить людям умереть. — Она отрывисто вздыхает и, закрывает глаза будто бы медитируя. Когда она снова открывает глаза, ее охватывает безмятежность. Есть ли вероятность того, что иногда она показывает свою темную сторону?

— У нас новая миссия, Алиса, — говорит она. — Осталось менее двух часов до массового отравления Пекарем миллионов людей. Ты последняя надежда человечества.

— Значит, он не передумал? — Я разочарована, что не смогла изменить ход событий, когда была в Стране Чудес. Я даже не могу начать думать, что все это значит. Неужели Льюису не удалось спасти детей Горгона? Боже мой. Кажется, меня сейчас снова стошнит.

— Нет, отвечает Пиллар. — У нас нет времени, чтобы рассказать тебе, что произошло, к тому же все равно ничего не вышло.

— Значит это конец? — Я не заплачу. Я уже многое повидала. Я знаю, что слезы делу не помогут.

— Тебе остается сделать лишь одно, — выкладывает Пиллар, когда мы въезжаем в Лондон. — И выбора у тебя нет.

— Я сделаю это. Время истекает, — говорю я им обоим. — Что такое?

— Мне стыдно за то, что я сейчас скажу, но это наша последняя надежда. — Фабиола с Пилларом обмениваются взглядами, а после поворачивается ко мне. — Чешир позвонил мне в Ватикан несколько часов назад.

— Звонил Вам? — Я знаю, что звонить Фабиоле было довольно оскорбительно, но, должно быть, это одна из его зловещих уловок.

— По телефону, Скайпу, WhatsApp? — спрашивает Пиллар, но мы игнорируем его.

— Он явился ко мне, забравшись в какую-то каявшуюся женщину, прямо в исповедальне, — отвечает Фабиола. — Даже говорить об этом не хочется.

— И он сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться, — шутит Пиллар.

— Чешир сказал, что знает как остановить Пекаря, — продолжает Фабиола. — И прежде, чем пойдут всяческие комментарии, я знаю как унижительно и иронично все это. Человек, который создал злого убийцу, чтобы терроризировать нас, сообщает нам, как избавиться от него.

— Он дурачит нас. Это аналогия. — Серьезность Пиллара возвращается.

— Для чего? — спрашиваю я.

— По рассуждениям Пекаря, продовольственные компании создают еду, от которой мы заболеваем, так что, в конце концов, мы обращаемся за лекарством в медицинские компании. И медицинские и продовольственные компании принадлежат Корпорации Черные Шахматы. Они продают нам яд, от которого после лечат нас. То же самое сейчас делает Чешир.

— Я не хочу сейчас смущать ее деталями о Корпорации Черных Шахмат. — Фабиола всплескивает на Пиллар руками. — На самом деле, Чешир настаивает на том, чтобы рассказать тебе, как избавиться от Пекаря. — Она смотрит на меня. — Он встретиться с тобой в Мадфоге...

— Мадфоге, где сейчас все мертвы. Он выглядит, словно уменьшенная версия Английской Черной Чумы в 1600, - комментирует Пиллар.

- Туда мы едем? — спрашиваю я.

Фабиола кивает.

— Тебе придется пожать руку дьяволу, чтобы спасти невинных. Я знаю, это благородный поступок.

— В задницу такое благородство, — бормочет Пиллар, но я все равно его слышу.

— Ты готова ко встрече с ним? — спрашивает меня Фабиола. Я киваю.

Шофер останавливает машину. Полагаю, мы прибыли в Мадфог. Когда я опускаю окно, из города тянет мертвечиной. Вид распластанных тел ничем не отличается от любого другого зомби — фильма, что я видела.

— Неужели никто не убрал в городе? — Не могу поверить в это.

— По новостям передавали обратное. — Морщится Пиллар, но затем он меняется в лице. Он замолкает и смотрит на меня сверху вниз. Не знаю, что он пытается во мне разглядеть. — Ты еще не прочла мою записку о Джеке? — спрашивает он.

— Нет. Я не нашла ее. — Сую руку в карман и снова не нахожу ее.

— Странно, я искал ее в твоих карманах, пока ты спала и тоже не смог найти, — говорит он. — Не желаешь узнать кто он, прежде чем встретиться с Чеширом?

Идея узнать шла в паре со словом "ужасный". Когда я очнулась в кабинете психотерапевта, я закончила тем, что у меня оказались искалеченные ноги. Правда или нет, я боялась узнать кто такой Джек, я боялась, что это окажет на меня тот же эффект. Пару

дней меня не покидало дурное предчувствие.

— Думаю, я сперва увижусь с Чеширом. — Я берусь за ручку на двери. — Я сразу же вернусь, как узнаю, чего ему от меня нужно. — Выглядывая на улицу, я вижу пухлого мальчика, который кувыркается и танцует на вершине стены. Движения невозможны с его — то строением тела и фигурой. Я знаю, что это — Чешир. Я выхожу.

- Передай ему "мяу" от Пиллара! — Щебечет Пиллар, прежде чем я закрываю дверцу за своей спиной. — И по возможности, пусть расскажет, как запихнуть голову внутрь арбуза, потому, что я считаю это гениальным!

Город Мадфог, семьдесят миль от Лондона

Пробираясь среди трупов, я иду в сторону танцующего на стене мальчика. Его яйцеобразное туловище напоминает мне Шалтая — Болтая из Зазеркалья. Когда я подхожу поближе, я замечаю, что у него отрублена голова. Он, то снимает ее, то одевает, даже подкидывает, словно футбольный мяч, а после бежит за ним. Придется поговорить с еще одним покойником. Но тишина в городке Мадфог не такая уж и тихая. Там и тут поднимаются тела и приветствуют меня.

— Добро пожаловать на мою чудную игровую площадку безумия, — говорят они, одержимые одной из девяти жизней Чешира.

— Что за чудный денек! — приветствует меня мальчик, раскинув руки и указывая на заходящее вдали солнце.

— Уже почти четыре часа. — Я останавливаюсь перед ним, выгибая шею, совсем как Алиса в книге при разговоре с котом на дереве. — Ближе к делу.

— Не раньше, чем ты увидишь вот это. — Он идет по стене на руках, жонглируя своей головой ногами, словно мяч.

— Рада за тебя, — говорю я. — Тебе бы в цирк.

— Почему ты так сильно меня ненавидишь, Алиса? — Он выпрямляется и зацепляет пальцы за лямки комбинезона.

— Если не будешь говорить, я уйду, — говорю я.

Мальчик падает и притворяется, что у него сломана шея. Голова катится к моим ногам. Он вскакивает на ноги уже без головы. Его голова у моих ног обращается ко мне.

— Разве я не говорил тебе, что меня зовут Шалтай — Болтай?

— Очень приятно, — отвечаю я, сквозь сжатые губы. — Я все поняла. Я уйду.

— Не могла бы ты передать мне голову, пожалуйста? — его голова давится от смеха. — Как мне по — твоему говорить с тобой без головы на плечах?

Я опускаюсь на колени, подбираю голову и бросаю ему в руки. Он с легкостью ловит ее и насаживает обратно.

— Говори, — требую я. — Быстро. Никаких игр.

— Взгляни на себя, — говорит ребенок одновременно с обидой и восхищением. — Ты больше не боишься меня.

— Недостаточно быстро. — Я в ужасе. Каким-то образом, я научилась скрывать это.

— О, да ты выучила парочку отменных острот. — Он потирает свой жирный подбородок.

— Единственная острота, что ты заслужил — это кулаком в свой стремный подбородок. — Думаю, мой страх лишь снова пробудил калеку, что руководит мною сейчас.

— Ты начинаешь мне нравиться, — говорит он. — Вот сделка. Я помогу тебе убить Пекаря и остановить массовое отравление.

Так и подмывает задать вопрос, с какой стати, но у меня есть вопросы и понасушней.

— Убийство не решит проблемы. Он, должно быть, уже отравил еду по всей стране. Я нужно лишь узнать, что за еда и где ее искать.

— Ты поверила в это? — Он вынимает йо-йо и играет с ним.

— Он блефовал?

— Не совсем, — отвечает мальчик. — В данный момент, еще пока ничего не отравлено. Но он и пара его знакомых начнут отравление большей части конфет и фаст фуда по всей стране.

— Не совсем понимаю.

— Отравление, что он пророчил, не сработало бы. В лучшем случае умрет несколько человек, и подозрение сразу падет на всю еду, что отравлена, и что нет. У него есть план покруче. Чтобы шокировать тебя и ничего не делать, а потом по всем новостям объявят, что Пекарь блефовал, отравление начнется без предупреждения.

— Потому что еду, что он отравит сейчас, довезут до магазинов лишь через неделю, а когда все начнется, возврата назад не будет. — Я высказываю его зловещий план.

— Туше. Я — гениальный кот. — Ухмыляется он. — Не смотря на то, что все можно было бы прекратить, если Королева и Парламент признали бы свои неправомерные действия, но мы оба знаем, что этого не произойдет.

— Что означает, я должна остановить его прямо сейчас.

— Верно, упрямица. — Он сжимает руки в кулаки, строя из себя супергероя из комиксов. — Если ты убьешь Пекаря, его пособники немедленно прекратят, и ты спасешь Англию.

— Как мне убить его? — Я пытаюсь быть прямолинейной и точной, как Пиллар.

— Это самая легкая часть. — Он вынимает из-за спины мой зонт и раскрывает его с усмешкой джокера на лице.

— Откуда он у тебя?

— Стадил его из твоей палаты, когда в последний раз навещал тебя, — отвечает он. — Мне всегда были любопытны гаджеты, что изобрел Льюис Кэрролл. Фабиоле много об этом известно, но мне бы она не рассказала. — Он печально мяукает, словно кот кланчащий еду. — Но все в порядке. Я всегда получаю то, чего хочу. В конце концов, я же кот.

— Значит, ты знаешь, что я не чокнутая, — говорю я. — У тебя мой зонт, и ты знал, что я воспользовалась им, чтобы сбежать из башни в Ипре.

— Этого я не знаю, — отвечает он. — А знаешь почему? Потому что все мы здесь чокнутые. — Он бросает зон и убегает.

Я ловлю его и, не колеблясь, целюсь ему в спину. Нажимаю на курок и стреляю в него. Такие шансы выпадают мне редко, и мне следовало прикончить его еще в морге. Пуля, похожая на зубочистку, вонзается ему в живот и не выходит. Думаю, мне, наконец — то, удалось убить Чеширского Кота.

— Ауч, — произносит он. — Щекотно. — Он снова ухмыляется своей жуткой улыбочкой. — Поэтому я встретился с тобой в теле мертвого мальчика, потому что нельзя убить то, что уже мертво. Впрочем, хорошие рефлексy. В этом оружии очень мало пуль, поэтому не стреляй в меня больше, пожалуйста.

— Что еще за пули?

- Чудовищные зубочистки, еще одно Кэрролианское изобретение. Ты ведь знаешь о Чудовище, верно?

— Монстр, что бросит по лесу Страны Чудес, согласно книгами, упоминался в поэме Кэрролла *(прим пер. речь идет о поэме "Бармаглот")*

— У тебя внутри было три пули. Теперь осталось две. — Он хмурит брови. — Никакая другая пуля не сможет убить Пекаря, если только ты не планируешь подобраться к нему поближе и сразиться с таким здоровяком врукопашную.

— Где он, чтобы я смогла остановить его?

— Он в Аксбридже, в Лондоне, на фабрике "Кэдбери", подмешивает в горячий шоколад немного перца.

— погоди минуту. Что-то не так. — Аксбридж недалеко отсюда. Я просто не понимаю, почему Чешир хочет, чтобы я убила созданного им монстра. — Зачем ты все это делаешь? Ты водишь меня за нос.

— Это просто, правда. — Он вынимает Чудовищную Зубочистку и возвращает ее. — Я с самого начала планировал всю эту заварушку, чтобы передать вам послание. Под вами, я имею в виду Пиллара, Фабиолу и целый мир.

— И какое же?

— Я продемонстрировал вам пример человека, которого общество подмяло под себя, на которое он и обратил весь свой гнев. — Похоже, он гордится этим. — Это учебник по созданию террориста или преступника. Пускай жестокое общество раздавит его, пусть его душой завладеет безумец вроде меня, и наводнит его голову мстительными мыслями, настолько мощными, что он свяжет людей со всеми своими бедами. В итоге получится первоклассный чокнутый маньяк, убийства которого будут бессмысленны.

Я безмолвно смотрю на него.

— Что?

— Просто мне еще не доводилось встречать кого-то больнее тебя, — признаюсь я. — Что ты такое? Что подвигло тебя на столь сильную ненависть к человечеству?

— Люди, конечно же. — Он широко разводит руки. — Они сотворили меня таким. Тоже самое я сделал и с Пекарем. Я человеческое отражение жестокости и безумия; вот только вы не были готовы к такому могущественному отражению, как я. И знаешь что? Я лишь демонстрирую Пилару и Фабиоле как слабы человеческие души, как я могу использовать их против них самих же в надвигающейся Войне Страны Чудес. Знаешь, сколько жестоких мужчин и женщин бродят по улицам, которыми я мог бы воспользоваться?

— Каким-то образом, я не считаю это достаточной причиной для убийства Пекаря, — возражаю я.

— Я хочу увидеть, сможешь ли ты сделать это. — Он делает шаг вперед, его мертвые глаза сияют живым огнем. — Мы по-прежнему мне интересны. — Он отбрасывает йо-йо. —

Либо ты не сможешь этого сделать и окончательно сойдешь с ума, тогда я и думать о тебе забуду; или же ты убьешь его и докажешь, что ты — та самая Алиса, которой так сильно доверял Льюис.

— Что случится тогда?

— Если ты — она? — переспрашивает он. — Ох, детка. Это уже другая игра.

Не уверена, что хочу рисковать, подвергнувшись дальнейшему безумию. Я рискую снова очнуться калекой в своей палате.

— Не думаю, что ты смогла бы застрелить Пекаря, — осмеливается вставить Чешир. — Тебя ослабило то, что увидела в Стране Чудес. Глубоко внутри, ты считаешь его хорошим человеком, с которым жестоко обошлась Червонная Королева, убив его детей.

— Этого мы не можем знать наверняка, — возражаю я. — Льюис отправился спасать его детей. Он должен был...

— Нет, не спас. — Ухмыляется он. — Разве этого не видно? Если бы Льюис спас детей Горгона, он бы не продолжал делать все это. Что? Ты думала, что сможешь изменить прошлое? Пиллар использовал тебя в качестве эксперимента, чтобы посмотреть на Доску Эйнштейна в действии. Дети Горгона Рамштайна были найдены мертвыми, они исцарапали ногти до мяса об дверь грибного домика, пытаясь дотянуться до дверной ручки, которая бы все равно не открылась.

Я сжимаю зонт так сильно, как только могу. Если это произошло на самом деле, я не могу даже нарисовать эту картину у себя в голове. Неужели Пекарь вознамерился отплатить за жестокость мира или же он умрет за тех, кто был жесток к нему?

— Поверить не могу, что нечто подобное случилось с Пекарем. — Мне больно говорить эти слова. Я сражаюсь с тошнотой и слезами одновременно. Но как уже сказал Пиллар, я не могу все время лить слезы из-за безумного мира. Я должна стать сильнее, не смотря на то, что рецепт мне неизвестен. — Что произошло с Льюисом, когда он увидел их? — Я зла из-за того, что приходится все узнавать от Чешира, но я даже представить себе не могу, как Льюис отреагировал на это. Ведь я знаю, как сильно он любит детей.

— Ах он, ну, п-п-п-позаикался н-н-н-немножко. — издевается Чешир над недостатком Льюиса, улыбка кривит его жирные мясистые губы. Я едва сдерживаю себя, чтобы не выстрелить в него снова. — Но потом, после того как он собрался, религиозный математик прозрел на всю жизнь.

— Что ты имеешь в виду?

— Льюис Кэрролл наконец-то узнал, что может спасти бедных детей в Викторианские времена, — ответил Чешир, шутливо выделяя каждое слово. — Он решил, если дети не смогут раздобыть одежду, друзей и прочие блага настоящей жизни, он собрался дать им все это сполна в книге. Книге, полной огромных грибов; печенья, от которого можно стать выше; зефира, пирожных и всего прочего. Все бесплатно, но всего лишь плод воображения бедных детишек.

— Ты имеешь в виду...

— Я имею в виду, что история Пекаря легла за основу книги Алиса в Подземелье. Он и вправду верил, что будь у детей Горгона такая книга, они, быть может, и не умерли бы от голода так быстро. Я, знаешь ли, имею в виду, "пищу для души". — Он закатывает глаза, очевидно завидуя всему тому, что сотворил Льюис.

— Мой Бог.

— Да? Чем могу помочь? — Чешир склоняет голову набок и вскидывает брови. —

Шучу. Брось, давай посмотрим, сможешь ли ты нажать на курок, так-называемая Алиса. — Чешир одаряет меня последней улыбкой. Он исчезает, покидая голову и тело мальчика, которое тут же падает наземь.

Фабрика Кэдбери, Аксбридж, Лондон

Пиллар заботиться о том, чтобы я попала на фабрику. Это не сложно, поскольку сейчас место заброшено. Кто захочет делать шоколад, когда через полтора часа настает конец света?

В лифте на этаже цеха изготовления, Пиллар нажимает на кнопку "Стоп".

— Ты сможешь, — говорит он.

— Я знаю, я должна, — отвечаю я, сжимая в руке зонт. — Но я боюсь, что замешкаюсь в самый последний момент, зная о том, что произошло с детьми Пекаря.

— Если бы мы принимали во внимание несчастное детство каждого террориста вроде Бен Ладена и этим самым оправдывали его, мир, в конечном итоге, погиб бы за несколько дней, — говорит он. — Каждый сам несет за себя ответственность. Нельзя винить мир за то, что произошло с тобой. — Он замолкает, чтобы сделать вдох и спрашивает меня, — Теперь, ты хочешь узнать кто такой Джек на самом деле, прежде чем сделаешь это?

- Я не уверена.

— Все зависит от тебя. Я лишь напоминаю, на случай, если ты не вернешься живой, — говорит он. — Кто знает, что там может случиться?

— Кажется, я знаю, кто такой Джек. — Наконец, я дрогнула под давлением. С какой стати я должна отрицать это? Я очнулась калекой в мире, который показался мне вполне реальным, не смотря на это, все здесь ощущается реальным, и этого просто не может быть, потому, что тогда все это бессмысленно. — Джек — плод моей фантазии.

— Продолжай..

— Я выдумала его, чтобы хоть как-то компенсировать его отсутствие, после того, как убила его в школьном автобусе по причинам, которых не могу вспомнить...

— И?

— Он появляется, когда я оказываюсь в большой опасности, где бы я ни была, потому что я чувствую себя лучше, от одной только мысли, что он пришел спасти меня. — Я уже плачу. — Я выдумала его, что не чувствовать себя виноватой в его смерти. Иногда, мне кажется, что остальные люди тоже видят его, но все это я тоже выдумала.

— И это все?

Я поднимаю голову, глядя на Пиллара.

- Я готова признать это, но я хочу, чтобы он остался рядом. Прошу, не заставляйте его исчезнуть, — говорю я Пиллару, бросаясь ему на грудь. Мне уже давно нужно было сказать эти слова.

— Я не могу заставить его исчезнуть, Алиса. — Пиллар не обнимает меня. Он просто позволяет мне делать то, что захочется, вот только сам не спешит проявлять сочувствие.

Я отстраняюсь и спрашиваю, что он имеет в виду.

— Все, что ты сказала неверно, — говорит Пиллар.

— Неужели это значит, что Джек реален? — Я вытираю слезы тыльной стороной руки.

— Не совсем.

— Что это должно означать?

— А ты готова к правде?

Я яростно киваю.

— Джек не плод твоей фантазии, Алиса, — отвечает Пиллар. — Он выдумка своего собственного воображения.

— Что? — я даже не могу осмыслить предложение, которое он только что сказал. — Выдумка собственного воображения?

— Когда люди умирают в этом мире, порой они не готовы перейти на другую сторону, — объясняет он. — Обычно, это кто-то у кого остались незаконченные дела, которые удерживают его в мире живых. Такое происходит нечасто. Быть может, один случай на миллион. — Я начинаю понимать, к чему он ведет. — Вне сомнений, ты убила Адама... то есть Джека. Он просто не был готов оставить тебя одну в этом мире. Он верит, что ты до сих пор чему-то не научилась, и он не может уйти, пока не поможет тебе с этим. Только не спрашивай меня, что это, потому что я не знаю.

— Вы имеете в виду, что он — живой покойник?

— Он не знает об этом. Если ты спросишь его, где он ночевал прошлой ночью, он, скорее всего, не сможет ответить, так ведь? — спрашивает Пиллар. — Он не более чем дымка, что движет единственной силой его временно — выдуманное существование.

— Единственной силой?

— Своей любовью к тебе.

Я снова плачу.

— Он появляется, когда твое сердце нуждается в нем больше всего на свете. Другие будут его видеть, и он будет иметь силу, — рассказывает он. — Те, кого он убьет — погибнут. Когда он существует, он — реален. Думай о нем, как о живой душе, призванной из потустороннего мира.

— Все так запутанно. — Всхлипываю я. — Но это значит, что он навсегда останется здесь из-за меня.

— Как ангел — хранитель. — Пиллар жует слова. — Я притворился, что не видел его из-за эмоционального давления, что он оказывает на тебя. Мир опасен, Алиса, а эмоции лишь делают нас слабее. Так нельзя. Ты должна научиться искусству беспристрастности, чтобы противостоять врагу.

Я поднимаю зонт и утираю слезы.

— Вы ошибаетесь, Пиллар, — говорю я ему. — Не знаю, что именно Вы знаете о любви или что произошло с Вами в прошлом, почему Вы стали таким циничным и бесчувственным, но любовь придает сил, а не ослабляет. Почему Вы сразу не сказали мне, что он выдумка своей же собственной фантазии?

Пиллар молчит. Я чувствую, что ему больше нечего сказать.

— Если мне следует знать еще что-нибудь, прошу Вас, скажите.

— Нет, — отвечает он. Я верю, что он лжет. — Окажи мне услугу и не зови Джека, когда будешь сражаться с Пекарем. Я хочу, чтобы ты познала свои силы и все то, на что ты способна. Мы с Джеком не сможем вечно приходить тебе на помощь.

— Как мне сделать это?

— Просто не думай о Джеке, когда встретишься со своим врагом, — говорит Пиллар — Будь собой. Не полагайся на кого-либо еще.

— Хорошо. — Мне нравится эта идея. Я не могу постоянно использовать Джека или Пиллара, чтобы решать каждую свою проблему. — Но опять же, Вы понятия не имеете, какого это, влюбиться. — Я нажимаю кнопку лифта, готовая убить.

Пиллар, кажется, слегка оскорбленным моими словами. Впервые за все время, я понимаю, что этот безжалостный убийца тоже когда то был влюблен. Быть может, та любовь и сделала его таким, как сейчас.

Фабрика Кэдбери, цех смешивая шоколада

Я прошу Пиллара оставить меня наедине с Пекарем.

— Как пожелаешь, — бормочет он, когда закрываются двери лифта. — Я бы хотел посмотреть на шоколадную фабрику, как в "Чарли и Шоколадная Фабрика", — дразнится он.

Звук производственных машин окружает меня, когда я иду между ними. Фабрика огромная; я боюсь, мне понадобится слишком много времени, чтобы найти Пекаря. На удивление, все оказалось проще, чем я думала. Горгон Рамштайн мурлычет свою же собственную песенку себе под нос, пока работает.

—..Пекаря, Пекаря. А ты знаешь Пекаря, что живет на Друри Лейн?

Я снимаю обувь, чтобы он не услышал моих шагов, и я смогла застать его врасплох, мой зонт, словно заряженное ружье, высоко поднят.

— Пекаря, Пекаря. А ты знаешь Пекаря, что остался без мозгов?

Пройдя несколько рядов сложенных материалов, я вижу его, стоящего за огромной, круглой машиной. Похоже на ванную, полную шоколада. Перемешивающие лопасти такие огромные, что могут с легкостью перерезать человека. Пекарь протягивает мешок перца к этой ванной. Он начинает открывать его и высыпать перец в смесь.

— Пекаря, Пекаря. А ты знаешь Пекаря, что чокнулся совсем?

— Остановитесь! — Я намерена серьезно и целюсь в него зонтом. Удивительно, какой у меня вышел хороший обзор для выстрела. Наверное, я прежде уже умела пользоваться этим зонтом... или моего столкновения с Чеширом в Ипре было достаточно? — Или я выстрелю! — говорю я.

— Откуда ты узнала, что я здесь? — Он удивлен, один из мешков, что у него в руке, открыт.

— Это не имеет значения. — Мне удастся контролировать свой голос. Мне приходится говорить громко, чтобы он знал, что в случае чего я выстрелю. — Мне нужно, чтобы Вы опустили мешок на землю, сэр, — Не знаю, как это работает, но Чешир упоминал, что если Горгон остановится, его пособники тоже прекратят.

— Как ты нашла меня? — Недоумевает он. — Ты должна быть вместе с остальными паникующими людьми, пытаться найти отравленную еду или вообще не вмешиваться во все это.

— Прошу, сэр, — повторяю я. — Опустите на землю мешок с перцем.

Из-за звука смесительной установки, мне приходится повышать голос.

— Единственный, кто знает, что я здесь — это Чешир. — Он напрягает челюсть. — Неужели он рассказал тебе, что я буду здесь? Зачем он так поступил?

— Потому что он — Чешир. Не следовало ему доверять. — Я пытаюсь воспользоваться этим конфликтом. — Обещаю, что не причиню Вам вреда, если Вы остановитесь, сэр. Мы будем считать Вас нашим союзником, который помог предотвратить миллионы смертей. — Я лгу. Я говорю, словно полицейский. Что — угодно, только бы он остановился. — Обещаю, что расскажу Вам, что пожелаете, как только Вы опустите мешок. — Я переступаю с ноги на ногу. Оказывается, держать оружие так долго, чертовски сложная задача.

— Я не опущу мешок, — отвечает он. — Мне плевать даже если вы схватили Чешира и

заставили его сознаться. Этот мир должен заплатить или же пускай Королева Англии приносит публичные извинения.

Мне так сильно хочется его спросить, означает ли это то, что Королева Англии — Червонная Королева, но не буду. Мне нужна твердая рука. Убийцу нужно остановить или убить.

— Сэр, в последний раз. — Дыхание срывается. — Опустите мешок на землю или я выстрелю.

— Стреляй, если хочешь, — говорит он. — Пули меня не убьют.

— У меня Чудовищные пули, сэр. — Почему я продолжаю обращаться к нему "сэр"?

Внезапно Пекарь начинает паниковать. Он осознает, какая мощь у меня в руках.

— Тогда это действительно Чешир. Неужто, он сдал меня?

— В последний раз, сэр. — Я стискиваю зубы. — Я серьезно. В последний. Опустите мешок на землю или я выстрелю.

— Ты знаешь, что она сделала с моими детьми в Стране Чудес? — Его печаль выходит на поверхность. Могу сказать, что она искренняя. — Можешь себе представить, как мои дети без еды в течение трех дней скреблись в двери и окна? — Мне это не помогает. — Ты знаешь, сколько раз я умолял Червонную Королеву убить меня и послать кого-нибудь открыть им дверь? Они же были всего лишь детьми. — Образ Льюиса в слезах от того, что не смог спасти их, так и стоит перед глазами. Не хочу, чтобы слова Пекаря смягчили меня. Не уверена, что смогу продержаться достаточно долго. — Потом, в этом новом мире, я сказал себе, что все начну сначала. Я сказал себе, что в этом мире нет места жестокости Страны Чудес. Но стоило мне предупредить правительство о своих научных открытиях, по поводу преступлений в пищевой отрасли, они убили моего адвоката и моих детей. СНОВА! — кричит он. Вены у него на шее вздулись. Его крики поглотил шум смесительных установок фабрики. Еще одна несправедливость сотворенная с ним. Каждая частичка меня переводит его слова как "боль".

Слезинка катится по моей щеке. Не думаю, что смогу выстрелить.

— Я знакомы все Ваши лишения, сэр. — Мой голос дрожит. Голос лгуни. Как, скажите мне, можно понять такую жестокость? — Как только Вы опустите мешок, мы сможем поговорить об этом.

— Нет. — Он открывает мешок, какая-то часть его уже просыпалась. — Ты похожа на хорошую девушку. Вот только ты не очень-то много знаешь об этом мире. И тебе не хватит смелости, чтобы..

Я внезапно делаю шаг назад. Не знаю почему. Затем закрываю глаза и стреляю в него. Я не могу позволить ему играть на моих чувствах. Выстрел раздается кратким эхо, прежде чем звук снова поглощает шум машин. За ним следует издевательский смех Горгона. Я открываю глаза, а он уже рассыпает перец. Его смех злобный и глухой, как и его голос, напоминает мне о том, что мне не удастся остановить его. Пиллар прав. С Горгоном плохо обошлись, но это не дает ему право убивать детей и взрослых. Я начинаю подстраиваться к некой разновидности морального компаса, которому стараюсь следовать. Спасение жизней превыше всего.

Чья-то рука выхватывает у меня зонт и отталкивает меня. Это Пиллар. Он вернулся и собирается выстрелить. Видя, как он делает это, я ощущаю, как внутри меня разгорается пламя. Я не проиграю. Если мне суждено спасти мир, тогда, черт подери, спасу его. Делаю шаг вперед, чтобы выхватить зонт у Пиллара, и при этом вижу удивление в его глазах. Я

отталкиваю его с пути и целюсь в Пекаря, который уже успел опустошить один мешок, волосы убраны с лица, поэтому я вижу его пустую глазницу. Он потешается надо мной, зная, что я не выстрелю.

— Стреляй, Алиса! — кричит Пиллар за моей спиной.

Пекарь тянется к другому мешку и открывает его, нагло глядя на меня. У меня осталась всего одна Чудовищная Зубочистка. Боясь, что я промажу, я бегу напрямик к Пекарю, целясь в него. Чем ближе, тем лучше. В это время он опустошает второй мешок. Проклятие! Он тянется за третьим.

Я бегу так быстро, и удивляюсь тому, что еще не взлетела. Я кружу вокруг огромной ванной. Ее острые помешивающие лопасти поблескивают опасным и смертельным блеском. Я боюсь подскользнуться и упасть вниз.

— Ты не можешь меня убить! — вопит он, нас разделяют дюймы.

Я не мешкаю. Я целюсь ему прямо в сердце. Это ведь должно убить его, верно?

Чудовищная Зубочистка попадает прямо в цель, но его пиджак словно сделан из стали. Одноглазый Пекарь оскаливается и высыпает третий мешок. Меня охватывает безумие, переполняет злоба и я готова взорваться. Не раздумывая, я бегу к нему, хватаю один из мешков и наношу ним удар по спине Пекаря. Кажется невозможным, что я смогу причинить вред такому большому парню. Выражение на лице Пекаря бесценно. Этого он не ожидал, согнувшись пополам на краю смесительной ванны, вцепившись руками в бортики. По-прежнему, этого не достаточно, чтобы навредить ему.

Я снова бью его. Он наклоняется ниже, едва не касаясь головой смесительных винтов. Его высокий рост помогает ему удержаться. Я собираюсь ударить его еще раз, но он выпрямляется и перехватывает у меня мешок. Судя по выражению его единственного глаза, он собирается столкнуть меня в бадью.

Пиллар вмешивается и ударяет Горгона кальянным шлангом, словно Индиана Джонс. Шланг похож на змею, обвиваясь вокруг его шеи. Горгон задыхается, а Пиллар затягивает удавку. Но Пекарь сильнее. Я бегу и помогаю Пиллару.

— Не тяни, — сетует Пиллар. — Толкни его в смесительную установку!

Горгону неким образом удается высвободить руки, и он начинает душить Пиллара одной большой гигантской ручищей. Эти двое в итоге сплетаются в битве.

— Надо было Королеве заставить тебя чихнуть посильнее, — выпаливает Пиллар писклявым голосом, его шея покраснела под давлением руки Горгона. — Чтоб у тебя и второй глаз вывалился! — Его лицо сейчас взорвется, как воздушный шарик. Он по-прежнему затягивает кальянный шланг.

Я поворачиваюсь и продолжаю пинать его, пока Пиллар затягивает удавку, но все напрасно. Я опускаюсь на колени, чтобы схватить еще один мешок, но останавливаюсь, когда вижу сияющий кухонный нож Горгона. Я поднимаю его. Он такой тяжелый. И я продолжаю смотреть на него.

— Красивый ножик, а? — Пиллар едва может говорить, Горгон все еще душит его. — Ударь его!

Не знаю, как отнестись к тому, чтобы ударить его ножом. Оружие проще. Нажимаешь на курок издали, почти не чувствуя никакой ответственности за причиненную боль..., не удивительно, что во всем мире так и убивают. Нож — это слишком личное. Слишком интимное. От ответственности не убежать.

— Лучше ударь его или просто прирежь меня! — говорит Пиллар. — Потому что, если я

не справлюсь с ним, он наверняка порубит меня на кусочки и подаст как гусеничный суп.

Я поднимаю руки и ударяю Пекаря ножом в спину. Он выгибается и смотрит на меня в неверии. Выражение его глаз пугает меня. Я ударяю его снова, у меня все руки в его крови. Затем еще раз и еще раз. Все это напоминает мне о том, как Эдит рассказывала о той девочке, которой я вернулась из Страны Чудес с кухонным ножом в руке. Что, черт подери, произошло со мной в Стране Чудес?

Пиллар пользуется мгновенной слабостью Горгона и подталкивает его ближе к краю. Я на подхвате, чтобы поставить финальную точку и столкнуть Пекаря вниз. Он падает, свесившись над краем смесительной ванны. Пользуясь случаем, Пиллар пинает его пару раз. Наконец, Пекарь падает вниз. Острые винты смесительной установки прикончили его. Я отворачиваюсь от крови, которая хлещет по шоколаду, меня немного мутит. Убить кого-либо, даже ради блага миллионов, ломает что-то внутри тебя.

— Фух. — Пиллар утирает лоб. — Упрямое чудовище.

— Я должна была пнуть его сама, — говорю я ему.

— Я знаю, смелая девочка, но выглядело так, словно ты хотела зарезать его. Я не мог устоять перед пинком под зад. Это такое облегчение. Нам нужно почаще это делать, — он поправляет галстук.

— Рада, что Вы понимаете то, что я могла справиться и без Вас, — я бросаю нож.

— И ради чего только мы сейчас сражались? — он подбирает свой кальян. — Ты ведь уже знаешь, что завтра никто не узнает о том, что мы спасли мир, верно?

— Знаю, — я хлопаю в ладоши, отряхивая их от перца. — Я лишь безумная девушка из психушки. Мир не должен знать обо мне.

— Думай о себе, как о Супермене, — предлагает Пиллар. — Все величайшие герои остаются анонимными.

— Вы правы, — я опускаю плечи под тяжестью усталости и следую за ним к лифту. — Я умираю с голоду. Могу я хотя бы рассчитывать на приличный ужин?

— Полный вкусных углеводов, насыщенных жиров и нездоровых сладостей? — он выглядит раздраженным.

— Да? — я наклоняю голову.

— Зефир, здоровенная пицца и много кетчупа?

— Да?

— Мороженое, помадка, мармелад и много крема?

— Да?

— Само собой, — он вращает тростью со всем задором мира. — Если ты пообещаешь облизать пальцы и устроить свинарник, когда будешь есть.

— Обещаю, что устрою настоящий свинарник, как в Вестминстерском Дворце.

— Это моя девочка, — щебечет он. — Я знаю парня, который до смерти захочет поужинать с тобой в Жирной Утке, лучшем ресторане, который во всем мире славится своим черепашим супом. — Он нажимает на кнопку лифта.

— Джек? — улыбка на лице такая широкая, что даже становится больно.

Он кивает.

— Но сперва, тебе нужно пойти на суд вместе со мной, — говорит он. — Небольшая услуга.

— Суд? — подозрительно спрашиваю я.

— Будет весело, обещаю. — Он хихикает, когда двери лифта открываются.

Я в последний раз заглядываю внутрь огромной посуды.

— Разве мы не должны предупредить здравоохранительные органы о том, сколько мешков перца туда попало?

— Ты забыла о человеке, который так же туда упал, — Он нажимает кнопку первого этажа. — Но, черт возьми, нет. Немного жирного тела и крови мертвого парня не повредят шоколаду. Мы днями едим всякую гадость, и никто не жалуется.

Двери лифта закрываются. Пиллар пытается сдержать чих.

— Прощу прощения, — говорит он. — Апчххии!

Я снова в ужасе гляжу на него.

— Попалась! — он тычет в меня пальцем и улыбается.

— Я не испугалась. — Я пожимаю плечами.

— Оу, еще как. — Дразнит он меня, пока я смотрю на цифры этажей.

— Вовсе нет, — стою на своем я. — Я подумала, это было "Апчххии" или "Абчххии".

Я кусаю губы. Он прячет улыбку.

Королевский Суд, Лондон

Я сижу в толпе, на мне совершенно новое платье, которое мы купили по кредитке Маргарет Кент. Это фантастическое платье, я со всей тщательностью выбрала в Харродс. И я не планирую пачкать его кровью. Я надену его на свидание с Джеком, как только Пиллар закончит свое абсурдное представление в суде.

Он стоит перед судьями, на нем адвокатская накидка, да и говорит он с безупречной серьезностью. Толпа, сидящая рядом со мной чуть ли не боготворит его за возбуждение дела против Королевы Англии.

— Дамы и господа присяжные заседатели, — говорит он. Не думаю, что так дозволено обращаться в суде в Британской системе. Но это же Пиллар. И это мой безумный мир. Я начинаю любить его. — Я требую, чтобы вы рассмотрели следующее дело: Народ против Королевы Англии.

Судьи едва не смеются над ним, но все же ведут себя соответствующе.

— Мы, народ Англии, желаем узнать, кто платит за ее орехи? — Он театрально всплескивает руками и говорит грациозно, словно дворянин. — Мы хотим знать, покупает ли она свои орехи на налоги, что мы платим.

Люди в толпе кивают и вот-вот сорвутся на аплодисменты.

— Потому что, я не припомню, чтобы платил за Королевские орехи. — Он подмигивает толпе. — Орех или не орех, вот наш честный вопрос. И мы требуем ответа.

Судья ждет, пока толпа перестанет перешептываться и умолкает, а после просит Пиллара приблизиться к трибуне.

— Я смогу приблизиться к судьям лишь с помощью помощницы. — Пиллар указывает на меня. Я краснею в своем вечернем платье.

— Зачем Вам нужно, чтобы она приблизилась к трибуне вместе с Вами? — интересуется судья.

— У меня проблемы со слухом и она перескажет мне слова, которые я не расслышу, — отвечает Пиллар. — Сами знаете, как слова вроде "лепёшка — гавёшка" звучат похоже.

У судьи такой вид, словно он собирается приговорить Пиллара к смертной казни за оскорбление суда. Но ему и его помощникам удастся совладать с собой, зная, что наверняка засадят его за решетку на неделю с небольшим. Для них Пиллар — всего лишь очередная шутка, над которой они все будут посмеиваться за коньяком и сигарами в конце рабочей недели. Впрочем, мне не хочется ввязываться во все это. Я хочу побыстрее отправится на свое первое свидание с Джеком.

— Судя по тому, как происходит этот разговор, я верю, что Вы отлично меня слышите, — отвечает судья.

— Я хорошо слышу лишь издали. Чем ближе я буду подходить, тем хуже буду слышать, — говорит Пиллар. — Это новое заболевание. Его открыли лишь пару часов назад.

— Ладно, — фыркает судья, он вот-вот сорвется на крик и начнет рвать на себе парик. — Может, вы двое все же подойдете к трибуне.

Что мы и делаем.

— Вы осознаете, что высмеиваете суд своим отвратительным делом? — Судья подается

вперед, стискивая зубы.

— Я представляю интересы людей, — отвечает Пиллар. — Люди должны знать, на что идут их налоги.

— Плевать я хотел на ваших людей, — говорит судья. — Я дам Вам шанс извиниться перед судом или же, я позволю продолжить это дело и отправлю вас в тюрьму за неуважение к суду, за слово "гавёшка".

— Я сказал "лепешка".

— Вы сказали "лепешка — гавёшка", — настаивает судья.

— Я сказал "лепёшка — лепёшка", — Пиллар стремительно форсирует события. — Было бы неуважительно с моей стороны сказать "гавёшка" в суде.

— Вы сказали..., - Гнев судьи достигает своего пика, но он вовремя приходит в себя и успокаивается. — Не важно. — Он дышит медленней. — Вы не передумали на счет свои бессмысленных обвинений?

— Нет, — отвечает Пиллар. — Я требую. И знаете что? Вы их одобрите, и Королева Ангии явится в суд, чтобы объясниться. И Вы не посадите меня.

— Да неужели? — усмехается судья.

Пиллар вынимает несколько фотографий из кармана и бросает их на трибуну. Мне не видно, что там, но судья краснеет от гнева и беспомощности.

— На этом фото ваша жена сбегает с восемнадцатилетним нигерийцем. — Пиллар раскладывает перед ним фотографии. — На этой ваш сын сбивает женщину насмерть в своем новом авто. И при этом дело на него никогда не заводилось. А вот и Вы сам, в тигровом нижнем белье в...

— Хватит, — шипит судья.

— Извините, не пронумеровал негативы. — Пиллар сияет фальшивой улыбкой. — Спешил.

— Ладно. Ладно. — Судья прячет фото под стол, боясь, что кто-нибудь их увидит. — Делайте, что хотите. Возвращайтесь и говорите, что заблагорассудиться. Я приму обвинения и возбужу уголовное дело.

— Мне нравится, когда власть действует заодно, — говорит Пиллар. — И еще кое — что.

— Что на этот раз? — Мужчину вот-вот хватит сердечный удар.

— Нам нужно, чтобы Вы помогли заказать столик в Жирной Утке на сегодняшний вечер, — говорит Пиллар. — Столик на двоих, ужин, супер- услужливые официанты и вы все оплатите своей кредиткой... то есть, моими налогами.

— Будет сделано. — Мужчина действительно хочет, чтобы Пиллар исчез с лица земли.

— Ах, да, и если это будет не слишком, пусть на пианино сегодня вечером играет Сэр Элтон Джон?

Ресторан Жирная Утка, Лондон
Лучший черепаший суп в мире

Позднее, тем же вечером, у меня свидание всей моей жизни. Джек просто красавчик с этими своими ямочками на щеках и супер — заботой обо мне. Обслуживание хорошее и официанты необычайно милы с нами. И к моему удивлению, на пианино играет Сэр Элтон Джон. Он исполняет песню под названием Мона Лиза и Безумные Шляпники. Человек в странной шляпе за соседним столиком поднимает свой бокал и салютует Сэру Элтону Джону за выбор песни, которая оказывается настоящей, а не плодом моего воображения. Я не вижу черт его лица, но за его столом полно молоденьких хихикающих девушек..., даже думать не хочу кто этот человек.

Мы пробуем восхитительный черепаший суп и тут же влюбляемся в него. Джек говорит, что отныне это наш "любимый суп". У каждой пары есть своя любимая песня, так отчего же нам не завести свой любимый суп?

На Джеке надет красивый черный костюм, и он в нем настоящий красавчик. Он не из тех, кто ест ножом и вилкой. Впрочем, как и я. Но мы оба становимся настоящими аристократами на одну ночь.

— Я купил тебе подарок, — говорит Джек.

— Обожаю подарки. — Вспыхиваю я.

— Это подарок на день нерождения, — говорит он.

— День нерождения? Как в...

— Книге "Алиса в Стране Чудес". - кивает он. — Все получают подарки раз в год на день рождения, а подарки на день нерождения можно дарить каждый день. И я хочу дарить тебе подарки каждый день, Алиса.

— Что же это? — я в предвкушении.

Джек достает маленькую книжку и кладет ее на стол.

— Бредовое Искусство Чепу Ху, — говорит он. — Редкая копия. По — видимому, единственная во всем мире.

Не такого подарка я ожидала, но я все же принимаю его. Уверена, мне нужно выучить это самое Чепу Ху для дальнейших миссий.

— Я принял решение, Алиса, — произносит он. — Я знаю, кем хочу быть.

— Кем? — мне любопытно узнать.

— Актером, — объявляет он. — Я чувствую, что во мне есть это. Те моменты в Друри Лейн прямо-таки открыли мне глаза.

— Кстати, говоря об этом, как ты сбежал? — Я чувствую, что должна спросить.

Вилка замирает на полпути у рта Джека. Поначалу, мне кажется, он не хочет рассказывать мне. Но затем, очевидно, он просто не помнит. Пиллар говорил, что на вопросы вроде этого он не сможет ответить.

— Все в порядке, — говорю я, и меняю тему разговора. Он рассказывает о своей любви к картам. Не смотря на то, что романтикой тут и не пахнет, я с интересом слушаю. Все, что мне нужно знать, что он еще долго пробудет со мной. У меня хорошее предчувствие, грядет хорошее начало.

Потом он неожиданно выпаливает.

— Просто, порой я ощущаю себя таким потерянным, Алиса, — говорит он. — Когда я не с тобой, люди даже иногда не замечают меня. Словно я невидимка. Иногда я не помню, где я живу. Иногда мне вообще не хочется ничего делать. Если бы не ты, я не знаю, ради чего бы я жил.

Мне до смерти больно, когда он произносит слово "жить".

— Что еще, Джек? — я держу его за руки через весь стол. Он и понятия не имеет, как мне хорошо от этого. Я думаю о том, поцелует ли он меня сегодня. — Быть может, ты чувствуешь, что должен мне сказать что-то?

Пиллар говорил, что Джек не уходит, потому что ему нужно сказать мне что-то, будто существует некое незаконченное дело, не выполнив которое, он не сможет уйти.

— Я хотел рассказать тебе об одной вещи..., — Он колеблется.

— Я слушаю, Джек. Мы не должны ничего скрывать друг от друга.

— Ну. — Он убирает руки, и на этот раз я ощущаю себя потерянной. — Ничего. — Он обмахивается рукой и промокает губы салфеткой. — Мне нужно отойти. — Он поднимается и уходит, прежде чем зайдет разговор о причине его пребывания. Я не давя на него. Что бы он ни хотел мне сказать, может подождать, ведь он надолго останется со мной.

Я наблюдаю за тем, как он удаляется в уборную. Но мне до сих пор любопытно. Что он хотел рассказать мне? Справедливо ли это, что он не уходит из-за меня? Как долго он еще будет страдать, чувствуя себя потерянным, а иногда и невидимым из-за моего желания, чтобы он остался здесь?

Я отрываюсь от своих мыслей, когда рядом со мной садится Пиллар.

— Взгляни, как все эти люди наслаждаются едой. — Он указывает на посетителей. — Если бы они только знали, насколько она бесценна. Знали бы они, что существуют люди, которые убить готовы, чтобы только раздобыть себе еды.

— Зачем Вы здесь? — я вытираю рот салфеткой. — Джек может вернуться в любую минуту, и я не хочу расстраивать его.

— Привет, Рокетмэн! — Пиллар машет Сэру Элтону Джону, который играет на пианино и прячет глаза за солнечными очками. Сэр Элтон Джон приветствует его в ответ, вскинув подбородок. Словно они знают друг друга с давних времен.

— Зачем Вы здесь, Пиллар? — настаиваю я.

— Я просто вспомнил одну маленькую деталь о Джеке, которую упустил из внимания, и подумал, что тебе лучше узнать о ней.

— Не сейчас, — говорю я. — Я в эмоциональном тупике, да и Джек может вернуться в любой момент.

— Поэтому тебе нужно знать.

— Это о том, что он хотел рассказать мне?

— Я понятия не имею что Джек хочет рассказать тебе, или почему он отказывается умирать, — говорит Пиллар. — Я знаю лишь одно: не смотря на твое огромное желание, чтобы он был рядом с тобой, за что тебя, конечно, нельзя винить, поскольку всем нам нужна любовь, ни для тебя, ни для него это не сулит ничего хорошего.

— Как так?

— Каждое мгновение, что Джек проводит здесь, он противостоит балансу Вселенной. Одним людям суждено умирать, а другим появляться на свет. Мы понятия не имеем почему, и, честно говоря, я и знать об этом не желаю, — говорит он. — Так что, каждый день, что

Джек проводит с тобой, расстраивает тех парней, что по другую сторону.

Разве это не объясняет, почему Джек так смущен и несчастлив, когда остается один?

— Что значит "расстроены"?

— Книжки и Фабиола говорят, что в его случае, это уменьшает его шансы на попадание рай, — говорит Пиллар. — Каждый день, что Джек проводит здесь, он живет во грехе и буквально, может попасть в ад из-за тебя.

— Вы не сразите меня своей верой в Бога, Профессор Пиллар.

— Я — нет, — отвечает Пиллар. — А вот Джек — да.

Я озадаченно смотрю на него.

— У каждого своя вера, Алиса, — говорит Пиллар. — Ты веришь, что ты сумасшедшая и вуаля! Если ты согласишься, что можешь ходить по луне, поверь мне, однажды так и будет. Если ты веришь, что отправишься в ад, помогая тому, кого любишь, ты сможешь возлюбленному и... отправишься в ад.

— Не верю, что из-за меня Джек попадет в ад.

— Единственное в этом мире, что встает на пути у безумия — это вера. — Пиллар, как всегда, философствует. — Ученые скажут, что вера — очередной фокус — фокус, но знаешь что? Безумный мир тоже фокус- фокус. Ты лишь сражаешься фокусом с фокусом.

— Но..., - Нет слов, чтобы выразить мои чувства. Мне нужен Джек, но я не могу быть эгоисткой и сотворить с ним подобное. Я в замешательстве и мое сердце разбито, вот только никто его не разбивал. Я не знаю, что мне делать. — Но что я могу?

— Единственный способ для Джека — умереть, вопреки его упрямому желанию остаться и быть твоим ангелом — хранителем, если ты скажешь ему это в лицо.

— Сказать ему, что он — мертв?

Пиллар кивает и отхлебывает черепашьего супа.

— Вкуснейшая черепаха, — замечает он, наслаждаясь вкусом, не смотря на то, что я знаю, в этом супе нет никаких черепашек. — Очень вкусно для столь медленного существа. — Он вытирает рот салфеткой, а затем смотрит на часы. Наконец, он шепчет мне на ухо, — Отпусти Джека, Алиса. — Он шепотом продолжает. — Скажи ему, что он мертв и позволи ему уйти. Ты уже убила его однажды. Убить его еще раз не такая уж большая проблема.

Пиллар поднимается и уходит. Я не вижу, как он это делает, но чувствую, как его вес исчезает с дивана, на котором я сижу. Мой взгляд прикован ко входу в уборную. Джек еще не вернулся, поэтому я развлекаю сама себя тем, что рассматриваю его учебник по Чепу Ху. Я замечаю, что экземпляр уже использовался ранее и взят из Научной Библиотеки Рэдклифф, которая находится в Оксфордском Университете. Я открываю книгу и пугаюсь от того, что вижу на первой странице. Кто-то оставил мне послание. Оно гласит:

Алиса, я нашел книгу, которую ты искала.

Почерк плохой, да и чернила почти выцвели. Не могу воспринять все это, пока мой взгляд не падает на штамп из библиотеки. Судя по всему, книга была взята из библиотеки два года назад, перед тем, как я попала в Психиатрическую Лечебницу Рэдклифф. Я удивилась, знал ли Джек о книге, что дал мне.

Я переворачиваю страницу и нахожу еще одно послание, написанное на полях. Эта часть написана карандашом. Что-то подсказывает мне не читать это или, по-крайней мере, обождать немного.

Я поднимаю голову, и вижу, как Джек выходит из уборной. Он выглядит словно сияющая звезда. Его улыбка на лице могла бы воскресить меня, будь я мертва. Грациозность

его походки могла исцелить меня, будь я калекой. Его имя на моих губах могло бы стать молитвой против безумия в этом мире. Он моя половина, будто с самого начала наши миры пересеклись. Поверить не могу, что я должна просить его уйти.

Джек приближается ко мне, пока я сижу и смотрю на него глазами, полными слез. Я понятия не имею, что мне делать. Сказать ему правду и потерять его, или эгоистично солгать и оставить его. Я не могу отпустить его и не могу позволить ему остаться. Оба выбора сулят мне проклятье.

Испугавшись, что он прочтет мои мысли по моим испуганным глазам, я опускаю голову и читаю послание в книге. В нем сказано:

P.S. Не забывай поливать мою Тигровую Лилию? Кроме того, я тут пораскинул мозгами и согласен, что мы должны отправиться на ту автобусную экскурсию, что ты так хотела, вместе.

С любовью, Адам.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Конец...